

ИРО
СВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА
НОВОГО

ISSN 2949-5059 (print)
ISSN 2949-5075 (online)

Вопросы современной лингвистики KEY ISSUES OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Инклюзивная диалоговая система нового
поколения: лингвистический аспект

Таксисные функции предложных девербативов
русского языка и их итальянских соответствий

2025 / № 1

ISSN 2949-5059 (print)

2025 / № 1

ISSN 2949-5075 (online)

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Лингвистика

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (см.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки); 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

Journal is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (see: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 5.9.6 – Languages of the Peoples of Foreign Countries (Germanic and Romance); 5.9.8 – Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

ISSN 2949-5059 (print)

2025 / № 1

ISSN 2949-5075 (online)

KEY ISSUES OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ахренова Н. А. — д-р филол. наук, доц., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Заместитель главного редактора:

Максименко О. И. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Тарасова М. С. — канд. филол. наук, Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Александрова О. В. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Викулова Л. Г. — д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Вишнякова О. Д. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Гринев-Гриневич С. В. — д-р филол. наук, проф., Университет в Белостоке (Республика Польша);

Епифанцева Н. Г. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Жирова И. Г. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Иванов Н. В. — д-р филол. наук, проф., МГИМО МИД России;

Калинин О. И. — д-р филол. наук, проф., Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Карабулатова И. С. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Карпова О. М. — д-р филол. наук, проф., Ивановский государственный университет;

Коста Петер — доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);

Красноперова Л. С. — канд. филол. наук, доц., Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Левченко М. Н. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Малюга Е. Н. — д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

Маслова В. А. — д-р филол. наук, проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);

Николаева О. В. — д-р филол. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);

Пан Кё Ён — д-р филол. наук, проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея);

Пешкова Н. П. — д-р филол. наук, проф., Башкирский государственный университет;

Прохорова О. Н. — д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Прошина З. Г. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Скуратов И. В. — д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Сулейманова О. А. — д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Тер-Минасова С. Г. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Филиппова И. Н. — д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Хабаров А. А. — д-р филол. наук, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Хухуни Г. Т. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Чеснокова О. С. — д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вопросы современной лингвистики» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вопросы современной лингвистики» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс журнала «Вопросы современной лингвистики» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40713.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте: www.linguatgou.ru.

При цитировании ссылка на журнал «Вопросы современной лингвистики» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии журнала. Рукописи не возвращаются.

Вопросы современной лингвистики. — 2025. — № 1. — 150 с.

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.linguatgou.ru

Founder:
Federal State University of Education

———— Issued 6 times a year ————

Editorial board

Editor-in-chief:

N. A. Akhrenova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Deputy editor-in-chief:

O. I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

Executive secretary of the series:

M. S. Tarasova – Cand. Sci. (Philology), Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

O. V. Alexandrova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. G. Vikulova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

O. D. Vishnyakova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

S. V. Grinev-Grinevich – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bialystok University (Poland);

N. G. Yepifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

I. G. Zhirona – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

N. V. Ivanov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

O. I. Kalinin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

I. S. Karabulatova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

O. M. Karpova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Ivanovo State University;

Kosta Peter – Dr. phil. habil., Prof., University of Potsdam (Germany);

L. S. Krasnoperova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

M. N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

E. N. Malyuga – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

V. A. Maslova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Vitebsk State University named after P.M. Masharov, Republic of Belarus;

O. V. Nikolaeva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Far Eastern Federal University (Vladivostok);

Pang Gyo-Youn – Dr. Sci. (Philology), Prof., Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bashkir State University;

O. N. Prokhorova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belgorod National Research University;

Z. G. Proshina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

O. A. Suleimanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

S. G. Ter-Minasova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

A. A. Khabarov – Dr. Sci. (Philology), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

G. T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

O. S. Chesnokova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

The reviewed scientific journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (mass media registration certificate No. FS 77-73342).

Index of journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" according to the Union catalog "Press of Russia" – 40713.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "Cyber-Leninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site: www.linguamgou.ru.

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the journal does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Key Issues of Contemporary Linguistics. – 2025. – № 1. – 150 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

10A build 2 Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.linguamgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Грошев Д. В.</i> Просодия как ключевой элемент в речевом воздействии (на примере сопоставления просьбы и требования с угрозой)	6
<i>Карабулатова И. С., Лосева Р. В.</i> Интерпретация русского традиционного песенного фольклора в виртуальном пространстве интернета в аспекте цифровой лингвофольклористики	17
<i>Кузнецова Ю. А., Князева Е. Г., Шермазанова С. В.</i> Лексико-морфологические средства манипулирования в антироссийской пропаганде	37
<i>Ларионова М. В., Фокина А. Д.</i> Ритуальность как типологическая характеристика юридического дискурса: семиотическое измерение	51
<i>Фирсанова В. И.</i> Инклюзивная диалоговая система нового поколения: лингвистический аспект	68

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

<i>Аверина А. В.</i> Немецкие модальные частицы в текстах различных функциональных стилей	83
<i>Анисимов В. Е.</i> К вопросу о внутренней иерархии дискурса (на материале французского кинодискурса)	96
<i>Архипова И. В.</i> Таксисные функции предложных девербативов русского языка и их итальянских соответствий	112
<i>Есмурзаева Ж. Б., Новикова Е. В.</i> Концепт НЕИМАТ (РОДИНА) в современном немецкоязычном афористическом дискурсе	122
<i>Седых А. П., Чижова А. О., Быканова М. С.</i> Артикль в романских языках: контрастивный и лингвокогнитивный подходы	135

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Скуратов И. В.</i> Неология и неография современных европейских языков	147
---	-----

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

D. Groshev. Prosody as a Key Component in Speech Influence (The Comparison of a Request and a Threatening Demand)	7
I. Karabulatova, R. Loseva. The Interpretations of Russian Traditional Song Folklore in the Internet Virtual Space in the Aspect of Digital Linguistic Folklore Studies	18
Yu. Kuznetsova, E. Knyazeva, S. Shermazanova. Lexico-Morphological Means of Manipulation in Anti-Russian Propaganda	38
M. Larionova, A. Fokina. Rituality as a Typological Characteristic of Legal Discourse: Semiotic Dimension.	52
V. Firsanova. Inclusive Next-Generation Dialogue System: Linguistic Aspect	67

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

A. Averina. German Modal Particles in Texts of Different Functional Styles	84
V. Anisimov. On the Question of the Internal Hierarchy of Discourse (Based on the Material of the French Film Discourse)	97
I. Arkhipova. Taxis Functions of Russian Prepositional Deverbatives and Their Italian Correspondents	113
Zh. Esmurzaeva, E. Novikova. Concept HEIMAT (HOMELAND) in the Contemporary German Aphoristic Discourse	123
A. Sedykh, A. Chizhova, M. Bykanova. Articles in Romance Languages: Contrastive and linguistic-Cognitive Approach	136

ACADEMIC LIFE

I. Skuratov. Neology and Neography of Modern European Languages.	147
---	-----

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 81.342

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-1-6-16

ПРОСОДИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ В РЕЧЕВОМ ВОЗДЕЙСТВИИ (НА ПРИМЕРЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ПРОСЬБЫ И ТРЕБОВАНИЯ С УГРОЗОЙ)

Грошев Д. В.

*Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
(национальный исследовательский университет), г. Москва, Российская Федерация
e-mail: dimagroshev-str@yandex.ru*

Поступила в редакцию 04.07.2024

После доработки 18.11.2024

Принята к публикации 19.11.2024

Аннотация

Цель. Выявить отличительные признаки речевых актов просьбы и требования с угрозой на уровне просодии на материале современного немецкого языка.

Процедура и методы. Материалом экспериментально-фонетического исследования послужили высказывания, произнесённые пятью носителями немецкого языка, владеющими его произносительными нормами. Методика представляет собой комплексный анализ: слуховой, акустический, математико-статистический и сопоставительный с привлечением компьютерных программ Praat и SPSS.

Результаты. Проведённое исследование позволило получить индивидуальные просодические характеристики речевых актов просьбы и требования с угрозой. Рассматриваемые речевые акты различаются на заданном статистическом уровне по тональному, динамическому и темпоральному признакам. Наиболее дифференцированным участком делимитации речевого потока можно считать предакт и затакт.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при решении задач автоматического распознавания и синтеза речи, а также в практике преподавания теоретических лингвистических дисциплин.

Ключевые слова: просодия, просьба, речевое воздействие, требование с угрозой, экспериментально-фонетическое исследование

Для цитирования:

Грошев Д. В. Просодия как ключевой элемент в речевом воздействии (на примере сопоставления просьбы и требования с угрозой) // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 1. С. 6–16. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-6-16>.

Original research article

PROSODY AS A KEY COMPONENT IN SPEECH INFLUENCE (THE COMPARISON OF A REQUEST AND A THREATENING DEMAND)

D. Groshev

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation

e-mail: dimagroshev-str@yandex.ru

Received by the editorial office 04.07.2024

Revised by the author 18.11.2024

Accepted for publication 19.11.2024

Abstract

Aim. To identify the distinctive features of speech acts of a request and a threatening demand at the prosodic level based on the modern German language.

Methodology. The experimental and phonetic research was based on the statements made by five native German speakers who are pronunciation experts. The methodology is a comprehensive analysis: auditory, acoustic, mathematical-statistical and comparative, using the Praat and SPSS computer programs.

Results. The conducted research allowed to obtain individual prosodic characteristics of speech acts of a request and a threatening demand. The speech acts differ at a given statistical level by tonal, dynamic and temporal features. The most differentiated section of speech flow delimitation can be considered the pre-beat and post-beat.

Research implications. The results of the study can be used in solving problems of automatic speech recognition and synthesis, as well as in the practice of teaching theoretical linguistic disciplines.

Keywords: prosody, request, speech influence, a threatening demand, experimental and phonetic research

For citation:

Groshev, D. V. (2025). Prosody as a key component in speech influence (the comparison of a request and a threatening demand). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, 6–16. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-6-16>.

Введение

Речевое воздействие можно определить как «воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящими цели – изменения поведения адресата, его установок, намерений, представлений, оценок и т. п. в ходе речевого взаимодействия с ним» [1, с. 55].

Эффективность речевого воздействия зависит от многих факторов: сферы и темы общения, пола, возраста, ролевого и социального положения интерактантов, их индивидуальных особенностей и т. д. Тем не менее в устно-речевом дискурсе ключевую роль стоит отвести просодии – «ведущим средством воздействия в устной речи является её ритмико-мелодическая организация» [2, с. 60].

К основным просодическим средствам речевого воздействия можно отнести громкость и высоту голоса, его мелодический диапазон, темп и ударение [3]. Даже незначительное изменение в данных просодических средствах придаёт высказыванию новое значение. Следовательно, достижение коммуникативной цели напрямую зависит от корректной аранжировки просодических характеристик, что делает проведение экспериментальных исследований звучащей речи актуальным.

Так, например, было установлено, что при использовании в устной речи такого приёма, как цитирование, говорящий склонен делать паузы перед цитируемым фрагментом, повышать тон и громкость, замедлять темп [4, р. 133]. Отмечалось также, что для коммуникации, которая изначально была направлена на минимизацию негативных последствий, характерно наличие низких просодических показателей, что связано с отсутствием перформативных глаголов, выражающих смягчение таких последствий [5, р. 206]. Другое исследование показало, что при передаче информации, направленной на удивление собеседника, преимущественно наблюдаются более высокие просодические показатели в сравнении с нейтральным высказыванием [6, р. 22]. Таким образом, в связи со сложностью речевого континуума возникает необходимость проведения более детализированных исследований каждого аспекта речи, в частности, требуется рассматривать каждый иллокутив в отдельности.

В рамках такого типа речевого акта, как директив, выделяют просьбу и требование с угрозой. Под директивом понимается попытка говорящего побудить слушающего что-либо сделать. Несмотря на то, что оба иллокутива носят побудительный характер, они различаются своей манерой осуществления действия. На данный момент широко изучается вариативность языковых способов выражения директивных речевых актов в различных

областях, в частности в полицейском дискурсе [7] и судебном дискурсе [8]; директивный речевой акт рассматривается как сложное семиотическое образование [9].

Просьба представляет собой обращение к адресату, которое призывает его исполнить какие-либо нужды, желания¹ и лишено эмоциональной составляющей. Например, *kannst du mir vielleicht zehn Euro bis morgen ausleihen?* (не мог бы ты одолжить мне десять евро до завтра?²).

Определения речевого акта требования с угрозой в словарях не представлено, однако данный иллокутив имеет право на существование. Например, *wenn du noch einmal nicht zur Probe erscheinst, kannst du nicht mehr mitspielen* (если ты снова не явишься на репетицию, то ты больше не сможешь играть). Отмечается, что для эффективной реализации требования говорящий часто прибегает к разным тактикам, преимущественно к тактике угрозы [10, с. 51]. Другими словами, у речевого акта могут появляться оттенки, которые достигаются путём изменения просодических характеристик. Предполагается, что различная аранжировка тональных, динамических и темпоральных параметров каждый раз придаёт новое значение высказыванию. Так, проведённое ранее экспериментально-фонетическое исследование выявило ряд отличительных особенностей требования и требования с угрозой на уровне просодии [11]. Однако, несмотря на отличия, данные иллокутивы обнаруживают определённую схожесть между собой, что может говорить о требовании с угрозой как о категоричной форме требования. Таким образом, требование с угрозой представляет собой желание, выраженное крайне категорично, неисполнение которого повлечёт за собой негативные последствия для адресата.

¹ См.: Bitte // Duden Online: Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Bitte> (дата обращения: 19.06.2024).

² Здесь и далее перевод автора статьи – Д. Г.

При проведении экспериментально-фонетического исследования частота основного тона (ЧОТ), интенсивность и длительность являются основными параметрами, при помощи которых можно выявить отличительных признаки сопоставляемых речевых актов.

Методология исследования

В основу методологической базы положена методика, которая применяется при проведении экспериментально-фонетических исследований в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО).

В качестве экспериментального материала были взяты аутентичные высказывания, которые были реализованы и записаны носителями немецкого языка в специальной звукозаписывающей студии при помощи профессионального оборудования. Все испытуемые владеют произносительными нормами немецкого языка. Работают или учатся в Вюрцбургском университете, постоянно проживают в Баварии (Германия), возрастом от 23 до 26 лет. В данном эксперименте принимали участие трое мужчин и две женщины. Общее количество фраз, выражающих просьбу и требование с угрозой, составило 60, общий объём слогов приблизительно – 1030.

Методика представляет собой последовательный четырёхэтапный анализ. На первом этапе – слуховом – были приглашены носители немецкого языка, которые не участвовали при записи исследуемого материала. Выбор испытуемых определялся наличием у них навыка аудирования. В их задачу входило установление следующего: соответствие ранее записанных высказываний ситуации общения и нормам произношения. В дальнейшем к эксперименту привлекались преподаватели немецкого языка, которые должны были являться исключительно специалистами в области фонетики. Им было необходимо расставить ударения, паузы и движения тона во фразах.

Для следующего этапа – акустического – было отобрано 58 высказываний общим объёмом 981 слог. Отрывки с посторонними шумами и звуковыми накладками, которые могли бы повлиять на получение объективных акустических характеристик, полностью исключались при отборе материала. На данном этапе проводилась фонемно-слоговая расшифровка фраз. Замеры и анализ акустических параметров частоты основного тона (ЧОТ), интенсивности и длительности исследуемых высказываний осуществлялись при помощи специальной компьютерной программы Praat, позволяющей обрабатывать речевые сигналы. Все снятые абсолютные значения полученных данных были переведены в относительные, что позволило устранить индивидуальные особенности произношения испытуемых и любые гендерные различия.

Использование дальнейшего этапа анализа – математико-статистического – обусловлено необходимостью получения объективной оценки полученных данных. При помощи компьютерной программы SPSS удалось обнаружить степень случайности и закономерность наблюдаемых в речи фактов. При сопоставлении исследуемых просодических признаков различия считались существенными, если они соответствовали уровню значимости, равному 0,1 (90% вероятности). Именно на основании объективных математико-статистических подсчётов строится дальнейшая интерпретация экспериментального материала.

На заключительном этапе – сопоставительном – выявляются и описываются различия и схожести между рассматриваемыми речевыми актами на тональном, динамическом и темпоральном уровнях [12].

Результаты экспериментально-фонетического исследования

Экспериментально-фонетическое исследование позволило получить две модели на уровне ЧОТ, интенсивности и

длительности: М-1 – просьба и М-4 – требование с угрозой.

При сопоставлении двух моделей по среднечастотным показателям было установлено, что t-критерий Стьюдента равен 6,46. Такое значение указывает на однозначное различие исследуемых моделей на уровне ЧОТ, так как доверительный уровень расхождений существенно превышен.

Диапазон М-1 равен 0,38, диапазон М-4 равен 0,37, что свидетельствует об их идентичности. Расположение исследуемых моделей также фиксирует определённую схожесть: развитие тонального признака преимущественно происходит на 2-ом уровне, однако некоторые участки высказываний располагаются на 3-ем уровне. Относительно максимальных и минимальных значений двух моделей консенсуса не наблюдается. Пик значения М-4 находится в ритмическом корпусе (точка С), максимальный показатель

М-1 расположен в точке G. Минимум значения М-4 отмечается в затакте (точка G), минимальный показатель М-1 – в предтакте (точка А) (рис. 1).

Контур развития кривых обеих моделей носит относительно плавный характер. У модели М-4 происходит резкое увеличение тонального признака к точке С (первому ударному слогу), после прохождения которой тон постепенно снижается вплоть до завершения всего высказывания. Мелодический признак модели М-1 преимущественно носит плавный характер, лишь к концу фонации, начиная с ядерного слога (точка Е), тон резко увеличивается.

Сопоставление релевантных точек позволило отнести речевые акты к разным выборкам. Точка G, t-критерий которой равен 5,88, отмечает наибольшую дифференциацию между моделями среди остальных точек. Ритмический корпус, развивающийся синхронно, – отрезок

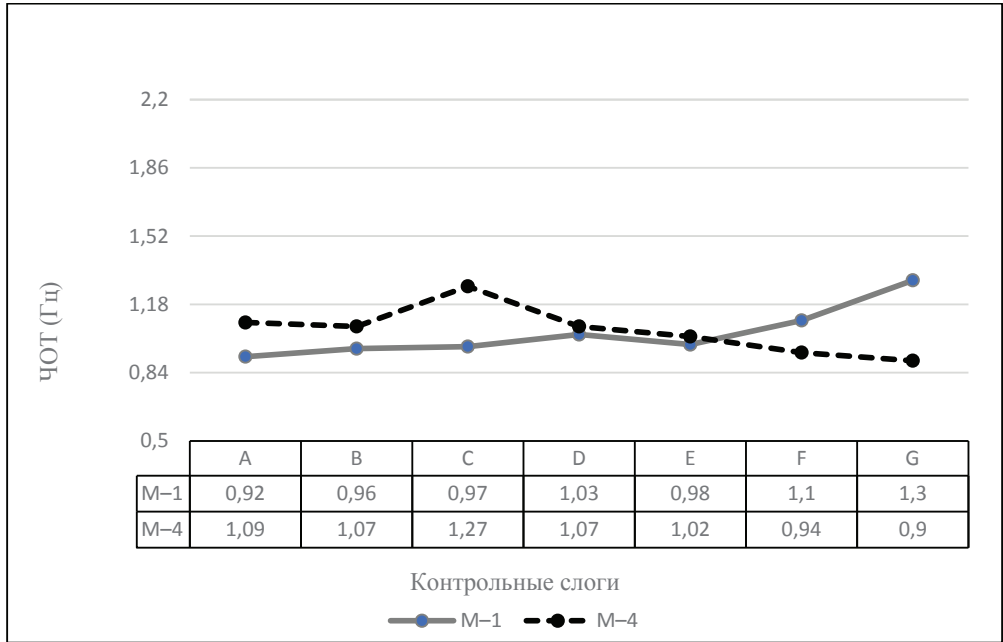

Рис. 1 / Fig. 1. Сопоставление ЧОТ моделей М-1 и М-4 / The comparison of the pitch of M-1 and M-4 models

Источник: составлено автором.

от точки D до точки E – не несёт различий. На участке предтакта, где тональный признак также развивается синхронно, но на разных уровнях, статистически фиксируется устойчивая тенденция к различению.

Математико-статистический анализ показал, что модели М-1 и М-4 принадлежат к разным выборкам. Допустимый порог расхождений значительно превышен, так как t-критерий Стьюдента составляет 5,14.

Диапазон рассматриваемых моделей не идентичен. Динамический признак М-1 расположен на 4-ом и 5-ом уровнях, параметр интенсивности М-4 зафиксирован на 3-ем и 4-ом уровнях. Диапазон громкости модели М-1 уже данного параметра модели М-4 в 1,57 раз. Максимальное значение М-1 локализовано в самом начале высказывания (точка А), минимум – в затакте (точка F). Минимальное значение М-4 также можно обнаружить в

затакте, однако в другой точке – точке G. Пик М-4 отмечается в начале ритмического корпуса (точка С) (рис. 2).

Развитие динамического признака в предтакте и ритмическом корпусе носит синхронный, но разноуровневый характер. При переходе к точке С (первому ударному слогу) громкость М-4 резко увеличивается. В М-1 подобных изменений не наблюдается. Определённые особенности моделей можно обнаружить и в затакте: в М-1 – незначительное увеличение интенсивности, в М-4 – более плавное уменьшение соответствующего параметра. Обе кривые преимущественно идут на спад, однако отмечается и усиление громкости: в М-1 – в предтакте, в М-4 – в первом ударном и ядерном слогах (точки С и Е). В целом на уровне интенсивности модель М-1 выражена ярче относительно модели М-4.

На основе сопоставления контрольных слогов моделей М-1 и М-4 можно за-

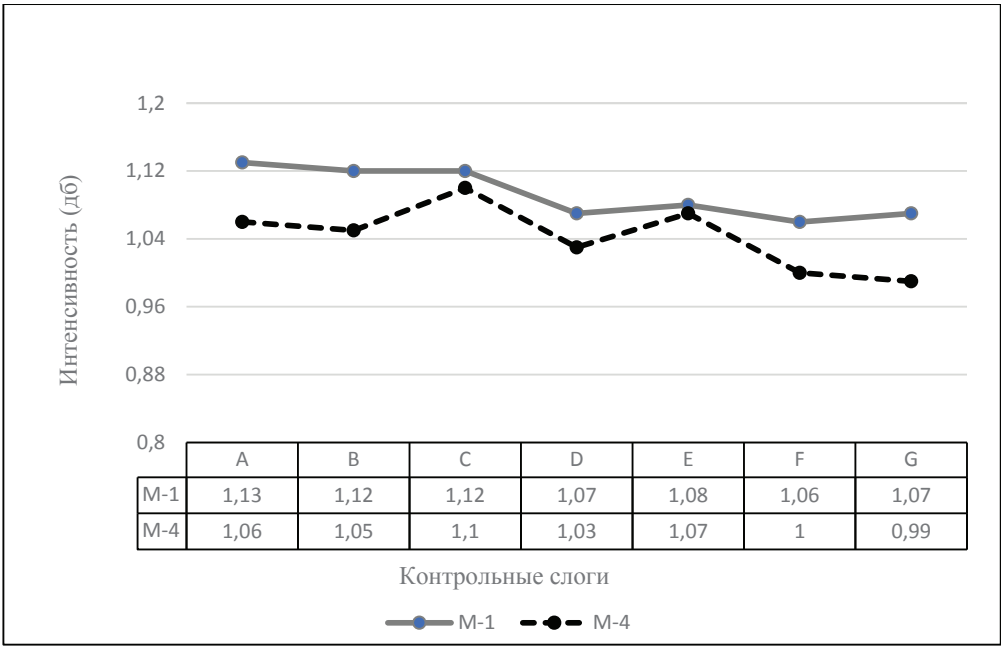

Рис. 2 / Fig. 2. Сопоставление интенсивности моделей М-1 и М-4 / The comparison of the intensity of M-1 and M-4 models

Источник: составлено автором.

ключить, что все участки делимитации речевого потока – предтакт, частично ритмический корпус и затакт – статистически дифференцированы. Наибольшее отличие можно обнаружить в точке А, чей t-критерий Стьюдента составляет 4,7. Ритмический корпус среди других участков менее всего дифференцирован. Исключение составляет предъядерный слог (точка D), где t-критерий превышает установленный уровень значимости.

Сопоставление средней слоговой длительности моделей М-1 и М-4 показало, что t-критерий Стьюдента, равный 4,34, превышает минимальный уровень различий. Средний темп фонации рассматриваемых моделей приблизительно идентичен. Преимущество в скорости произнесения у модели М-1 над моделью М-4 составляет лишь 10 слогов (343/333).

Максимальное значение М-4 расположено в затакте (точка G). Точки Е и F приближаются к этому значению. Пиковое

значение М-1 зафиксировано в точке G. Минимум данной модели также наблюдается в затакте, но в точке F. Напротив, минимальный темпоральный признак М-4 локализован сразу в двух точках А и D (рис. 3).

Обе модели не находят консенсуса относительно развития темпорального признака на протяжении всего высказывания. Исключением можно считать завершение фразы, где в обоих случаях отмечается замедление скорости фонации. В модели М-4 можно наблюдать постепенное снижение темпа, которое начинается с самого первого слога. Лишь в точке D темп быстро нарастает.

Различие моделей на уровне длительности подтверждается тем, что все контрольные слоги при сопоставлении обладают отличительными признаками. Наибольшее отличие выявлено в точке F, t-критерий которой равен 5,67 [12].

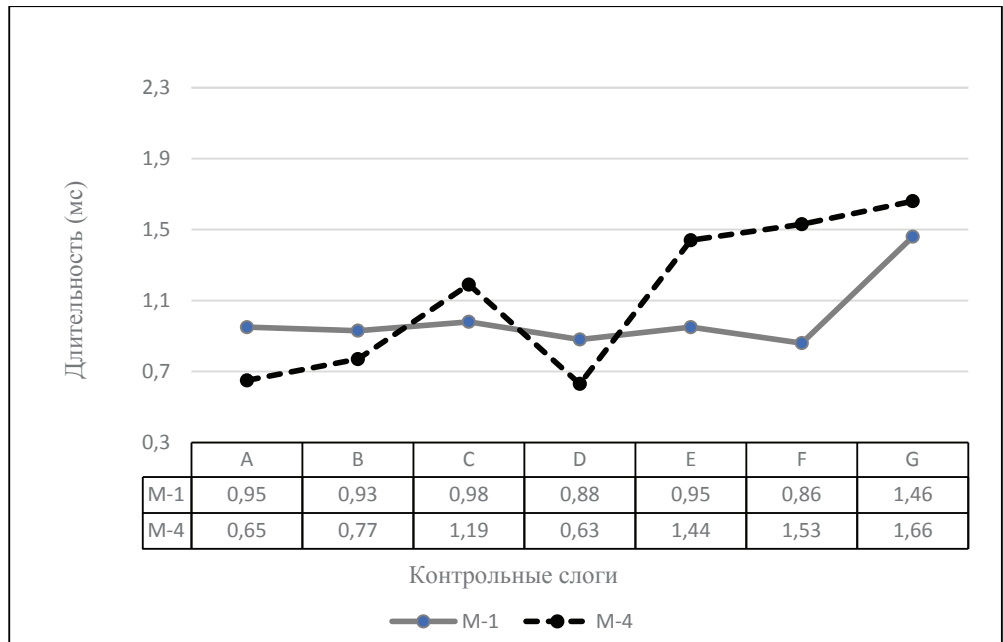

Рис. 3 / Fig. 3. Сопоставление длительности моделей М-1 и М-4 / The comparison of the duration of M-1 and M-4 models

Источник: составлено автором.

Лингвистическая интерпретация полученных результатов

Опираясь на результаты, полученные в ходе эксперимента с применением математико-статистического анализа, можно заключить, что на мелодическом уровне иллокутивные акты просьбы и требования с угрозой чётко дифференцированы. Среди наиболее отличительных участков делимитации высказывания можно выделить предтакт, затакт и начало ритмического корпуса. Выделение первого ударного слога посредством повышения тона в случае речевого акта требования с угрозой может объясняться важностью информации, которую необходимо донести до адресата. В дальнейшем стратегия говорящего меняется, что выражается градиентным понижением тона вплоть до завершения всего высказывания. Это в очередной раз подчёркивает наличие существенной информации, сосредоточенной в самом начале ритмического корпуса. Плавное движение тона, присущее просьбе, может объясняться тем, что данный иллокутив преимущественно осуществляется в положении от нижестоящего к вышестоящему. Резкие перепады мелодики вероятно приведут к коммуникативной неудаче. Однако, как было установлено, эта закономерность не распространяется на затакт. Здесь тон просьбы имеет более высокие показатели по сравнению с первой частью высказывания и резко контрастирует с требованием с угрозой. Предположительно, повышение тона к концу высказывания создаёт более воздействующий эффект на адресата. Предтакт также статистически дифференцирован. Несмотря на синхронное развитие ЧОТ с просьбой, требование с угрозой тонально выражено выше. Наличие оттенка угрозы, присущей данному иллокутиву, возможно, позволяет адресанту говорить более свободно.

Дифференциация рассматриваемых речевых актов на уровне интенсивности подтверждается математико-статистическим анализом, однако первый ударный

и ядерный слоги не различимы. Примечательно, что именно эти контрольные слоги акцентированы требованием с угрозой. Увеличение громкости в ритмическом корпусе акцентирует внимание слушателя на важности доносимой информации. Несмотря на исключительность главных слогов, для требования с угрозой характерно плавное нисходящее развитие динамического признака. Вероятно, для достижения коммуникативной цели достаточно выделение громкостью существенной информации. Наиболее отличительными признаками обладают такие участки делимитации высказывания, как предтакт и затакт. Отсутствие скачкообразного изменения громкости, присущего просьбе, коррелирует с плавностью признаков, выявленных на уровне частоты основного тона, что говорит об определённой закономерности использования данного иллокутива. На уровне интенсивности просьба реализована ярче. Относительно низкий спокойный тон балансируется более повышенной громкостью, что, предположительно, представляет собой более эффективный инструмент при достижении цели, поставленной говорящим. Стоит отметить, что показатели в предтакте и начале ритмического корпуса у просьбы выше, чем остальные контрольные слоги. Это объясняется тем, что первый ударный слог преимущественно приходился на начало фонации высказывания. В затакте у просьбы отмечается небольшое повышение динамического признака, что, возможно, напрямую связано с увеличением тона на данном участке.

Длительность наряду с интенсивностью и ЧОТ выступает дифференцирующим параметром при сопоставлении речевых актов просьбы и требования с угрозой, что подтверждается математико-статистическими подсчётами. Примечательно, что на заданном доверительном уровне (90%) отличаются все контрольные слоги двух иллокутивов. Это свидетельствует о том, что самым

дифференцирующим признаком является темпоральный. Единственно схожая черта, которая наблюдается в развёртывании высказывания на уровне длительности, заключается в том, что темп двух речевых актов замедляется к концу фонации, что объясняется законченностью мысли высказывания. Просьба, для которой характерны спокойный тон и стабильная громкость, отмечает также равномерный темп. Причина замедления темпа в первом ударном слоге и ядерном слоге, которые можно найти у требования с угрозой, лежит в выделении данных слогов громкостью, посредством чего говорящий подчёркивает важность своего сообщения. Иными словами, длительность выступает в качестве инструмента, которым выделяют основную информацию и опускают второстепенную.

Заключение

Экспериментально-фонетическое исследование, цель которого заключалась в выявлении дифференцирующих признаков речевых актов просьбы и требования с угрозой на уровне ЧОТ, интенсивности и длительности, позволило получить индивидуальные просодические характеристики рассматриваемых речевых актов.

При сопоставлении усреднённых показателей ЧОТ, интенсивности и длительности было установлено, что иллокутивные акты просьбы и требования с угрозой дифференцированы на установленном статистическом уровне по тональному, динамическому и темпоральному признакам. Наиболее дифференцированным участком делимитации речевого потока можно считать предтакт и затакт. Несмотря на относительно схожее развитие признака данных речевых актов в предтакте и затакте, существует

ряд отличий: тон требования с угрозой преимущественно выше аналогичного параметра просьбы, однако ближе к завершению фонации наблюдается обратная ситуация; громкостью ярче выражена просьба, что прослеживается на протяжении всего высказывания; темп требования с угрозой более быстрый в начале фонации, однако более медленный, чем у просьбы, в конце высказывания.

Для иллокутива просьбы характерно отсутствие резких изменений на просодическом рисунке. Исключение составляет затакт, где тональные и динамические признаки увеличиваются, а темп замедляется, что может объясняться завершённостью мысли высказывания. Требование с угрозой, напротив, отмечает более скачкообразное развитие всех признаков. Особенно отчётливо выделяется ритмический корпус, а именно первый ударный и ядерный слоги, где заложен смысловой центр фразы. Выделение говорящим данных слогов на уровне ЧОТ, интенсивности и длительности, вероятно, создаёт необходимый эффект на слушающего. Можно предположить, что некорректное использование определённых просодических характеристик, которые присущи просьбе и требованию с угрозой, приведёт к коммуникативной неудаче.

Результаты экспериментально-фонетического исследования могут носить как теоретический, так и прикладной характер. Они могут быть использованы при решении задач автоматического распознавания и синтеза речи, а также в практике преподавания теоретических лингвистических дисциплин.

Полученные результаты могут послужить основой для проведения сопоставительного анализа с другими речевыми актами, в том числе на других языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришечко Е. Г. Определение понятия речевого воздействия и виды этого воздействия // Гуманитарные и социальные науки (сетевое издание). 2008. № 4. URL: http://hses-online.ru/2008/04/10_02_04/10.pdf (дата обращения: 02.06.2024).
2. Григорьев Е. И., Карандеева Л. Г. Особенности реализации речевого воздействия в процессе устной коммуникации // Казанская наука. 2018. № 4. С. 57–63.
3. Курьянова И. В. Языковые средства речевого воздействия в процессе коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 592. С. 121–130.
4. Bermúdez F. Using prosody to express evidentiality. The case of the quotative // *Journal of Pragmatics*. 2023. Vol. 214. P. 127–143. DOI: 10.1016/j.pragma.2023.06.009.
5. Cabedo Nebot A. Prosodic modulation as a mark to express pragmatic values: The case of mitigation in Spanish // *Journal of Pragmatics*. 2021. Vol. 181. P. 196–208. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.05.028.
6. Röhr C. T., Baumann S., Grice M. The influence of expectations on tonal cues to prominence // *Journal of Phonetics*. 2022. Vol. 94. Article 101174. DOI: 10.1016/j.wocn.2022.101174.
7. Полевая О. В. Вариативность языковых способов выражения директивных речевых актов (на материале французского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 4. С. 95–99. DOI: 10.30853/filnauki.2020.4.20.
8. Лисенкова Н. Н., Орехова Е. В. О некоторых особенностях побудительных речевых актов в судебном дискурсе (на материале английского языка) // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. 2020. № 3 (32). С. 245–252.
9. Анищенко А. В., Ларина Т. С. Директивные речевые акты как лингвокультурный феномен // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 11 (853). С. 9–21. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_9.
10. Карандеева Л. Г. Ситуативно обусловленная вариативность просодических характеристик директивных иллокутивов (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 201 с.
11. Прошев Д. В. Угрожающее требование как категоричная форма требования с отличительными особенностями на уровне просодии (Threatening Demand as a Categorical Form of a Demand with Distinguishing Features at the Prosodic Level) // Наука, технологии и бизнес: IV Межвузовская конференция аспирантов, соискателей и молодых учёных (Москва, 27–28 апреля 2022 г.) = Science, Engineering and Business: Conference Proceedings and Papers IV Interacademic Conference for Graduate Students and Young Researchers (Moscow, April 27–28, 2022). М.: Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2022. С. 24–30.
12. Прошев Д. В. Роль просодии в дифференциации концептов однонаправленных речевых актов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2023. 166 с.

REFERENCES

1. Grishechko, E. G. (2008). The notion of “speech influence” and its types. In: *The Humanities and social sciences*, 4, 53–59. URL: http://hses-online.ru/2008/04/10_02_04/10.pdf (available at: 02.06.2024) (in Russ.).
2. Grigorjev, E. I. & Karandeeva, L. G. (2018). Features of realization of speech influence in the process of oral communication. In: *Kazan Science*, 4, 57–63 (in Russ.).
3. Kuryanova, I. V. (2010). Language means of speech influence in the process of communications. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 592, 121–130 (in Russ.).
4. Bermúdez, F. (2023). Using prosody to express evidentiality. The case of the quotative. In: *Journal of Pragmatics*, 214, 127–143. DOI: 10.1016/j.pragma.2023.06.009.
5. Cabedo Nebot, A. (2021). Prosodic modulation as a mark to express pragmatic values: The case of mitigation in Spanish. In: *Journal of Pragmatics*, 181, 196–208. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.05.028.
6. Röhr, C. T., Baumann, S. & Grice, M. (2022). The influence of expectations on tonal cues to prominence. In: *Journal of Phonetics*, 94, article 101174. DOI: 10.1016/j.wocn.2022.101174.
7. Poleyeva, O. V. (2020). Variability of linguistic means to express directive speech acts (by the material of the French language). In: *Philology. Theory & Practice*, 13 (4), 95–99. DOI: 10.30853/filnauki.2020.4.20 (in Russ.).

8. Lisenkova, N. N. & Orekhova, E. V. (2020). Peculiarities of expressing directive speech acts in judicial discourse of the English language. In: *Theorie und Praxis der sprachlichen Beschreibung umgangssprachlicher Sprache*, 3 (32), 245–252 (In Russ.).
9. Anishchenko, A. V. & Larina, T. S. (2021). Directive speech acts as a linguocultural phenomenon. In: *Vestnik of Moscow State University. Humanities*, 11 (853), 9–21. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_9 (in Russ.).
10. Karandeeva, L. G. (2006). *Situationally conditioned variability of prosodic characteristics of directive illocutionaries (experimental-phonetic study on the material of the modern German language)* [dissertation]. Tambov (in Russ.).
11. Groshev, D. V. (2022). Threatening Demand as a Categorical Form of a Demand with Distinguishing Features at the Prosodic Level. In: *Science, Engineering and Business: Conference Proceedings and Papers IV Interacademic Conference for Graduate Students and Young Researchers (Moscow, April 27–28, 2022)*. Moscow: Bauman Moscow State Technical University publ., pp. 24–30 (In Russ.).
12. Groshev, D. V. (2023). *The role of prosody in the differentiation of concepts of unidirectional speech acts* [dissertation]. Moscow (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Грошев Дмитрий Валерьевич (г. Москва) – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романо-германских языков Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета);
<https://orcid.org/0000-0001-9588-4918>; e-mail: dimagroshev-str@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. Groshev (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Department of Romano-Germanic Languages, Bauman Moscow State Technical University;
<https://orcid.org/0000-0001-9588-4918>; e-mail: dimagroshev-str@yandex.ru

Научная статья

УДК 81'23

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-1-17-36

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РУССКОГО ТРАДИЦИОННОГО ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТА В АСПЕКТЕ ЦИФРОВОЙ ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Карабулатова И. С.^{1,2,3*}, Лосева Р. В.^{4,5}

¹ Хэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китайская Народная Республика

² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

³ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

⁴ Тюменский государственный институт культуры, г. Тюмень, Российская Федерация

⁵ Тюменское высшее военно-инженерное ордена Кутузова командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, г. Тюмень, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: radogost2000@mail.ru

Поступила в редакцию 10.01.2025

Принята к публикации 20.01.2025

Аннотация

Цель – выявить особенности интерпретации русского традиционного песенного фольклора в виртуальном пространстве интернета сквозь призму цифровой лингвофольклористики.

Процедура и методы. Эмпирический материал был собран авторами на юге Западной Сибири в течение 30 лет и вобрал в себя русские лирические песни потомков первопоселенцев и самоходов. Собранный массив лирических народных песен, отражая региональные особенности культуры и мировоззрения, позволяет провести формализацию фольклоративов в их постинтерпретационном разнообразии. Особенности интерпретации русского традиционного песенного фольклора в виртуальной среде рассматриваются на основе формализации фольклоративных маркеров на базе программного аппаратного анализа цифровой лингвофольклористики.

Результаты. Выявлены ключевые тенденции интерпретационного процесса на основе доказательных методов вычислительной лингвистики. Интерпретация русского традиционного песенного фольклора в виртуальной среде позволяет продлить жизнеспособность русской народной песни, которая приобретает новые формы и смыслы под влиянием трансформаций виртуальной среды. Современные исполнители могут придавать песням новые звучания и смыслы, используя новые аудиовизуальные решения преподнесения русской народной песни, актуализируя вопросы фольклора и постфольклора. Несмотря на вариативность и устную передачу, каждая народная песня обладает собственным дискурсивным пространством, благодаря которому интерпретация и понимание песенного фольклора демонстрируют витальность и устойчивость даже в виртуальной среде.

Теоретическая и практическая значимость. Представленный подход открывает новые возможности для понимания и интерпретации русской народной песенной культуры в современных условиях, выявляя реперные точки, позволяющие сохранять и развивать этнокультурное наследие русского народа.

Ключевые слова: фольклор, этнокультурный код, лирические народные песни, постфольклор, фольклоратив, формализация, цифровая фольклористика

Для цитирования:

Карабулатова И. С., Лосева Р. В. Интерпретации русского традиционного песенного фольклора в виртуальном пространстве интернета в аспекте цифровой лингвофольклористики // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 1. С. 17–36. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-17-36>.

Original research article

INTERPRETATIONS OF RUSSIAN TRADITIONAL SONG FOLKLORE IN THE INTERNET VIRTUAL SPACE IN THE ASPECT OF DIGITAL LINGUISTIC FOLKLORE STUDIES

I. Karabulatova^{1,2,3*}, R. Loseva^{4,5}

¹ Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

³ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

⁴ Tyumen State Institute of Culture, Tyumen, Russian Federation

⁵ Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A. I. Proshlyakov

* Corresponding author, e-mail: radogost2000@mail.ru

Received by the editorial office 10.01.2025

Accepted for publication 20.01.2025

Abstract

Aim. To identify the features of the interpretation of Russian traditional song folklore in the virtual space of the Internet through the prism of digital linguistic folkloristics.

Methodology. The empirical material was collected by the authors in the south of Western Siberia during the 30 years, incorporating Russian lyrical songs of the descendants of the first settlers and self-propelled guns. The collected array of lyrical folk songs, reflecting the regional peculiarities of culture and worldview, allows for the formalization of folkloratives in their post-interpretative diversity. The peculiarities of interpretation of Russian traditional song folklore in a virtual environment are considered on the basis of the formalization of folklore markers based on software hardware analysis of digital linguistics.

Results. The key trends of the interpretative process are revealed. Russian traditional song folklore post-interpretation in a virtual environment makes it possible to prolong the viability of a Russian folk song, which acquires new forms and meanings under the influence of transformations of the virtual environment. Modern performers can give new sounds and meanings to songs using new audiovisual solutions for presenting Russian folk songs, actualizing issues of folklore and post-folklore. Despite the variability and oral transmission, each folk song has its own discursive space, thanks to which the interpretation and understanding of song folklore demonstrate vitality and stability even in a virtual environment.

Research implications. The presented approach opens up new opportunities for understanding and interpreting Russian folk song culture in modern conditions, identifying reference points that allow preserving and developing the ethnic-cultural heritage of the Russian people.

Keywords: folklore, ethnic cultural code, lyrical folk songs, post-folklore, folklorative, formalization, digital linguofolkloristics

For citation:

Karabulatova, I. S. & Loseva, R. V. (2025). The interpretations of Russian traditional song folklore in the Internet virtual space in the aspect of digital linguistic folklore studies. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, 17–36. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-17-36>.

Введение

Обсуждение витальности традиционного этнокультурного русского кода в ситуации противостояния с недружественными странами придало остроту дискуссии интерпретациям русского фольклора в виртуальной среде [1; 2]. При этом основополагающее понятие «ценность», выступающее маркером при формализации фольклорных данных [3; 4; 5], зачастую трактуется на обыденном уровне, что вносит определённую степень разногласий между исследователями [6; 7]. Опирируя понятием «ценность» в качестве маркирующего признака, мы атрибутируем степень соответствия между должным и идеальным, при этом оценочное суждение представляет интерес не в плане выражения самого отношения субъекта к ценности, а в выражении мнения о том, насколько объект соответствует или не соответствует нормативному идеалу, эталону речевого поведения, принятому в социальной системе координат того или иного этноса или социальной группы. Вместе с тем идеалы могут содержать в себе и ценности народа, задавая вектор развития коллективного эмоционального интеллекта.

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением З. В. Поливары и И. С. Карабулатовой о необходимости учёта этнопсихолингвистической нормы [8], которая проходит стандартизацию в фольклорном пространстве, потому что фольклорный дискурс оперирует информацией, которая имеет прямое отношение как к социальной практике взаимодействия, сакрально-ритуальной обрядности и мировоззренческим установкам, так и к личностным психоэмоциональным переживаниям, отношение к которым предписывается разнообразными фольклорными жанрами. В свою очередь, цен-

ности, зафиксированные в фольклоре, помогают понять феномен речеповеденческой матрицы современных носителей языка через призму устоявшихся традиций русского этнокультурного поведения, зафиксированного в фольклорном дискурсе, как выработанного этносоцикультурной практикой механизма социальной нормы.

Современное народное творчество, получившее распространение в соцсетях и разнообразных цифровых платформах, ставит проблему взаимодействия цифровой среды и фольклора [9; 10], вследствие чего появляется рассогласование в понимании сути самого фольклора, который может быть обозначен как постфольклор, медиалор [11], интернет-фольклор [12], сетевой фольклор [13] и оцифрованный фольклор (фольклор в интернете) [14], акцентируя на необходимости разработки новых подходов к анализу поликодового текста в интернет-среде, которые продвигаются научно-исследовательской группой под руководством проф. Н. А. Ахреновой [15; 16; 17].

Исходя из этого, можно выделить две противоположных тенденции при исследовании фольклора: 1) акцентуация на так называемом «живом» фольклоре, записанном в ходе экспедиций, и 2) на фольклоре, извлечённом из сетевых источников. На наш взгляд, использование цифрового инструментария и разнообразных цифровых платформ постепенно размывает границы между этими двумя направлениями. Однако накопленный материал позволяет говорить о цифровой фольклористике, которая чаще всего понимается как база данных по фольклору¹, что не совсем релевантно по своей сути.

¹ См.: Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020622771 Российская Федерация. Цифровая фольклористика: тенденции

В связи с этим мы предлагаем чётко структурировать *цифровую фольклористику*, которая, с одной стороны, позволяет анализировать фольклорное пространство с точки зрения больших данных и искусственного интеллекта, а с другой стороны – представляет собой новую систему хранения фольклорных данных. Таким образом, цифровая фольклористика как новый прикладной раздел языкознания и цифровой гуманитаристики включает в себя несколько ключевых разделов.

Прежде всего, цифровая фольклористика – это запись, систематизация, хранение, перевод фольклорных архивов из письменных и аудиальных записей в оцифрованный вид с созданием каталогизаторов [18; 19]. Вместе с тем появляются новые жанры, например фолк-рэп, фолк-рок, а также электронная музыка, основанная на народных мотивах¹. Это позволяет привлечь внимание молодого поколения к традиционному фольклору и сохранить его актуальность. Однако, наряду с этим существуют также опасения по поводу сохранения аутентичности и целостности фольклора в виртуальной среде [20].

Так, например, благодаря компьютерной игре «Тетрис» русская народная песня «Коробейники» стала популярна во всём мире, при этом советский разработчик Алексей Пажитнов вряд ли думал о трансляции русского этнокультурного кода. Однако с его лёгкой руки эта русская народная песня на стихи Н. А. Некрасова прочно вошла в мировую поп-культуру: мелодия насвистывается рефреном в треке «Whistling Dave», записанном немецкой техно-группой «Scooter»; пере-

интерпретирована в записи «Et Barn Er Dødt I Bethlehem» в тяжёлом металл-роке норвежскими музыкантами из команды «Ljå»; представлена в версии русского рока «Королём и шутом» в одноимённой песне «Коробейники» и т. д. [21].

Следовательно, отдельное место занимает художественное творчество, апеллирующее к фольклорному наследию, что не является новацией сегодняшнего времени. Так, в опере «Сказание о невидимом граде Китеже» Н. А. Римского-Корсакова сочетаются черты легенды, истории и философии, где мы встречаем образы фольклорно-мифологических персонажей, птиц Сирин и Алконост, и отсылки к традиционному русскому фольклору [22]. Метамоdern с опорой на неofольклоризм чётко прослеживается в оперном творчестве московского композитора Р. Щедрина уже в XXI в.: «Очарованный странник» (2002), «Боярыня Морозова» (2006), «Левша» (2013), «Рождественская сказка» (2015). Перед нами множественная постинтерпретация фольклора с применением слова, музыки и сценографии в решениях постановки.

Аналогичные тенденции в акцентуации использования поликодового фольклорного дискурса в современном оперном искусстве наблюдаются и в творчестве уральского композитора В. Кобекина, в частности в его опере «Сказка про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей» (2018) на основе литературной сказки Д. Мамина-Сибиряка «Сказка про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей царевну Кутафью и царевну Горошинку» выдержан баланс между традиционными фольклорными мотивами и прямой сатирой, где образ царя показан в классической традиции в короне и мантии, под которой видны кроссовки, а марширующий народ, который обвиняет ни в чём не повинную Кутафью в колдовстве, словно пришёл с уличного митинга. При этом начало действия открывается

и перспективы: № 2020622663: заявл. 11.12.2020: опублик. 23.12.2020 / А. П. Антонова, В. В. Солтис; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова».

¹ Цалер И. В. Популярная музыка XX века: джаз, блюз, рок, поп, кантри, фолк, электроника, соул. М.: Мир энциклопедий Аванта+ [и др.], 2009. 478 с.

диалогом Шута и Шутихи в стиле раёшно-речитатива¹.

Неофольклорное направление – одна из самых заметных стилевых тенденций в многообразии современного отечественного музыкального творчества. Его истоки можно найти в музыке начала XX в., в частности в раннем творчестве Игоря Стравинского и Белы Бартока, где уже проявился принципиально новый подход к использованию народно-песенных мотивов, получив, по свидетельству Н. Ю. Жоссан, новое дыхание в конце XX в. [23]. При этом национальный язык становится основой для интерпретации традиционного музыкального произведения, которое часто отражает глубинные аспекты этносоциокультурного мировоззрения, актуализируя вербальный язык и невербальный язык (музыка, вокал, сценография, визуальные решения).

Мифологическое мышление, охватывающее сферу таинственного, магического и чувственного, не стремится к исключительности, но без него невозможно представить современное искусство, склонное к акцентуации внимания на элементах ужасного, безобразного и юродивого и его осмеянию, что характерно для современного носителя языка и культуры, чётко прослеживается в использовании неофольклоризма как постинтерпретативной стратегии репрезентации традиционного фольклора в искусстве постмодерна и метамодерна. В связи с этим исследователи стали снова говорить о потенциале формирования этносоциокультурной идентичности с помощью сказки [24]. Мы полагаем, что этим потенциалом обладают все жанры фольклора.

Таким образом, цифровая фольклористика не может не рассматривать те новые «жанры» фольклора и художественного творчества, которые появляются и

распространяются благодаря цифровым технологиям.

Однако было бы неразумным очерчивать поле цифровой фольклористики только современным пространством функционирования фольклора. На наш взгляд, цифровая фольклористика как исследовательское направление нацелена на применение цифровых методов анализа больших данных в фольклоре для решения самых разнообразных задач: от выявления национальных черт характера до социального инжиниринга на основе выявленных речеповеденческих стереотипов.

Языковое сознание, базирующееся на характерологических чертах структуры произведений песенного народного творчества, позволяет выявить значимость функциональных и стилистических аспектов в системе народной поэтики языка, а также их воздействие на формирование и воспроизведение этносоциальных стереотипов.

Как отмечает М. Л. Ковшова, в культуре происходит организация и иерархическое упорядочивание культурных кодов – вторичных знаковых систем, использующих различные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же культурного содержания, которое в совокупности образует картину мира и мировоззрение данного социума [25].

При этом переход семиотических знаков культурного кода в вербальное выражение представляет собой процесс формирования этнолингвокультурного кода, который находит своё отражение в повседневной речевой практике этнокультуры. Эта особенность эволюции культурного кода была отмечена В. М. Савицким, который ввёл понятие «лингвокультурный код» для объяснения данного явления [26].

Материалы и методы

За основу анализируемого фольклорного подкорпуса были взяты русские ли-

¹ Абаулин Д. Сказки будут впереди [Электронный ресурс] // Музыкальная жизнь: [сайт]. URL: <https://muzlifemagazine.ru/skazki-budut-vpered-i> (дата обращения: 20.12.2024).

рические народные песни, бытующие на юге Западной Сибири¹, но обнаруживающие тесные связи со всеми регионами России, что позволяет выполнить теоретическое моделирование этнокультурного традиционного ценностного кода. Селективный подход к материалу обусловлен высокой степенью сохранности сибирского фольклора, что позволяет реконструировать процесс эволюции речеповеденческих стереотипов в русской культуре [27].

Психолого-информационная война на современном этапе активно использует искажения исторической памяти и культурного наследия при интерпретации характеристик фольклорного дискурса, что, в свою очередь, ставит перед гуманитарными науками ряд методологических задач по определению устойчивости культурных ценностей в современных постфольклорных контекстах [28].

Анализ параметризации семиотических фольклорных маркеров в русском языке предоставляет возможность более детального изучения показателей речеповеденческой матрицы в этнокультурном ценностном коде русского песенного фольклора. Сложности, возникающие при формализации фольклорного пространства, обусловлены необходимостью проведения анализа текстов, содержащих указания на объекты, субъекты, явления и абстрактные понятия, которые не имеют прямого отношения к реальному миру и обладают размытым и неопределённым характером, типичным для сакральной ритуально-обрядовой сферы [29; 30].

Однако наличие ирреальных объектов и их фантастических характеристик в фольклорных произведениях делает зада-

чу создания онтологий весьма сложной, как неоднократно отмечали исследователи прошлого [31; 32] и современности [33]. Анализ лирического фольклорного дискурса направлен на атрибуцию ценностных характеристик репрезентации традиционных концептов лирических народных песен юга Западной Сибири, которые не только занимают особое место в русском фольклорном наследии, но и демонстрируют устойчивость сохранения в текстовом и музыкальном воспроизведении на протяжении длительного времени, даже при смене принципов социального обустройства.

В современной научной практике широко применяются разнообразные методы цифровых гуманитарных исследований, направленные на работу с информацией [34; 35]. В свете этого становится актуальным использование теории метаграфа, согласно которой каждый концепт представляет собой вершину метаграфа и может быть описан с помощью комплексного набора атрибутивных признаков [36]. При этом рёбра метаграфа демонстрируют характер отношений между концептами [37; 38].

В то же время отдельные графы могут составлять трансформированные компоненты речеповеденческой матрицы и варианты мифологем в фольклорной картине мира, которые появились под влиянием миграционных процессов и этносоциокультурных катаклизмов [39; 40; 41].

Метод машинного обучения, направленный на создание моделей глубокого обучения для разнообразных типов данных, предоставляет инструмент для идентификации лингвистических маркеров, основанный на анализе различных значений субъекта речи [42; 43].

Однако для того, чтобы выявить трансформацию культурных ценностей, необходимо разработать чёткие критерии параметризации культурного ценностного кода. Эти задачи взаимосвязаны, но их

¹ Лосева Р. В. Любимые песни фольклорного ансамбля «Яромилъ»: методическое пособие для руководителей народных коллективов. Тюмень: Вектор Бук, 2021. 62 с.; Лосева Р. В. Песни земли Сибирской: сборник народных песен, записанных от единственного информатора: учебно-методическое пособие: [для народного ансамбля без сопровождения]. Тюмень: Тюменский Дом печати, 2022. 123 с.

следует решать последовательно, не пытаясь опередить события.

В связи с этим первоочередной задачей становится определение традиционных ценностей юга Западной Сибири, зафиксированных в региональном фольклоре. Эта задача решается в данной статье. Для достижения поставленной цели эмпирический материал анализируется в когнитивном и структурно-семантическом аспектах. Это позволяет представить лексико-семантическое поле фольклорного дискурса как самостоятельную сложноорганизованную стереотипную форму социального поведения.

Исследование специфики восприятия и интерпретации русского традиционного фольклора в виртуальном пространстве потребовало применения методов критической лингвистики, когнитивного подхода и компьютерной лингвистики. Критическая лингвистика, основанная на анализе языка и его воздействия на социальные процессы, позволила нам определить, какие смыслы и ценности передаются через фольклорные тексты в виртуальной среде, а также как это влияет на восприятие и интерпретацию данной культурной традиции. Этот аспект является ключевым для проверки полученных результатов и разработки качественной инструкции.

Второй этап предполагает параметризацию ценностей современного российского социума, а третий этап – сравнение и выявление разночтений, а также потенциальных угроз, обусловленных постинтерпретацией традиционных ценностей в контексте современного общества.

В контексте задач цифровой гуманитаристики были применены методы семантического анализа и способы представления смысла текста в компьютерной лингвистике, а также лингвистическое описание, методы компонентного, сравнительного, интертекстуального, дискурсивного и комплексного анализа. Кроме того, были использованы элементы тематического моделирования на основе

вероятностных тематических моделей, основанных на наборе методов машинного обучения.

Для определения специфики языка женского и мужского дискурса были применены как лингвистические методы медиалингвистики и гендерной лингвистики, так и методы медиапсихологии и психолингвистики для определения уровня интерпретации и выявления особенностей воздействия текстов. В целях проведения анализа была осуществлена выборка из 200 уникальных текстов народных песен, после чего была применена методика ручной аннотации для более точной классификации.

Специально разработанные значения, выявленные в ходе данного исследования, были использованы в работе научной группы машинного обучения и семантического анализа Института перспективных исследований искусственного интеллекта и интеллектуальных систем Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Программная реализация системы постинтерпретации фольклора основывается на методах функционального и объектно-ориентированного программирования.

Результаты и дискуссия

В условиях современного мира, характеризующегося стремительным развитием информационных технологий и повсеместным распространением интернета, всё большее значение приобретает сохранение этнокультурного самосознания и разнообразных форм идентичности, которые обеспечивают жизнеспособность как отдельных этносов, так и государств в целом [44]. В связи с этим исследовательский фокус смещается в сторону изучения традиций и фольклора [45; 46], используя при этом новейшие IT-технологии [47; 48].

При этом исследователи подчёркивают, что интерпретация и постинтерпретация русского традиционного фольклора в виртуальной среде имеет свои

особенности [49; 50; 51] вследствие влияния использования анимации, нейросетей, игрового пространства в виртуальной реальности [52; 53]. Благодаря этим инструментам появляются новые интерпретации известных русских сказок, песен, обрядов и т. д.

Основным направлением и процессом интерпретации русского традиционного фольклора в виртуальном пространстве является его перевод в цифровой формат [54; 55].

Лирические народные песни юга Западной Сибири, бытующие в объективной реальности традиционного фольклора, становятся доступными в электронном виде, переходя в сферу виртуального фольклора по способу функционирования, что позволяет сохранять их и передавать следующим поколениям. В то же время цифровой формат фольклора позволяет осуществлять анализ как с помощью классического инструментария, так и с помощью цифровых методов (см. рис. 1).

Исследование трудов, посвящённых цифровой фольклористике и выполненных в междисциплинарном ключе, позволяет выявить ключевые проблемы, с которыми сталкиваются исследователи,

стремящиеся к созданию автоматических моделей интерпретации фольклорных произведений в виртуальной среде [5; 35; 36; 37; 42; 50; 56]. Так, социально регламентируемая эмотивность в реакциях на обиду и/или досаду выявляется с помощью сентимент-анализа фольклорной ситуации упрёка, часто встречающейся в дискурсе лирической народной песни (например, в жанре так называемых страданий, плача невесты и т. п.).

Социальная регламентация психоэмоционального реагирования на ту или иную ситуацию обусловлена определением концептуального пространства конкретного эмоционального переживания в русском фольклоре. Например, Р. И. Шмурак на основе сентимент-анализа типологизирует допустимые в русском этнокультурном коде ситуации с содержанием упрёка на основе русских народных песен [57]. Несмотря на то, что ситуации упрёка укрупнены, это исследование видится перспективным, поскольку позволит в дальнейшем смоделировать расширенное признаковое пространство упрёка в русской этнокультуре на основе эмотивного социостереотипа в фольклорных произведениях.

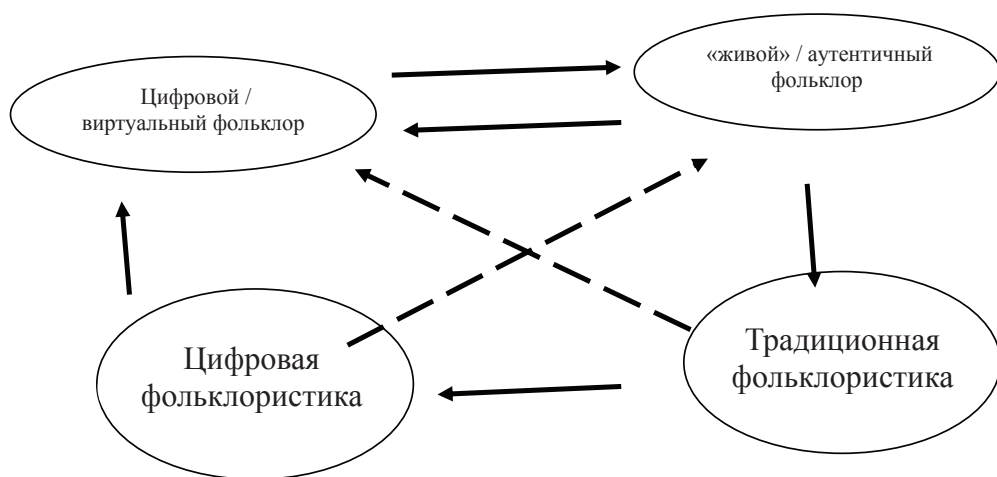

Рис. 1 / Fig. 1. Взаимосвязь новых и старых подходов к изучению фольклора / The relationship between new and old approaches to the study of folklore

Источник: составлено авторами.

Необходимо подчеркнуть, что помимо вербального отражения социально приемлемого гендерного поведения фольклор также включает в себя кинесические модели, представленные в традиционном русском народном танце. В сочетании с устной повествовательной и музыкальной традицией это создаёт воспроизводимую матрицу вариантов поведения мужчин и женщин.

Кроме того, как мы уже отмечали, язык музыки, его мелодическая составляющая, также является ярким отражением социального поведения мужчин и женщин в контексте музыкальной психолингвистики [46]. Это открывает широкие возможности для масштабного анализа гендерного поведения в фольклоре с использованием методов Big Data.

Лирические народные песни представляют собой уникальный жанр, спо-

собный передавать широкий спектр человеческих эмоций – от радости и счастья до грусти и тоски. Это делает их особенно интересными для анализа с точки зрения классической и компьютерной психолингвистики. Чёткая связь между жанрами лирической песни и определёнными эмоциями помогает носителю культуры сформировать социально приемлемую систему выражения эмоций и эмоционального реагирования, принятую в конкретном этносоциуме.

Анализ эмоционального содержания русских народных лирических песен с проведением соответствия типов лирической песни и определением основного эмоционального посыла позволил нам составить эмоциональный тезаурус в зависимости от направленности песни (рис. 2). Не вызывает сомнений, что данный верхний уровень может быть рас-

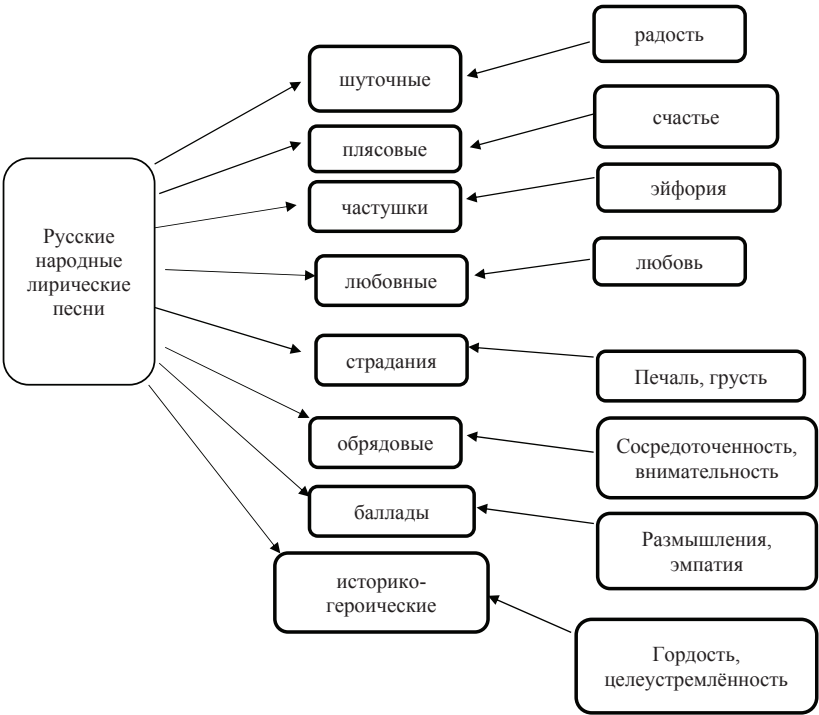

Рис. 2 / Fig. 2. Верхняя архитектура механизма коллективного регулирования эмоциональным поведением в этнокультуре на основе лирической песни / The upper architecture of the mechanism of collective regulation of emotional behavior in ethnic culture based on lyrical song

Источник: разработано авторами.

ширен за счёт уточнения содержания на глубинных уровнях как в плане выражения вербального языка, так и в плане паравербальных средств. Лирическая песня как жанр обладает ярко выраженным эмоциональным характером, который реализуется через своё эмотивное лексико-семантическое содержание, структуру, особенности музыкального языка, исполнительскую манеру и контекст.

По стилистике лирическая народная песня может быть разделена на различные категории, такие как песни-предания, городские песни, песни-подражания, песни-призывы, песни-утешения и др. Каждый стиль и жанр имеет свои уникальные особенности, включая мелодику, текстовое содержание, эмоциональное наполнение и эмоциональное решение, выстраивая речеповеденческий профиль продуцента и реципиента лирической песни в рамках социокультурных координат, принятых в этнокультуре. Таким образом, при рассмотрении крупных блоков обнаруживаются менее выраженные группы, которые обладают сложной метаграфовой структурой [3; 5; 35; 42].

В контексте данного исследования представляется возможным классифицировать изучение традиционного фольклора по нескольким направлениям, в каждом из которых степень разработанности проблематики варьируется в зависимости от методологического инструментария: язык инструментального фольклора и цифровые методы оценки и анализа; язык народного пения и цифровой инструментальный анализ; язык фольклорной хореографии и его цифровая методология и т. д.

Мы говорим о языке, поскольку в ситуации поликодового представления фольклорного произведения в сети на передний план выдвигается методологический холизм, предполагающий как комплексную оценку репрезентации фольклорных артефактов, так и их полномасштабное аналитическое шкалирование. Вместе с тем каждый из этих крупных блоков отсылает нас к необходимости учёта либо

паравербальных, либо невербальных средств коммуникации. Такой подход позволяет не только проследить эволюцию фольклористики и цифровой фольклористики, но и выявить пробелы, требующие дальнейшего изучения.

В современном мире оцифрованные фольклорные произведения также могут быть адаптированы под местные реалии с учётом особенностей устной коммуникации. В связи с этим возникает необходимость разработки критериев экспертной оценки, которые позволят определить успешность распознавания эмотивного состояния в фольклорном дискурсе. Например, интернет-пространство изобилует отсылками к сказочным фольклорным образам в никнеймах пользователей социальных сетей (всевозможные Иваны: от Ивана-царевича до Иванушки-дурака; а также разнообразие Василис: от Василисы Прекрасной до Василисы Премудрой и т. д.), что указывает на устойчивость фольклорных образов в русской языковой картине мира.

Кроме того, популярность народной песни приводит к тому, что она подвергается различным модификациям, в результате чего происходит своего рода «присвоение» песни в определённом месте.

Стоит подчеркнуть, что, несмотря на внесение изменений в текст народной песни, все носители традиции чётко осознают необходимость соблюдения заданного формата исполнения, включая новый вариант песни в существующую традицию распространения фольклорного знания как ценностного фона коммуникации. Например, известная плясовая народная песня «Барыня» имеет множество региональных вариантов, в том числе в Сибири, в которых привязка к локусу осуществляется за счёт замены места действия в песне с сохранением музыкального рисунка.

Русская народная лирическая песня демонстрирует способность к компромиссу, позволяя вносить сознательные изменения и вероятностные репликации

на основе некоторых элементов импровизации. Это укрепляет значимость традиционных ценностей в этнокультурном коде, актуализируя фольклорное знание.

При этом особую значимость приобретает изначальная авторская анонимность, которая выступает как отражение принципиального отказа от фигуры автора, что позволяет вносить преобразования в фольклорный текст.

Например, шуточная песня «*Во тобольском во трактире*» может менять локус действия в зависимости от региона исполнения (см. табл. 1).

Вариативность локуса приближает описываемые события в песне к аудитории, вызывая больший эмоциональный отклик:

Во тобольском, да, трактире

*Во тобольском, да, трактире
Сидят барышни четыре
Чудо хороши, да,
Чудно хороши.
Ох, у одной затылок бритый,
у другой, да, – глаз подбитый,
Третья без косы, да,
Третья без косы.
Вот четвёрта – красна-рыжа,
привезёна из Парижу
Моду показать, да,
Тьфу, морду показать...
Она моду показала:
шестьдесят рублёв украла –
Себе на наряд, да,
Себе на наряд (...).*

(«Во тобольском во трактире», информант Луценко А. А., г. Ишим, Тюменская обл.).

Следует отметить, что повествование в шуточной песне идёт размерено в контексте осуждения неприемлемых речеповеденческих черт культуры, чуждой русскому народу («*на ней юбка с шёлку красна, воротник собачий страшный ...*»; «*Да в грудях торчит платочек, словно угольный мешочек ...*» и т. п.). Вместе с тем главные героини в зависимости от варианта могут быть обозначены следующими лексемами: *барышни, дамочки, барыни* и *бабочки*. Первые три варианта чётко указывают на инаковость изображаемых представительниц женского пола стандартам русской красавицы. Исходя из этого, для нас важно понимать, какие именно ценности традиционного этнокультурного кода могут выступать в качестве уязвимой информационной мишени при интерпретации и постинтерпретации в современной цифровой среде. В этой песне в качестве информационной мишени выступает русская красавица, которой противостоят представительницы, олицетворяющие другую красоту.

Сложный этнический состав казацких военных формирований способствовал активному обмену фольклорными произведениями, что привело к появлению новых адаптированных вариантов. В частности, на сибирской земле песни запорожских казаков приобрели уникальные черты, характерные для местного колорита: «*Ой, ты, хмелюшка-хмельёк, в поле развевался, где ж ты, гусар, ночевал, да не разувался*» (информант Воробьёва П. М., дер. Борки, Тюменский район, Тюменская обл.) с отсылкой по своей ме-

Таблица 1 / Table 1

Текстовая трансформация локуса события шуточной народной песни «Во тобольском во трактире» / Textual transformation of the locus of the event of the comic folk song “In Tobolsk in a tavern”

Текстовая трансформация локуса события			
Во тобольском во трактире	Во ишимском во трактире	Во тюменском во трактире	Как в придорожном да трактире

Источник: составлено авторами.

лодии к известной казачьей песне «Хмелю, мій хмелю».

Таким образом, коллективный интеллект регионального сообщества может выступать как некий социальный регулятор по отбору того или иного фольклорного произведения для дальнейшего распространения.

Второй перспективный пул проектов касается поиска и разработки методов и алгоритмов автоматического моделирования постфольклора, или виртуального фольклора. Первые результаты направлены на создание компьютерных программ и цифровых инструментов, которые позволят эффективно передавать особенности традиционного фольклора в виртуальном пространстве, а также анализировать изменения, происходящие в фольклоре под влиянием интернет-среды.

Исследователи отмечают, что виртуальная среда предоставляет широкие возможности для создания, воспроизведения и трансформации разнообразных элементов фольклора с помощью IT-технологий, что представляет собой отдельную аналитическую задачу, имеющую большое значение для определения витальности этнокультурного ценностного кода [49; 51].

Исследование критериев постинтерпретации фольклора в виртуальной среде с установлением причинно-следственных связей представляет собой третье значимое направление в области цифровой фольклористики. В рамках этого направления, которое только начинает формироваться, представляется важным не только проанализировать процесс передачи фольклорных элементов в виртуальной среде, но и провести сентимент-анализ, который позволит выявить содержательную эмотивную составляющую в фольклорных произведениях [3; 57].

В свою очередь, мы предлагаем методы, которые могут быть использованы для автоматической разметки лирического фольклорного дискурса в публичном информационном пространстве на осно-

ве материалов, собранных по результатам экспедиций.

При этом сложные мультиграфы, которые составляют верхний уровень архитектуры модели культурных ценностей, в цифровом фольклорном дискурсе можно представить в виде распаковывающихся ритуальных фреймов, которые имеют свои специфические характеристики в зависимости от контекстуальной реализации и вариативной представленности.

Для анализа был использован программный язык Python, который можно применять для анализа интерпретации русского традиционного фольклора в виртуальной среде, поскольку он обладает мощными инструментами для обработки текста и создания визуализаций. Ниже дана блок-схема с подробными объяснениями предоставленного программного метода (рис. 3).

Анализ фольклоративов в песенных текстах позволяет нам лучше понять народную культуру, её эволюцию и сравнить её с современными ценностями. Это помогает нам узнать о том, какие ценности и верования были важны для народа в разные периоды его истории и как они соотносятся с традиционными ценностями.

Алгоритм шагов, объясняющих порядок работы в блок-схеме:

1. «Загрузить подграф NLTKResource»: код начинается с загрузки ресурса punkt из библиотеки NLTK (Natural Language Toolkit). Этот ресурс необходим для корректной работы функции word_tokenize.

2. «LoadTextFile subgraph»: затем код загружает файл «russian_folklore.txt» и считывает его содержимое в переменную «text».

3. «Разметить текстовый подграф»: после загрузки текста код использует функцию word_tokenize из библиотеки NLTK, чтобы разбить текстовую переменную на список токенов (отдельных слов). Затем список токенов отображается на консоли.

Порядок работы шагов представляет собой следующую последовательность:

1. «Загрузить подграф NLTKResource»: код начинается с загрузки ресурса punkt

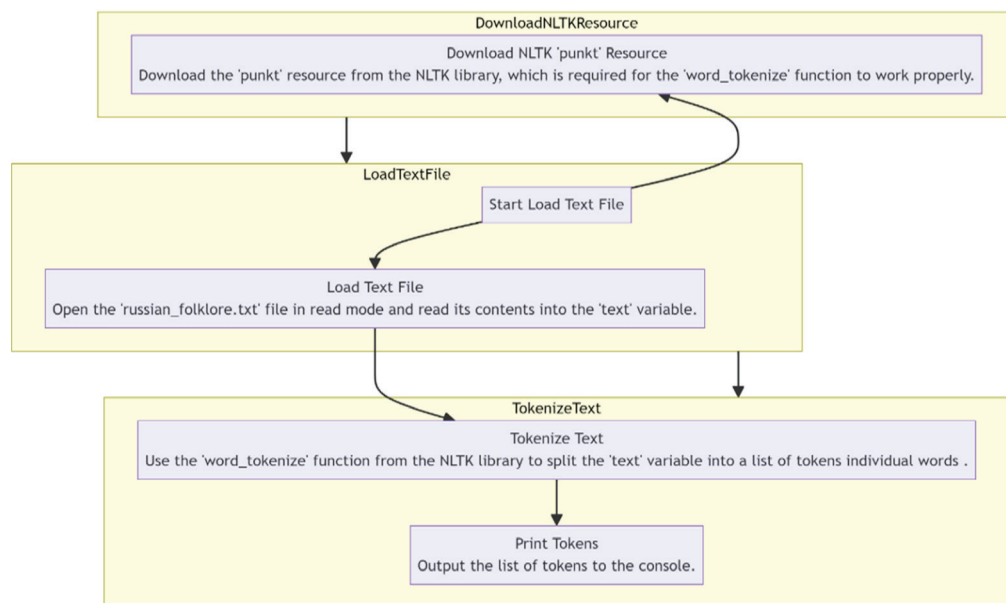

Рис. 3 / Fig. 3. Фрагмент блок-схемы программного кода с использованием языка Python для анализа постинтерпретаций в песенном русском фольклоре / Fragment of a flow chart of the program code using the Python language for the analysis of post-interpretations in Russian song folklore

из библиотеки NLTK (Natural Language Toolkit). Этот ресурс необходим для корректной работы функции `word_tokenize`.

2. «LoadTextFile subgraph»: затем код загружает файл «russian_folklore.txt» и считывает его содержимое в переменную «text».

3. «Разметить текстовый подграф»: после загрузки текста в коде используется функция `word_tokenize` из библиотеки BLACK, чтобы разбить текстовую переменную на список токенов (отдельных слов). После выполнения список токенов будет отображаться на консоли.

Блок-схема представляет собой логическую структуру кода, где каждый подграф подразумевает под собой выполнение отдельной функции или задачи (рис. 3). Пояснения, приведённые в подграфах и по краям, помогают прояснить назначение и поведение каждого шага кода.

К ключевым компонентам кода относятся следующие обязательные шаги, а именно:

1. Загрузка ресурса «NLTK punkt», который является необходимым условием для функции «`word_tokenize`».

2. Загрузка «russian_folklore file.txt» и считывание его содержимого в текстовую переменную.

3. Токенизация текстовой переменной с помощью функции «`word_tokenize`» из библиотеки NLTK.

4. Выведение списка токенов на консоль.

Блок-схема имеет линейную структуру: подграф «Download NLTK Resource» ведёт к подграфу «LoadTextFile», который затем ведёт к подграфу «TokenizeText». Выполнение этих четырёх шагов представляет собой последовательное выполнение кода.

Заключение

Таким образом, этнокультурный ценностный код – это объясняемый и формализуемый конструктом код с чётким механизмом воспроизводства, который переходит из области абстрактной ме-

тафизики к реальному моделированию в эпоху метамодерна, обнаруживая новые грани взаимодействия. Разработка технологии определения особенностей интерпретации русского традиционного фольклора должна включать в себя концептуальную базу, которая позволит более точно определять смысловые значения анализа данных и понимать различия между культурами. В виртуальной среде открываются новые возможности для изучения и интерпретации фольклора, и важно определить, где эти возможности пересекаются с традиционными ценностями, а где они полностью оскверняются, искажая или подменяя ценности наследия.

В целях выявления ключевых тенденций и направлений в интерпретации

русского традиционного фольклора в виртуальной среде было проведено исследование современной реинтерпретации. Многие пользователи интернета создают собственные версии народных песен, а также адаптируют их под современные реалии.

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что виртуальная среда способствует расширению границ изучения русского фольклора. Благодаря доступу к информации со всего мира становится возможным провести сравнительный анализ с другими народными традициями и выявить как общие черты, так и различия, что позволяет глубже понять и интерпретировать русский фольклор в контексте мировой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова Р. А. Фольклорные истоки прецедентности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2024. № 1 (332). С. 19–24. DOI: 10.53598/2410-3489-2024-1-332-19-24.
2. Яхшиян О. Ю. Русский культурный (цивилизационный) код: идентичность и политика // Вестник университета. 2019. № 10. С. 52–58. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-10-52-58.
3. Study of folklore and mythological traditions using intellectual data mining / Yu. E. Berezkin, S. A. Borinskaya, A. V. Kuznetsova, O. V. Sen'ko // Pattern Recognition and Image Analysis. 2009. Vol. 19 (4). P. 630–633. DOI: 10.1134/S1054661809040099.
4. Проблемы разработки информационно-аналитической системы по истории социальной помощи в Енисейской губернии (XIX – первая четверть XX века) / К. В. Воронцов, И. С. Карабулатова, Т. А. Катцина, Н. В. Бородина, М. В. Силицын // Вопросы истории. 2022. № 12-3. С. 150–161. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202212Statyi91.
5. Малкова А. С., Январев В. И. Формальная модель семантики художественного текста (на материале русских пословиц) // Моделирование и анализ информационных систем. 2007. Т. 14. № 4. С. 42–52.
6. Худолей Н. В. Национальный код культуры и его актуализация в пословицах, поговорках и классических литературных текстах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 4. С. 643–653. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-4-643-653.
7. Трохова С. С., Расулова Ф. Ф. Феномен интернет-фольклора как особого явления сетевого творчества // Фундаментальные и прикладные научные исследования: сборник трудов по материалам XIII Международного конкурса научно-исследовательских работ. Уфа: Вестник науки, 2023. С. 92–99.
8. Поливара З. В., Карабулатова И. С. К понятию этнопсихолингвистической нормы у детей-билингвов // Специальное образование. 2012. № 1 (25). С. 122–126.
9. Ахренова Н. А., Милякова В. В. Языковая личность vs виртуальная языковая личность // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 1 (60). С. 10–20.
10. Воякина Е. Ю. Эволюция народного слова: от паремии к интернет-мему // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 6–30. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-6-30.
11. Зубанова Л. Б., Зыховская, Н. Л. От фольклора – к медиалору: народное художественное поэтическое творчество в пространстве интернет-коммуникации // XXIII Уральские социологи-

- ческие чтения. Личность, культура, общество: наследие Л. Н. Когана и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого, М. В. Певной. Екатеринбург: УрФУ, 2023. С. 31–36.
12. Кручинин А. А. Современный интернет-фольклор: стишки-порошки и стишки-пирожки // Поддержка детского чтения: материалы 74-й Научной студенческой конференции с международным участием. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. С. 83–91.
 13. Радченко Д. А. Сетевой фольклор как способ осмысления актуальной реальности: специфика и жизненный цикл // Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции – к виртуальности: сборник статей. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2007. С. 63–75.
 14. Алексеевский М. Д. Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность) // От Конгресса к Конгрессу. Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов: сборник материалов. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. С. 151–166.
 15. Ахренова Н. А., Луныкова Л. Н., Чернякова Ю. С. Искусство анализа текста. М.: Флинта, 2024. 81 с.
 16. Максименко О. И., Ахренова Н. А., Беляков М. В. Сдвиги в коммуникативной семантике медиадискурса // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 69–80. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-69-80.
 17. Ахренова Н. А. Лингвистические основы формирования глобальной интернет-культуры // Мировые языки и культуры как объект филологического исследования: коллективная монография / О. В. Александрова, Н. А. Ахренова, М. Г. Бахтиозина и др. М.: Наука, 2023. С. 143–166.
 18. Биткеев Н. Ц. Фольклор: запись, систематизация, хранение, изучение: учебное пособие для бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. Элиста: Джангар, 2012. 75 с.
 19. Нагароков К. Р. Систематика и архивация адыгского фольклора: история, современные технологии, перспективы: дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2022. 166 с.
 20. Кочергина А. А. Культурно-исторические параллели народной песни в XXI веке: от аутентичного фольклора к цифровым технологиям // БУДУЩЕЕ НАУКИ 2020: сборник научных статей 8-й Международной молодежной научной конференции: в 5 т. Т. 2. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 75–78.
 21. Рукомойникова В. П. «Виртуальный» фольклор: за и против: монография. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2004. 128 с.
 22. Королёва А. В. Фольклор в операх Н. А. Римского-Корсакова // Молодой учёный. 2021. № 47 (389). С. 458–468.
 23. Жоссан Н. Ю. О неофольклорном направлении в русской музыке второй половины XX века // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 1. С. 105–108.
 24. Маркин Р. Е., Сорокин В. Н. Сказка – это серьезно // Альманах современной науки и образования. 2008. № 6-2. С. 122–124.
 25. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 456 с.
 26. Савицкий В. М. Лингвокультурные коды: к обоснованию понятия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 55–62. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-55-62.
 27. The specifics of an estimate discourse of gender stereotypes in small forms of folklore in a network discourse of electronic and information society at the beginning of the 21st century / Z. R. Khachmafova, I. S. Karabulatova, S. V. Serebriakova, A. V. Zinkovskaya, E. N. Ermakova // Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities. 2017. Vol. 25 (S) July. P. 137–150.
 28. Карабулатова И. С., Копнина Г. А. Специфика параметризации деструктивного мецмедийного текста с обесцениванием исторической памяти // Медиалингвистика. 2023. Т. 10. № 3. С. 319–335. DOI: 10.21638/spbu22.2023.303.
 29. Пашков С. М. Сакральность как фактор текстообразования в религиозной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 1. С. 90–99. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-90-99.
 30. Карабулатова И. С., Бондарец Е. А. Заговор: имя собственное в сакральном дискурсе знахарской практики / под. ред. И. С. Карабулатовой. Тюмень: Феликс, 2005. 368 с.

31. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / науч. ред., текстол. комм. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
32. Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. 382 с.
33. Топорков А. Л. Русские формалисты и изучение фольклора // Неизвестные страницы русской фольклористики. М.: Индрик, 2014. С. 38–55.
34. Verification of communicative types in the judicial public space of media discourse in the USA, Kazakhstan and Russia as a psycholinguistic marker of fact-checking / G. T. Kussepova, I. S. Karabulatova, K. S. Kenzhigozhina, A. O. Bakhus, K. V. Vorontsov // Amazonia Investiga. 2023. Vol. 12. Iss. 61. P. 131–144. DOI: 10.34069/AI/2023.61.01.14.
35. Николаев Д. С. Автоматическое выявление мифологических мотивов со сходным пространственным распределением и дистрибуционные кластеры мотивов // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. Т. 2. № 1. С. 46–61. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-1-46-61.
36. Gender semiology in folklore traditions: Russia, China and Adygea / Z. R. Khachmafova, I. S. Karabulatova, R. B. Unarokova, Z. A. Tseeva, L. Zhang, R. V. Loseva // Amazonia Investiga. 2023. Vol. 12. Iss. 69. P. 260–269. DOI: 10.34069/AI/2023.69.09.23.
37. Ганичева А. В., Ганичев А. В. Графовый метод анализа текста // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016. № 46. URL: http://tverlingua.ru/archive/046/04_46.pdf (дата обращения: 25.12.2024).
38. Principles of Creating Hybrid Intelligent Information Systems Based on the Granular-Metagraph Approach / Yu. E. Gapanyuk, V. I. Terekhov, V. Y. Ivlev, Yu. T. Kaganov, I. S. Karabulatova, M. B. Oseledchik, D. V. Semenov // Biologically Inspired Cognitive Architectures 2023: Proceedings of the 14th Annual Meeting of the BICA Society / ed. A. V. Samsonovich, T. Liu. Cham, Switzerland: Springer Nature, 2024. P. 356–366 (Series: Studies in Computational Intelligence. Vol. 1130). DOI: 10.1007/978-3-031-50381-8_36.
39. Ленивихина Н. О., Пименов О. В. Первая мировая война в русском фольклоре // Перспективы развития науки и образования: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции (Москва, 30 декабря 2014): в 8 ч. Ч. VIII. Люберцы: АРТ-Консалт, 2015. С. 57–62.
40. Лю Байвэй, Чжан Хэлинь. Межкультурная интерпретация народной культуры и обычаев в русском переводе В. А. Панасюка романа «Сон в красном тереме» // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 3. С. 33–42. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-3-33-42.
41. Ruan Yu., Karabulatova I. S. The Experience of the Loss of the Motherland by Representatives of Russian Emigration in the Chinese Provinces (1905–1917) // Bylye Gody. 2021. Vol. 16 (3). P. 1501–1510. DOI: 10.13187/bg.2021.3.1501.
42. Москин Н. Д. Теоретико-графовые модели фольклорных текстов и методы их анализа. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. 147 с.
43. Моделирование би-/полилингвизма у детей в смешанных семьях в российско-китайском приграничье с использованием методов нейросети / Лю Жуйхуа, И. С. Карабулатова, Сунь Чао, Ю. Е. Гапанюк, В. И. Терехов // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1-1 (57). С. 130–134.
44. Bell A. V., Paegle A. Ethnic Markers and How to Find Them: An Ethnographic Investigation of Marker Presence, Recognition, and Social Information // Human Nature. 2021. Vol. 32 (2). P. 470–481. DOI: 10.1007/s12110-021-09401-z.
45. Рафаева А. В. Автоматизированный поиск цвета в русских сказках // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 46–51.
46. Лингвосемиотические маркеры гендера в современном вокально-музыкальном дискурсе как отражение нейрокогнитивной информационной войны в культурном пространстве / Р. В. Лосева, И. С. Карабулатова, Е. М. Околышева, М. Н. Карабулатов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2024. № 1 (332). С. 45–60. DOI: 10.53598/2410-3489-2024-1-332-45-60.
47. Limited Scope for Group Coordination in Stylistic Variations of Kolam Art / N. H. Tran, Š. Kucharský, T. M. Waring, S. Atmaca, B. A. Beheim // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. Article 742577. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.742577.
48. Баркович А. А., Антонов А. В. Методологический потенциал сентимент-анализа: корпусный аспект // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. 2023. № 2 (273). С. 32–39. DOI: 10.52065/2520-6729-2023-273-2-5.

49. Мельникова О. К. Жанрово-видовая дифференциация языкового творчества в интернете и Рунете // Казанский лингвистический журнал. 2018. Т. 1. № 3. С. 49–54.
50. Using Metagraph Approach for Building an Architecture of the Terminology Integration System / Y. Gapanyuk, C. Cai, C. Jia, I. Karabulatova // Advances in Neural Computation, Machine Learning, and Cognitive Research VIII: Selected Papers from the XXVI International Conference on Neuroinformatics (Moscow, October 21–25, 2024, Russia) / ed. V. Redko, D. Yudin, W. Dunin-Barkowski, B. Kryzhanovsky, Y. Tiumentsev. Cham, Switzerland: Springer, 2025 (Series: Studies in Computational Intelligence. Vol. 1179). P. 523–530. DOI: 10.1007/978-3-031-80463-2_49.
51. Ким Л. Г. Конфликт интерпретаций текста как следствие когнитивного диссонанса участников интернет-обсуждений // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2. № 4 (8). С. 222–228. DOI: 10.21603/2782-4799-2023-2-4-222-228.
52. Голикова-Пошка Е. В. Анимированные и анимационные персонажи сетевого фольклора // Фольклорный текст в современном культурном контексте: традиция и её переосмысление: сборник статей по материалам Международной научной конференции. Орёл: ОГУ, 2016. С. 63–68.
53. На Цзунюань, Гуань Сюцзюань, Карабулатова И. С. Игровая топонимика: влияние локализации китайских видеоигр на их перевод (Game toponymy: the impact of localization of Chinese video games on their translation) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 9 (890). С. 134–142.
54. Алпатов С. В., Ковпик В. А. Принципы построения полнотекстовой базы данных по фольклорным материалам // Типология фольклорной традиции: актуальные проблемы полевой фольклористики: материалы Международной научной конференции. М.: Изд-во Московского университета, 2004. С. 76–81.
55. Мультимедийные и цифровые технологии в собирании, сохранении и изучении фольклора: материалы Международной научной конференции (Москва, 16–18 ноября 2011 г.) / сост. В. Л. Кляус, Е. В. Миненок; под ред. В. М. Гацака. М.: ИМЛИ РАН, 2012. 252 с.
56. Рафаева А. В. Компьютер – Слово – Фольклор. М.: РГГУ, 2014. 280 с.
57. Шмурак Р. И. Фольклор и упрёк: опыт сентимент-анализа на базе конструкций // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 70–80. DOI: 10.31857/S160578800021458-9.

REFERENCES

1. Volkova, R. A. (2024). Folklore origins of precedent. In: *Bulletin of Adyge State University, Series: Philology and Art Criticisms*, 1 (332), 19–24. DOI: 10.53598/2410-3489-2024-1-332-19-24 (in Russ.).
2. Yakhshiyar, O. Yu. (2019). Russian cultural (civilizational) code: identity and policy. In: *Vestnik Universiteta*, 10, 52–58. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-10-52-58 (in Russ.).
3. Berezkin, Yu. E., Borinskaya, S. A., Kuznetsova, A. V. & Sen'ko, O. V. (2009). Study of folklore and mythological traditions using intellectual data mining. In: *Pattern Recognition and Image Analysis*, 19 (4), 630–633. DOI: 10.1134/S1054661809040099.
4. Vorontsov, K. V., Karabulatova, I. S., Kattsina, T. A., Borodina, N. V. & Sinitsyn, M. V. (2022). Problems of developing an analytical information system on the history of social assistance in the Yenisei province (19th – first quarter of the 20th century). In: *Voprosy Istorii*, 12-3, 150–161. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202212Statyi91 (in Russ.).
5. Malkova, A. S. & Janvarev, V. I. (2007). Formal model of basic sense in proverb. In: *Modeling and Analysis of Information Systems*, 14 (4), 42–52 (in Russ.).
6. Khudolei, N. V. (2017). National culture code and its actualization in proverbs, sayings, and in the literary classics. In: *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (4), 643–653. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-4-643-653 (in Russ.).
7. Trokhova, S. S. & Rasulova, F. F. (2023). Phenomenon of Internet Folklore as a Special Phenomenon of Network Creativity. In: *Fundamental and Applied Scientific Research: Collection of Papers Based on the Materials of the XIII International Competition of Scientific Research Papers*. Ufa: Vestnik Nauki publ., pp. 92–99 (in Russ.).
8. Polivara, Z. V. & Karabulatova, I. S. (2012). To the notion of ethnopsycholinguistic norm of bilingual children. In: *Special Education*, 1 (25), 122–126 (in Russ.).
9. Akhrenova, N. A. & Milyakova, V. V. (2022). Language personality vs virtual language personality. In: *Foreign Languages in Tertiary Education*, 1 (60), 10–20 (in Russ.).

10. Voyakina, E. Yu. (2023). The evolution of the folk word: from paremias to internet memes. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2, 6–30. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-6-30 (in Russ.).
11. Zubanova, L. B. & Zhyhovskaya, N. L. (2023). From folklore to medialore: folk art poetry in internet communications. In: *XXIII Ural Sociological Readings. Personality, Culture, Society: The Legacy of L. N. Kogan and Modernity: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Ekaterinburg: Ural Federal University publ., pp. 31–36 (in Russ.).
12. Kruchinin, A. A. (2020). Modern Internet folklore: poems-powders and poems-pies. In: *Support of children's reading: materials of the 74th Scientific student conference with international participation*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University publ., pp. 83–91 (in Russ.).
13. Radchenko, D. A. (2007). Network folklore as a way of understanding current reality: specificity and life cycle. In: *Folk-art-net: new horizons of creativity. From tradition to virtuality*. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore publ., pp. 63–75 (in Russ.).
14. Alekseevsky, M. D. (2010). Internet in folklore or folklore on the Internet? (Modern folklore studies and virtual reality). In: *From Congress to Congress. Towards the Second All-Russian Congress of Folklorists*. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore publ., pp. 151–166 (in Russ.).
15. Akhrenova, N. A., Lunkova, L. N. & Chernyakova, Yu. S. (2024). *The Art of Text Analysis*. Moscow: Flinta publ. (in Russ.).
16. Maksimenko, O. I., Akhrenova, N. A. & Belyakov, M. V. (2024). Shifts in communicative semantics in the media discourse. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, 69–80. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-69-80 (in Russ.).
17. Akhrenova, N. A. (2023). Linguistic foundations of the formation of global Internet culture. In: Aleksandrova, O. V., Akhrenova, N. A., Bakhtiozina, M. G., et al. *World languages and cultures as an object of philological investigation*. Moscow: Nauka publ., pp. 143–166 (in Russ.).
18. Bitkeev, N. Ts. (2012). *Folklore: recording, systematization, storage, study*. Elista: Dzhangar publ. (in Russ.).
19. Nagarokov, K. R. (2022). *Systematics and archiving of Adyghe folklore: history, modern technologies, prospects* [dissertation]. Maykop (in Russ.).
20. Kochergina, A. A. (2020). Cultural and historical parallels of folk songs in the 21st century: from authentic folklore to digital technologies. In: *THE FUTURE OF SCIENCE 2020: collection of scientific articles of the 8th International Youth Scientific Conference: in 5 vols. Vol. 2*. Kursk: South-West State University publ., pp. 75–78 (in Russ.).
21. Rukomoynikova, V. P. (2004). *"Virtual" folklore: pros and cons*. Yoshkar-Ola: Mari State University publ. (in Russ.).
22. Koroleva, A. V. (2021). Folklore in the operas of N. A. Rimsky-Korsakov. In: *Young Scientist*, 47 (389), 458–468 (in Russ.).
23. Zhossan, N. Yu. (2013). Neo folklore trend in Russian music of the second half of the 20th century. In: *Bulletin of the Bashkir State University*, 18 (1), 105–108 (in Russ.).
24. Markin, R. E. & Sorokin, V. N. (2008). A fairy tale is serious. In: *Almanac of modern science and education*, 6-2, 122–124 (in Russ.).
25. Kovshova, M. L. (2012). *Linguocultural method in phraseology: Codes of culture*. Moscow: LIBROKOM publ. (in Russ.).
26. Savitsky, V. M. (2016). The concept of linguocultural codes: a rationale the theoretical substantiation of the concept of linguocultural codes. In: *Bulletin of Moscow State Region University. Series: Linguistics*, 2, 55–62. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-55-62 (in Russ.).
27. Khachmafova, Z. R., Karabulatova, I. S., Serebriakova, S. V., Zinkovskaya, A. V. & Ermakova, E. N. (2017). The specifics of an estimate discourse of gender stereotypes in small forms of folklore in a network discourse of electronic and information society at the beginning of the 21st century. In: *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities*, 25 (S) July, 137–150.
28. Karabulatova, I. S. & Kopnina, G. A. (2023). Specificity of linguistic parameterization of destructive mass media text with devaluation of historical memory. In: *Media Linguistics*, 10 (3), 319–335. DOI: 10.21638/spbu22.2023.303 (in Russ.).
29. Pashkov, S. M. (2023). Sacredness as a factor of text formation in religious communication. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1, 90–99. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-90-99 (in Russ.).

30. Karabulatova, I. S. & Bondarets, E. A. (2005). *Conspiracy: Proper Name in the Sacred Discourse of Healer Practice*. Tyumen: Feliks publ. (in Russ.).
31. Propp, V. Ya. (2001). *Morphology of the fairy tale*. Moscow: Labyrint publ. (in Russ.).
32. Shklovsky, V. B. (1983). *On the Theory of Prose*. Moscow: Sovetsky Pisatel publ. (in Russ.).
33. Toporkov, A. L. (2014). Russian formalists and the study of folklore. In: *Unknown pages of Russian folklore studies*. Moscow: Indrik publ., pp. 38–55 (in Russ.).
34. Kussepova, G. T., Karabulatova, I. S., Kenzhigozhina, K. S., Bakhus, A. O. & Vorontsov, K. V. (2023). Verification of communicative types in the judicial public space of media discourse in the USA, Kazakhstan and Russia as a psycholinguistic marker of fact-checking. In: *Amazonia Investiga*, 12 (61), 131–144. DOI: 10.34069/AI/2023.61.01.14.
35. Nikolaev, D. S. (2019). Automatic detection of mythological motifs with similar spatial distribution and distributional clusters of motifs. In: *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, 2 (1), 46–61. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-1-46-61 (in Russ.).
36. Khachmafova, Z. R., Karabulatova, I. S., Unarokova, R. B., Tseeva, Z. A., Zhang, L., & Loseva, R. V. (2023). Gender semiology in folklore traditions: Russia, China and Adygea. In: *Amazonia Investiga*, 12 (69), 260–269. DOI: 10.34069/AI/2023.69.09.23.
37. Ganicheva, A. V. & Ganichev, A. V. (2016). Graph method of text analysis. In: *World of Linguistics and Communication*, 46. URL: http://tverlingua.ru/archive/046/04_46.pdf (accessed: 25.12.2024) (in Russ.).
38. Gapanyuk, Yu. E., Terekhov, V. I., Ivlev, V. Y., Kaganov, Yu. T., Karabulatova, I. S., Oseledchik, M. B. & Semenov, D. V. (2024). Principles of Creating Hybrid Intelligent Information Systems Based on the Granular-Metagraph Approach. In: *Biologically Inspired Cognitive Architectures 2023: Proceedings of the 14th Annual Meeting of the BICA Society*. Cham, Switzerland: Springer Nature, pp. 356–366. DOI: 10.1007/978-3-031-50381-8_36.
39. Lenivikhina, N. O. & Pimenov, O. V. (2015). The First World War in Russian Folklore. In: *Prospects for the Development of Science and Education: a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, December 30, 2014): in 8 vols. Vol. VIII*. Lyubertsy: ART-Consult publ., pp. 57–62 (in Russ.).
40. Liu, Baiwei & Zhang, Helin (2024). On cross-cultural interpretation of folk culture and customs in V. A. Panasyuk's Russian translation of the novel "A Dream of Red Mansions". In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 3, 33–42. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-3-33-42 (in Russ.).
41. Ruan, Yu. & Karabulatova, I. S. (2021). The Experience of the Loss of the Motherland by Representatives of Russian Emigration in the Chinese Provinces (1905–1917). In: *Bylye Gody*, 16 (3), 1501–1510. DOI: 10.13187/bg.2021.3.1501.
42. Moskin, N. D. (2013). *Graph-theoretical models of folklore texts and methods of their analysis*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University publ. (in Russ.).
43. Liu, Zh., Karabulatova, I. S., Sun, Ch., Gapanyuk, Yu. E. & Terekhov, V. I. (2024). Modeling of bi-linguism in children in mixed families in the Russian-Chinese border area using neural network methods. In: *Cognitive Studies of Language*, 1-1 (57), 130–134 (in Russ.).
44. Bell, A. V. & Paegle, A. (2021). Ethnic Markers and How to Find Them: An Ethnographic Investigation of Marker Presence, Recognition, and Social Information. In: *Human Nature*, 32 (2), 470–481. DOI: 10.1007/s12110-021-09401-z.
45. Rafeeva, A. V. (2015). Automated search of colour in russian fairy tales. In: *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 3, 46–51.
46. Loseva, R. V., Karabulatova, I. S., Okolysheva, E. M. & Karabulatov, M. N. (2024). Linguistic semiotic markers of gender in modern vocal and musical discourse as a reflection of the neurocognitive information war in the cultural space. In: *Bulletin of Adyge State University, Series 2: Philology and Art Criticisms*, 1 (332), 45–60. DOI: 10.53598/2410-3489-2024-1-332-45-60 (in Russ.).
47. Tran, N. H., Kucharský, Š., Waring, T. M., Atmaca, S. & Beheim, B. A. (2021). Limited Scope for Group Coordination in Stylistic Variations of Kolam Art. In: *Frontiers in Psychology*, 12, article 742577. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.742577.
48. Barkovich, A. A. & Antonov, A. V. (2023). Methodological potential of sentiment analysis: the corpus aspect. In: *Proceedings of BSTU. Series 4: Print- and Mediatechnologies*, 2 (273), 32–39. DOI: 10.52065/2520-6729-2023-273-2-5 (in Russ.).

49. Melnikova, O. K. (2018). Genre and generic differentiation of language creativity on the internet and Runet. In: *Kazan linguistic journal*, 1 (3), 49–54 (in Russ.).
50. Gapanyuk, Y., Cai, C., Jia, C. & Karabulatova, I. (2025). Using Metagraph Approach for Building an Architecture of the Terminology Integration System. In: *Advances in Neural Computation, Machine Learning, and Cognitive Research VIII: Selected Papers from the XXVI International Conference on Neuroinformatics (Moscow, October 21–25, 2024, Russia)*. Cham, Switzerland: Springer, pp. 523–530. DOI: 10.1007/978-3-031-80463-2_49.
51. Kim, L. G. (2023). Conflict of Text Interpretations as a Consequence of Cognitive Dissonance in Internet Disputes. In: *Virtual Communication and Social Networks*, 2 (4), 222–228. DOI: 10.21603/2782-4799-2023-2-4-222-228 (in Russ.).
52. Golikova-Poshka, E. V. (2016). Animated and cartoon characters network folklore. In: *Folklore text in a modern cultural context: tradition and its rethinking*. Orel: Orel State University publ., pp. 63–68 (in Russ.).
53. Na, Junyuan, Guan, Xiujuan & Karabulatova, I. S. (2024). Game toponymy: the impact of localization of Chinese video games on their translation. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9(890), 134–142.
54. Alpatov, S. V. & Kovpik, V. A. Principles of constructing a full-text database on folklore materials. In: *Typology of folklore tradition: current problems of field folklore studies*. Moscow: Moscow State University publ., pp. 76–81 (in Russ.).
55. Gatsak, V. M., ed. (2012). *Multimedia and digital technologies in collecting, preserving and studying folklore: Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, November 16–18, 2011)*. Moscow: Institute of World Literature RAS publ. (in Russ.).
56. Rafaeva, A. V. (2014). *Computer – Word – Folklore*. Moscow: Russian State University for the Humanities (in Russ.).
57. Shmurak, R. I. (2022). Folklore and Reproach: The Experience of Sentiment Analysis Based on Constructions. In: *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 81 (4), 70–80. DOI: 10.31857/S160578800021458-9 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карабулатова Ирина Советовна (г. Москва, Россия; г. Харбин, КНР) – доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-исследовательского центра цифровых гуманитарных технологий Института русского языка Хэйлунцзянского университета; ведущий научный сотрудник лаборатории «Семантический анализ и машинное обучение» Института перспективных исследований проблем искусственного интеллекта и интеллектуальных систем Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; <https://orcid.org/0000-0002-4228-3235>; e-mail: radogost2000@mail.ru

Лосева Руслана Витальевна (г. Тюмень) – доцент кафедры вокального искусства факультета музыки, театра и хореографии Тюменского государственного института культуры; доцент кафедры русского языка Тюменского высшего военно-инженерного ордена Кутузова командного училища имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова; <https://orcid.org/0000-0002-7632-8569>; e-mail: lruslana@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina S. Karabulatova (Moscow, Russia; Harbin, China) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Head of the Research Center for Digital Humanities, Institute of Russian language, Heilongjiang University; Leading Researcher, Laboratory “Semantic Analysis and Machine Learning”, Institute for Advanced Study of Artificial Intelligence and Intelligent Systems, Lomonosov Moscow State University; Prof., Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

Ruslana V. Loseva (Tyumen) – Ass. Prof., Department of Vocal Art, Tyumen State Institute of Culture; <https://orcid.org/0000-0002-7632-8569>; e-mail: lruslana@mail.ru

Научная статья

УДК 81-22, 81'23

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-1-37-50

ЛЕКСИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МАНИПУЛИРОВАНИЯ В АНТИРОССИЙСКОЙ ПРОПАГАНДЕ

Кузнецова Ю. А.*, Князева Е. Г., Шермазанова С. В.

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

**Корреспондирующий автор, e-mail: yulya.perekhod@mail.ru*

Поступила в редакцию 21.10.2024

Принята к публикации 28.10.2024

Аннотация

Цель. Выявить и проанализировать средства речевого воздействия в антироссийской пропаганде в западных и украинских СМИ на лексическом и морфемном уровнях языковой иерархии.

Процедура и методы. В настоящем исследовании использован дискурс и контент-анализ текстов статей СМИ на английском, немецком и украинском языках. Методом сплошной выборки выявлены лексико-морфологические средства манипулирования в антироссийской пропаганде. Методы лингвистического описания и структурно-семантического анализа применяются в качестве приёмов исследования манипулятивного потенциала пропагандистских речевых средств.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод о наиболее частотных и эффективных средствах речевого воздействия в антироссийской пропаганде.

Теоретическая и практическая значимость заключается в раскрытии воздействующего потенциала речевых единиц в рамках представленных языковых уровней в применении к актуальной политической ситуации, что может послужить для формирования методики по выявлению речевых средств воздействия и их дальнейшему использованию, а также для разработки контрмер против антироссийской пропаганды, распространяемой странами Запада и Украиной с целью дискредитации России на мировой арене.

Ключевые слова: информационная война, пропаганда, речевое воздействие, языковая иерархия, языковой уровень

Для цитирования:

Кузнецова Ю. А., Князева Е. Г., Шермазанова С. В. Лексико-морфологические средства манипулирования в антироссийской пропаганде // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 1. С. 37–50. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-37-50>.

Original research article

LEXICO-MORPHOLOGICAL MEANS OF MANIPULATION IN ANTI-RUSSIAN PROPAGANDA

Yu. Kuznetsova*, E. Knyazeva, S. Shermazanova

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

**Corresponding author, e-mail: yulya.perekhod@mail.ru*

Received by the editorial office 21.10.2024

Accepted for publication 28.10.2024

Abstract

Aim. To identify and analyze the means of speech influence in anti-Russian propaganda in the Western and Ukrainian media at the lexical and morphemic levels of the linguistic hierarchy.

Methodology. The study comprises the discourse and content analysis of the texts of media articles in English, German and Ukrainian languages. The continuous sampling method reveals linguistic means of manipulation in anti-Russian propaganda at the lexical and morphemic levels. The methods of linguistic description and structural and semantic analysis are used as techniques for studying the manipulative potential of propaganda speech means.

Results. The results of the study have revealed the most frequent and effective means of speech influence in anti-Russian propaganda.

Research implications. The study reveals the influencing potential of speech units within the framework of the presented language levels as applied to the current political situation, which can serve to develop a methodology for identifying speech means of influence and their further use as well as the development of countermeasures against anti-Russian propaganda spread by the Western countries and Ukraine in order to discredit Russia on the world stage.

Keywords: information warfare, propaganda, speech influence, language hierarchy, language level

For citation:

Kuznetsova, Yu. A., Knyazeva, E. G. & Shermazanova, S. V. (2025). Lexico-morphological means of manipulation in anti-Russian propaganda. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, 37–50. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-37-50>.

Введение

Сегодня странами Запада против России развёрнута активная информационная война (далее – ИВ), которая задействует всё более агрессивные технологические и психологические методы воздействия. Такие методы требуют детального научного осмысления, что и порождает интерес к данному явлению в рамках различных научных областей.

Для настоящей статьи интерес представляет информационно-психологическая война, которая является объектом

лингвистических исследований, так как ключевыми средствами ведения такого типа войны служат речевые стратегии и тактики психологического воздействия.

В качестве материала исследования были выбраны и подвергнуты дискурсу и контент-анализу 30 статей СМИ за период с 24 февраля 2022 г. по 12 августа 2024 г. на английском, немецком и украинском языках (*The Guardian*¹, *Daily*

¹ The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – The Guardian.

*Mail*¹, *The Independent*², *BBC News*³ – на английском языке; *Die Zeit*⁴, *Der Tagesspiegel*⁵, *Bild*⁶, *Der Spiegel*⁷ – на немецком языке; *ТСН*^{*8}, *Українська правда*⁹, *Уніан*¹⁰ – на украинском языке), связанные со специальной военной операцией (далее – СВО), проводимой Вооружёнными Силами Российской Федерации на территории Украины. При исследовании посредством метода сплошной выборки были отобраны и распределены по лексическому и морфемному уровням языковой иерархии 35 примеров языковых средств воздействия. При работе с отобранными речевыми средствами применялись следующие методы: метод структурно-семантического анализа, позволивший дифференцировать речевые средства воздействия по указанным уровням языковой иерархии; метод лингвистического описания, посредством которого проводилась интерпретация фактического материала исследования.

Информационная война с точки зрения лингвистического подхода

А. Д. Васильев и Ф. Е. Подсохин обосновывают лингвистическое понимание ИВ с точки зрения двух ключевых направлений: 1) структурно-методологического, рассматривающего ИВ в качестве совокупности информационных воздействий и изучающего структуру и методологию существующих и потенциально возможных актов коммуникации, а также реализующего дискурс-анализ и контент-анализ; 2) семантического, в рамках которого проводится анализ языковых приёмов и средств реализации манипулятивных интенций автора [1, с. 14].

В рамках структурно-методологического направления основными понятиями являются текст и дискурс.

В современной лингвистике мнения относительно определения понятия «текст» расходятся. Так, ряд учёных (Т. ван Дейк, И. Г. Гальперин и др.) определяют текст как последовательность предложений, имеющих макроструктуру, т. е. структуру, позволяющую тексту существовать как единое целое. Исследователи, которые рассматривают текст как совокупность взаимосвязанных единиц, допускают наличие между такими единицами лексической, грамматической, логической и стилистической связи. Другие лингвисты (Дж. Л. Остин, Ю. Д. Апресян и др.) полагают, что текст неотделим от коммуникативной ситуации, в которой он производится, что указывает на его функциональную направленность. Такой подход к определению текста стал одним из ключевых в лингвистической теории текста и позволил не только классифицировать коммуникативные единицы, из которых состоит текст, но и описывать, какие коммуникативно-прагматические функции они могут выполнять. Это обусловило переход от чисто лингвистического понимания текста к коммуникативному как к инструменту создания смысла.

¹ Daily Mail Online. URL: <https://www.dailymail.co.uk> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – Daily Mail.

² The Independent [Электронный ресурс]. URL: <https://www.independent.co.uk> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – The Independent.

³ BBC News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – BBC News.

⁴ Die Zeit [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zeit.de> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – Die Zeit.

⁵ Der Tagesspiegel [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tagesspiegel.de> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – Der Tagesspiegel.

⁶ Bild [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bild.de> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – Bild.

⁷ Der Spiegel [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spiegel.de> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – Der Spiegel.

⁸ ТСН [Электронный ресурс]. URL: <https://tsn.ua> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – ТСН.*Внесён в реестр запрещённых сайтов Роскомнадзора.

⁹ Українська правда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravda.com.ua/> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – Українська правда.

¹⁰ УНІАН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unian.net> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – УНІАН.

Выявленный антропоцентризм в трактовке понятия текста подчёркивает значимость коммуникативных, социокультурных и когнитивных факторов в процессе создания и осмысления текста, что приводит к сближению понятия «текст» с понятием «дискурс».

О. И. Калинин приводит определение дискурса Н. Д. Арутюновой и отмечает, что дискурс – «это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное воздействие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [2, с. 28].

Опираясь на утверждение С. Л. Кушнерук, М. В. Приходько и О. И. Калинин подчёркивают, что дискурс характеризуется двойственной природой [2, с. 24]. Прежде всего, дискурс отражает объективный мир, «создаёт репрезентацию реальности, является не каналом передачи информации, но механизмом, который конструирует социальный мир» [3, с. 48].

По нашему мнению, для более точного понимания структуры сообщений ИВ стоит обратиться к минимальным единицам, составляющим текст и дискурс. Анализом таких единиц занимается семантическое направление.

Семантическое направление представлено исследованиями, посвящёнными лингвистическому и лингвопрагматическому анализу языковых средств, позволяющим проводить классификацию языковых средств и методов воздействия в текстах ИВ, анализировать речевые стратегии и тактики, а также описывать содержание и способы реализации коммуникативной интенции.

Лингвистический анализ обуславливает изучение особенностей использования «отдельных слов, форм, грамматических категорий, различных

частей речи, синтаксических конструкций как единиц языка» [4, с. 42].

В рамках лингвопрагматики в дискурсе ИВ анализируется прагматический потенциал единиц речевого воздействия. Так, по мнению А. Г. Диттрих, функциональная лингвопрагматика изучает «предуманный выбор слов, выражений, предложений, которые использует говорящий в речевом общении, то есть изучается речевая деятельность» [5, с. 48], в то время как скрытая лингвопрагматика подвергает исследованию «неосознаваемый, автоматический, привычный и мгновенный выбор слов, выражений и предложений, которые употребляет говорящий в речевом общении», под которым автор понимает речевое поведение [5, с. 48]. Основными формами реализации речевой деятельности и речевого поведения служат речевые стратегии и тактики, которые выбирает автор информационного сообщения с целью достижения намеченной коммуникативной цели.

Очевидно, что в основе любой речевой стратегии и тактики лежит общая модель речевого акта.

Вслед за Дж. Л. Остином Е. Г. Князева предлагает следующее описание модели речевого акта: «говорящий произносит членораздельные звуки, принадлежащие общепонятному языковому коду; строит высказывания из слов данного языка по правилам его грамматики; снабжает высказывание смыслом и референцией, т. е. соотносит с действительностью, осуществив речение (*locution*); придаёт речению целенаправленность, благодаря которой оно превращается в иллокутивный акт (*illocutionary act*); воздействует на сознание или поведение адресата, создавая новую ситуацию (*perlocution*)» [6, с. 121].

О. С. Иссерс утверждает, всякий речевой акт имеет определённые неречевые цели, которые «в конечном счёте, регулируют деятельность собеседника» [7]. Речь идёт о речевом воздействии, которое связано с целевой установкой говорящего и направлено на регуляцию физической и

интеллектуальной деятельности собеседника.

По мнению В. В. Барбун, речевое воздействие – это способность человека передавать свои мысли и эмоции посредством лингвистических единиц и свойств языка. Автор отмечает, что речевое воздействие обладает двумя основными характеристиками: «1) направленность на реципиента; 2) наличие интенции и ожидаемого прагматического эффекта» [8].

Так, одной из ключевых целей современной информационной войны является речевое воздействие.

Мы полагаем целесообразным рассмотрение средств языкового воздействия и манипулирования с точки зрения двух уровней языковой иерархии: лексического и морфемного.

Стоит отметить, что язык представляет собой сложную иерархически выстроенную систему элементов, обладающих одним и тем же комплексом категориальных свойств, который служит для объединения этих элементов в единый языковой уровень. Так, Д. С. Коршунов, опираясь на исследования В. М. Солнцева, выделяет три уровня системы языка: фонемы, морфемы, слова, – и два уровня речевой системы: слова и предложения [9, с. 64]. Автор утверждает, что разделение уровней по двум системам основывается на признаке воспроизводимости единиц, входящих в их состав, в готовом виде.

Так, лексический уровень представлен номинативными языковыми единицами, которые выражают конкретное значение и, кроме того, могут придавать дополнительную коннотацию обозначаемому явлению в рамках определённого контекста.

Морфемный уровень языковой иерархии образован морфемами, которые представляют собой минимально значимые единицы языка, входящие в состав слова. Р. М. Салимова подчёркивает, что морфема содержит значение, но оно является сигнификативным [10, с. 18].

Речевые средства воздействия на лексическом уровне

Одними из наиболее частотных средств речевого воздействия являются средства лексического уровня языковой иерархии. Применение различных лексических средств обуславливает реализацию воздействия на картину мира реципиента посредством имплицитного или эксплицитного выражения оценки описываемых событий или субъективного мнения автора сообщения.

Лексические средства воздействия в анализируемых статьях СМИ на английском, немецком и украинском языках представлены следующими группами: эвфемизмы и дисфемизмы, перифраза, слова с оценочной, экспрессивной, эмоциональной или стилистической коннотацией.

Эвфемизмы представляют собой субституты, т. е. замены грубых слов на нейтральные, тогда как дисфемизмы – это слова, запрещённые обычаем или приличием, используемые вместо слов с нейтральной коннотацией. А. Р. Дяттерева и М. А. Осадчий считают, что оба средства основаны на приёме гиперболизации, но нацелены на реализацию диаметрально противоположных функций: эвфемизация обуславливает «уклонения от этических и правовых рисков, затемнение денотата, манипуляцию ценностными установками говорящего и слушающего, сокрытие за прямой номинацией разоблачительного контекста», в то время как дисфемизация, напротив, эксплицирует «отрицательные и пейоративные оценки» [11, с. 130].

В статье BBC News, посвящённой подрыву Крымского моста силами украинской армии, был использован следующий пример эвфемизма:

Пример 1. *“Moscow has blamed Ukraine for the **incident** – which left two people dead – but Kyiv has not officially said it was **responsible**”*¹ («Москва обвинила Киев в

¹ Radford A., Armstrong K. Ukraine war: Vladimir Putin vows response after 'terrorist' attack on Crimea

этом **инциденте**, который стал причиной смерти двух человек, но Киев официально не подтвердил свою ответственность¹»).

Реализация эвфемизма *incident* «инцидент» с нейтральной коннотацией, имеющего значение «необычное или неприятное событие», в данном контексте обуславливает тот факт, что авторы статьи принимают сторону официального Киева относительно ответственности за совершение атаки на Крымский мост. Данная единица служит для подачи информации в более мягком ключе, а также для сокрытия агрессивных действий Украины на территории Российской Федерации.

В статьях СМИ на немецком языке также использован ряд эвфемизмов, которые служат для сокрытия неправомерных действий украинского и западного правительств в отношении России и обуславливают реализацию манипулятивных речевых стратегий в медиа-дискурсе:

Пример 2. *“Ukrainische Truppen sind weit in russisches Gebiet vorgerückt. Das überraschende Kursk-Manöver hat auch in Berlin für Aufsehen gesorgt”*² («Украинские войска продвинулись вглубь российской территории. Неожиданный **курский манёвр** вызвал переполох в Берлине»).

Эвфемизм *Kursk-Manöver* «Курский манёвр» является авторским неологизмом и использован в качестве замены для описания незаконного вторжения украинских войск на территорию Российской Федерации в Курской области. Слово *Manöver* в описанном контексте имеет нейтральную коннотацию и зна-

чение «умело выполненное тактическое движение»³, что обуславливает намерение автора преподнести информацию в нейтральном ключе.

Наиболее частотно эвфемизации в немецких СМИ подвергаются наименования украинской армии, украинского правительства, а также действия западных стран в отношении военной помощи Украине после начала СВО: *Abwehrkrieg gegen Russland* «оборонительная война против России», *anti-russischer Abwehrkampf* «антироссийская оборонительная кампания» – служат для оправдания действий украинской армии в отношении России; *die Unterstützung der Ukraine* «поддержка Украины» – применяется относительно поставок западного оружия на Украину.

В украинских СМИ тенденция применения эвфемизмов для описания действий украинских военных сохраняется:

Пример 3. *«Нагадаємо, 22 липня 2023 року стало відомо, що ЗСУ ліквідували російського пропагандиста Ростислава Журавльова»*⁴ («Напомним, 22 июля 2023 года стало известно, что ВСУ **ликвидировали** российского пропагандиста Ростислава Журавлёва»).

Эвфемизм *ліквідувати* «ликвидировать» является в данном контексте заменой слова «убить». Применение указанного эвфемизма обуславливает стремление автора статьи уменьшить психоэмоциональную нагрузку на реципиента и создать нейтральный фон передаваемой информации.

К дисфемизмам в статьях СМИ на английском, немецком, украинском языках относятся те, с помощью которых авторы стремятся выразить субъективно негативное отношение к сторонам конфликта

bridge // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-66218869> (дата обращения: 10.08.2024).

¹ Здесь и далее перевод авторов статьи – Ю. К., Е. К., С. Ш.

² *Ukrainischer Vorstoß auf Kursk laut Ampel geheim und ohne Rückkoppelung geplant* // Der Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/kursk-ukrainischer-vorstoss-laut-ampel-geheim-und-ohne-ruecksprache-geplant-a-1fa482ea-3730-4303-9e3f-049d1b54b332> (дата обращения: 10.08.2024).

³ *Manöver* [Электронный ресурс] // Duden: [сайт]. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Manoever> (дата обращения: 10.08.2024).

⁴ Бойко М. ЗСУ ліквідували кадирівського пропагандиста "Карлсона", який воював проти України // ТСН. URL: <https://tsn.ua/ato/zsu-likvidovali-kadirivskogo-propagandista-karlsona-yakiy-voyuvav-proti-ukrayini-2378464.html> (дата обращения: 10.08.2024).

или к политической элите противоборствующей стороны.

Так, в статье издания The Guardian, посвящённой выходу России из Черноморской зерновой сделки, автор использует дисфемизм для описания СВО ВС РФ:

Пример 4. *“Before Russia’s war of aggression, Ukraine was a critical global food supplier: a fifth of the world’s barley came from Ukraine, as well as a sixth of the maize and an eighth of wheat”*¹ («До начала **агрессивной войны России**, Украина была важнейшим мировым поставщиком продовольствия: пятая часть мирового ячменя поступала из Украины, а также шестая часть кукурузы и восьмая часть пшеницы»).

Указанный пример дисфемизма служит для субъективного негативного описания ситуации и способствует созданию и поддержанию негативного образа России как страны-агрессора, совершившей нападение на территорию Украины.

Немецкая электронная газета Die Zeit также поддерживает антироссийскую пропаганду с помощью различных дисфемизмов. Так, в статье, описывающей празднование Дня Победы в Москве, а также выступление Президента России В. В. Путина по случаю празднования Дня Победы, автор использует приём дисфемизма для того, чтобы описать вхождение полуострова Крым в состав Российской Федерации в 2014 г.:

Пример 5. *“Putin nutzt das Gedenken an die Toten des Zweiten Weltkrieges seit Jahren für eine Inszenierung seiner außenpolitischen Vorstellungen und hat es vor allem seit der **Annexion der Krim** 2014 zunehmend zur Projektionsfläche für antiukrainische und antiwestliche Parolen umgestaltet”*² («Путин уже много лет использует мемориал памяти погибших во Второй мировой войне

для демонстрации своих внешнеполитических идей и, особенно после **аннексии** Крыма в 2014 году, всё чаще превращает его в площадку для проецирования антиукраинских и антизападных лозунгов»).

Дисфемизм *der Annexion* «аннексия» в немецком языке имеет значение «насилъственная, незаконная оккупация, присвоение, захват государственной территории»³, что обуславливает его использование в антироссийской пропаганде с целью создания экспрессии и выражения резко отрицательной оценки ситуации. Стоит отметить, что в западных и украинских СМИ дисфемизм «аннексия» в отношении присоединения Крыма к территории РФ является одним из наиболее частотных средств речевого манипулятивного воздействия.

В украинских СМИ приём дисфемизации получает широкое распространение в отношении действий ВС РФ на территории Украины в рамках СВО и политического управления России, в частности личности и политической деятельности Президента РФ В. В. Путина:

Пример 6. *«Триває повномасштабна війна в Україні, і РФ зосередила біля нашого кордону та на поки що окупованих територіях близько 550 тисяч **загарбників**»*⁴ («Продолжается полномасштабная война на Украине, и РФ сосредоточила возле нашей границы и на пока ещё оккупированных территориях около 550 тысяч **захватчиков**»).

Так, слово *загарбник* имеет в украинском языке значение «тот, кто насильно захватывает чужую территорию, поработывает другие народы»⁵. При помощи дан-

¹ Putin is using food as a weapon – but his cynical attempts to drum up forced allies will fail // The Guardian. URL: <https://clck.ru/3KYV3L> (дата обращения: 10.08.2024).

² Eydlin A. Wladimir Putin wirft dem Westen "echten Krieg" vor // Die Zeit. URL: <https://clck.ru/3KYWN7> (дата обращения: 10.08.2024).

³ Annexion [Электронный ресурс] // Duden: [сайт]. URL: <https://www.duden.de/suchen/dudenonline/der%20Annexion> (дата обращения: 10.08.2024).

⁴ Присяжнюк К. Скільки російських загарбників в Україні та на кордоні: ЗМІ дізналися число від ГУР // УНІАН. URL: <https://clck.ru/3KYWEt> (дата обращения: 10.08.2024).

⁵ См.: Загарбник // Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / Уклад., голов. ред. В. Т. Бусел. Київ; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. С. 383.

ного дисфемизма автор статьи обозначает армию России в негативном ключе, что соответствует общему негативному тону пропагандистских нарративов украинских СМИ, а также позволяет идентифицировать российскую армию как тех, кто пришёл захватывать территории суверенного государства. Это обуславливает манипулятивное воздействие и оправдывает любые дальнейшие действия ВС Украины по защите своих территорий.

Широкое использование приёмов эвфемизации и дисфемизации в статьях СМИ, посвящённых СВО ВС РФ на территории Украины, обуславливает стремление авторов оказывать воздействие на сознание реципиентов в процессе манипулирования общественным мнением. Реализация эвфемизмов в отношении действий ВС Украины и её западных союзников способствует созданию образа «Украина-жертва», а также оправданию действий западных стран. В то же время многочисленные приёмы дисфемизации для описания действий ВС РФ и политической власти России доказывают стремление западных и украинских СМИ демонизировать Россию и поддерживать образ «Россия-враг».

Следующим по частотности средством речевого воздействия в анализируемых статьях СМИ является перифраза. В. П. Москвин под перифразой понимает «описательный оборот, образуемый для замены какого-либо общепринятого наименования» [12, с. 75]. Описывая перифразу с точки зрения её оценочного компонента, Т. В. Лыскова утверждает, что в текстах СМИ перифразы выступают в качестве манипулятивного средства воздействия и реализуют одну из оценочных функций: комплиментарную, ироническую или порицательную [13].

Оценочные перифразы, выделенные в текстах СМИ на английском, немецком и украинском языках, посвящённых СВО ВС РФ на территории Украины, выражают негативное отношение к описываемо-

му объекту или событию, что превращает их в форму речевой агрессии.

Так, перифразы *the tsar* «царь», *murderous autocrat* «кроважадный тиран», *der Kremlchef* «кремлёвский босс», *der Kriegstreiber* «разжигатель войны» выражают речевую агрессию, направленную против Президента России В. В. Путина и являются действующими инструментами ведения антироссийской пропаганды в западных СМИ.

Пример 7. *“Sie konnten Viktor Orbáns Alleingang nicht verhindern, umso größer ist die Empörung der europäischen Staatsoberhäupter über die Russlandreise des ungarischen Premiers. Der Besuch bei “Kriegstreiber” sei eine Schande”*¹ («Они (другие главы государств ЕС – прим. авторов статьи – Ю. К., Е. К., С. Ш.) не смогли помешать Виктору Орбану действовать в одиночку, что усиливает возмущение глав европейских государств поездкой венгерского премьер-министра в Россию. Визит к «поджигателю войны» – это позор»).

В украинских СМИ в большей степени распространены манипулятивные перифразы, которые служат для наименования России и Вооружённых Сил РФ, а также для обозначения политических лидеров и управления страны: *окупанти* «оккупанты», *нацисти* «нацисты», *країна-агресорка* «страна-агрессор», *мафіозна держава* «мафиозное государство», *правляча кліка* «правлящая банда».

Пример 8. *«Президент Росії Володимир Путін вперше відкрито заявив про кризу, з якою країна-агресорка стикається у війні проти України»*² («Президент России Владимир Путин впервые

¹ EU verurteilt Orbáns Kremlreise. »Wer wirklich Frieden will, schüttelt keinem blutigen Diktator die Hand« // Der Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/viktor-orban-bei-wladimir-putin-eu-empuert-wer-frieden-will-schuetzelt-keinem-diktator-die-hand-a-13568ff9-583f-40c5-aebc-01453b69387e> (дата обращения: 10.08.2024).

² Лаб'як І. Путін відкрито заявив про "кризу" у війні проти України // ТСН. URL: <https://tsn.ua/politika/putin-vidkrito-zayaviv-pro-krizu-u-viyni-proti-ukrayini-2643243.html> (дата обращения: 10.08.2024).

открыто заявил о кризисе, с которым **страна-агрессор** сталкивается в войне против Украины»).

Помимо эвфемизмов, дисфемизмов и перифраз, в исследуемых статьях были выявлены слова с оценочной, экспрессивной и эмоциональной коннотацией.

Использование лексем с оценочной коннотацией предполагает отклонение от нейтральной нормы, а наличие в таких лексемах эмоциональной или экспрессивной коннотации усиливает их воздействующий потенциал.

Оценочность позволяет не только информировать читателя о происходящих событиях, но и воздействовать на эмоции и чувства, формировать позитивное или негативное отношение к передаваемой информации у реципиента. Так, в статьях, нацеленных на поддержание антироссийской информационной войны, лексемы с оценочной экспрессивной и эмоциональной коннотацией служат для создания негативного образа России и российского лидера, правящей элиты и армии.

Пример 9. *“They make an odd couple. One is smiley-faced and chubby. The other is thin-lipped and scowls a lot. Both are dictators, sinister, brutal and unaccountable in their different ways”*¹ («Они составляют странную пару. Один (лидер КНДР Ким Чен Ын – прим. авторов статьи – Ю. К., Е. К., С. Ш.) – улыбчивый и круглолицый. Другой (Президент РФ В. В. Путин – прим. авторов) – часто **хмурый и с тонкими губами**. Оба – **диктаторы, зловещие, жестокие и необъяснимые**, каждый по-своему»).

Пример 10. *“Es sind Bilder, die ein weiteres Mal beweisen, wie **grausam und barbarisch** Kreml-Chef Wladimir Putin (71) in seinem Angriffskrieg gegen die Ukraine*

*vorgeht”*² («Эти фотографии (фотографии разрушенной детской больницы в Киеве – прим. авторов статьи – Ю. К., Е. К., С. Ш.) ещё раз доказывают, насколько **жесток и бесчеловечен** кремлёвский босс Владимир Путин (71) в его агрессивной войне против Украины»).

Пример 11. *«У прифронтовых державах НАТО нарастают побоювання, що **кривавий** російський диктатор Володимир Путін може вдатися до провокацій та перевірити рішучість НАТО»*³ («В прифронтовых государствах НАТО нарастают опасения, что **кровавый** российский диктатор Владимир Путин может прибегнуть к провокациям и проверить решительность НАТО»).

Таким образом, совокупное количество лексических средств речевого воздействия составляет 28 единиц (80%), из которых 6 эвфемизмов (17,1%), 10 дисфемизмов (28,6%), 5 перифраз (14,3%) и 7 лексем с оценочно-экспрессивной коннотацией (20%). Анализ статей СМИ на английском, немецком и украинском языках показывает, что в антироссийской информационной войне преобладают дисфемизмы, что обусловлено особенностями восприятия информации реципиентом: информация с негативным оттенком вызывает больше эмоций у адресата, что способствует лучшему усвоению информации и манипуляции сознанием в дальнейшем. С помощью дисфемизмов возможно произвести воздействие и управлять поведением реципиента, используя языковые средства. Частотность использования данных средств в западных и украинских СМИ обусловлена их

¹ Tisdall S. Putin and Kim are the odd couple with a dual mission – cementing a new world order // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jun/19/putin-kim-ukraine-war-north-korea-weapons-world> (дата обращения: 10.08.2024).

² Ukraine-Krieg: Putin bombardiert Kinderkrankenhäuser in Kiew // Bild. URL: <https://www.bild.de/politik/ausland-und-internationales/ukraine-krieg-fuenftote-bei-russen-angriffen-auf-kiew-668ba601935d-586554d90bed> (дата обращения: 10.08.2024).

³ Журавель М. Прифронтові держави НАТО побоюються нападу Путіна: названо сценарії розвитку подій // ТСН. URL: <https://tsn.ua/ato/prifrontoviderzhavi-nato-poboyuyutsya-napadu-putina-nazvano-scenariyi-rozvitku-podiy-2560552.html> (дата обращения: 10.08.2024).

единой целью – дискредитацией России на мировой арене, созданием негативно-го образа России, политических лидеров страны и армии и сокрытием истинных целей проведения Специальной военной операции.

Речевые средства воздействия в рамках морфемного уровня

Речевые средства воздействия на морфемном уровне характеризуются употреблением аффиксов с оценочным значением. По мнению Е. А. Гаврильевой, «оценочность, положительная или отрицательная, представляет собой отклонение от нейтральной нормы, степень которого зависит от интенсификации оценочного значения». Автор считает, что наличие эмоциональной или экспрессивной коннотации в семантической структуре лексемы обуславливает увеличение степени отклонения от её нейтрального значения [14, с. 21].

В языке СМИ оценка имеет преимущественно негативную коннотацию, так как её основной целью являются воздействие на сознание массового реципиента информации, а также формирование определённой системы ценностей и поведения адресата. Негативная оценочность в языке медиа выражается с помощью словообразовательных средств. Так, И. Б. Голуб, подчёркивая значимость словообразования для системы языка, утверждает, что оно «является ярким источником речевой экспрессии благодаря богатству и разнообразию оценочных аффиксов» [15, с. 121].

Стоит отметить, что в анализируемых статьях СМИ преобладают суффиксы с субъективно-оценочной долей. Как отмечает В. А. Торопкина, «эти суффиксы служат для образования форм имён существительных, качественных прилагательных и наречий с эмоционально-экспрессивной окраской, выражающих отношение говорящего к предмету, качеству, признаку» [16, с. 163].

В украинских СМИ распространены слова со стилистически маркированным суффиксом *-щина(a)*, который в сочетании со стилистически нейтральными словами или именами собственными придаёт им значение социально-бытового явления или идейного течения, как правило, с негативной коннотацией, например, *Кремлівщина, Путінщина, Кадирівщина* («Кремлевщина», «Путинщина», «Кадыровщина»):

Пример 12. *«Путінщина починає тріщати по всіх імперських швах»*¹ («Путинщина начинает трещать по всем имперским швам»).

Кроме того, украинский суффикс *-ія* (ия) употребляется для обозначения России с целью принизить значимость страны на мировой арене: *Московія* «Московия», *ерефія* «ерефия» – происходит от аббревиатуры «РФ» с негативным оценочным суффиксом *-ія*:

Пример 13. *«Нині невідомий точний кілометраж просування – рашистські «воєнкори» повідомляли раніше, що ерефія втратила контроль над одинадцятьма пунктами, зокрема Суджею»*². («На данный момент точный километраж продвижения неизвестен – рашистские “военкоры” сообщали ранее, что ерефия потеряла контроль над одиннадцатью пунктами, в том числе над Суджей»).

В английских и немецких статьях СМИ распространены неологизмы с префиксом *anti-* со значением отрицания, а также префиксом *pseudo-*, придающим слову значение неискренности, ложности: *antirussische* «антироссийский», *antiwestliche* «антизападный», *anti-Putin* «антипутинский», *pseudo-republic* «псевдореспублика».

¹ Путінщина починає тріщати по всіх імперських швах // ТСН. URL: <https://tsn.ua/ato/publications/982-putinshchyna-pochynaie-trishchaty-po-vsikh-imperskykh-shvakh.html> (дата обращения: 10.08.2024).

² "Путін, пам'ягай!": росіяни верещать, що ЗСУ просуваються вглиб Росії – що відбувається // ТСН. URL: <https://tsn.ua/svit/putin-pamagi-rosiyani-vereschat-scho-zsu-prosuvayutsya-vglub-rosiyi-scho-vidbuvayetsya-2637387.html> (дата обращения: 10.08.2024).

Пример 14. *“Die Regierungschefs des Anti-Putin-Bündnisses sind in Washington gelandet”*¹ («Лидеры **антипутинского** альянса прибыли в Вашингтон»).

Пример 15. *“Ukraine’s president also accused Russia of trying to create **pseudo-republics** to break his country apart”*² («Президент Украины обвинил Россию в попытке создать **псевдореспублики**, чтобы разделить страну»).

Кроме того, в англоязычных СМИ широко используются отсубстантивные существительные с суффиксами *-isation*, *-ism* в ироническом или пейоративном контексте с целью создания слов с негативной оценочностью. В немецком политическом медиадискурсе такие слова образованы при помощи суффиксов *-ismus*, *-ierung* с тем же значением, что и в англоязычных СМИ. Наиболее частотно такие слова образованы в сочетании с именем Президента РФ В. В. Путина: *putinisation*, *putinism*, *der Putinismus*, *die Putinisierung*.

Пример 16. *“Now Russia’s fate depends on **de-Putinisation**”*³ («Сейчас судьба России зависит от **де-Путинизации**»).

Пример 17. *“Die 22 Jahre **Putinismus** haben sich als verheerend erwiesen, nicht nur für die russische Politik, die Wirtschaft und die öffentliche Moral, sondern auch für die Kultur”*⁴ («22 года **Путинизма** оказались

разрушительными не только для российской политики, экономики и общественной морали, но и для культуры»).

Так, в анализируемых статьях СМИ было выявлено 7 единиц, или 20% средств воздействия на морфемном уровне из общего количества средств речевого воздействия на различных уровнях языковой иерархии. Среди неологизмов с оценочной коннотацией наиболее частотными являются те, которые созданы при помощи аффиксации. Данный способ словообразования позволяет словам приобретать оценочно-негативное значение посредством своей эмоциональной и субъективной окраски.

Заключение

Анализируемые речевые средства воздействия антироссийской информационной войны представлены в виде сводной таблицы (табл. 1).

Таким образом, анализ статей СМИ на английском, немецком и украинском языках, связанных с проведением СВО ВС РФ, показал, что наиболее частотными средствами речевого воздействия являются средства на лексическом уровне языковой иерархии, что обусловлено выразительным и экспрессивным потенциалом лексем, обладающих высоким уровнем валентности в отношении других единиц. Кроме того, речевые средства воздействия информационной войны против России на лексическом уровне способны оказывать воздействие на сознание и поведение реципиента за счёт своей ёмкости и лаконичности. Они создают устойчивые ассоциативные образы у реципиента информационного сообщения, что позволяет странам Запада и Украине вести антироссийскую информационную войну и пропагандистские нарративы, которые дискредитируют и демонизируют Россию, её политических лидеров и армию в миро-

beschädigen // Der Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/news-des-tages-buergergeld-gbt-in-russland-wm-in-katar-a-ee4250a4-bf2a-451c-9e7f-af225d5bc9a6> (дата обращения: 10.08.2024).

¹ Rühle M. O. Zum Nato-Gipfel in Washington: Hier landet das Anti-Putin-Bündnis // Bild. URL: <https://www.bild.de/politik/ausland-und-internationales/zum-nato-gipfel-in-washington-hier-landet-das-anti-putin-buendnis-668d9179997af21bf2400252> (дата обращения: 10.08.2024).

² Invaders ‘cannot conquer us’, Zelenskiy says, as 13,000 flee besieged cities – as it happened // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/live/2022/mar/12/ukraine-news-russia-war-ceasefire-broken-humanitarian-corridors-kyiv-russian-invasion-live-vladimir-putin-volodymyr-zelenskiy-latest-updates-live> (дата обращения: 10.08.2024).

³ Shishkin M. Neither Nato nor Ukraine can de-Putinise Russia. We Russians must do it ourselves // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/mar/28/nato-ukraine-vladimir-putin-russia-democratic-national-guilt> (дата обращения: 10.08.2024).

⁴ Russland stellt »LGBT-Propaganda« unter Strafe – und wird dadurch auch die Arbeit vieler Kulturschaffender

Таблица 1 / Table 1

Речевые средства воздействия в антироссийской информационной войне на лексическом и морфемном уровнях языковой иерархии / Speech means of influence in the anti-Russian information war at the lexical and morphemic levels of the language hierarchy

Речевые средства	Количество речевых средств (ед.)	Количество речевых средств (%)	Общее количество средств по уровню (ед.)	Общее количество средств по уровню (%)
Лексический уровень				
Эвфемизм	6	17,1	28	80
Дисфемизм	10	28,6		
Перифраза	5	14,3		
Лексемы с оценочной коннотацией	7	20		
Морфемный уровень				
Слова с оценочными аффиксами	7	20	7	20
Общее количество			35	100

вом сообществе. Исследование речевых средств воздействия в рамках различных уровней языковой иерархии позволит в дальнейшем сформировать комплекс

контрмер для защиты реципиентов от антироссийской пропаганды, развёрнутой странами коллективного Запада и Украиной против России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев А. Д., Подсохин Ф. Е. Информационная война: лингвистический аспект // Политическая лингвистика. 2016. № 2. С. 10–16.
2. Калинин О. И., Приходько М. В. Информационная война: коммуникативный, дискурсивный, когнитивный и культурно-идеологический аспекты // Военно-филологический журнал. 2023. № 1. С. 23–36.
3. Калинин О. И. Основы лингвопрагматического исследования политического имиджа: монография. М.: КноРус, 2018. 148 с.
4. Кульнина Е. А. Лингвистический анализ как средство изучения особенностей построения и понимания различных видов текста // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 5 (158). С. 40–43.
5. Диттрих А. Г. Современные области прагмалингвистических исследований // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 42–52. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-42-52.
6. Князева Е. Г., Курбакова С. Н. Философские и лингвистические аспекты изучения речевой коммуникации // Коммуникация в современном поликультурном мире: массовая коммуникация и языковая личность: ежегодный сборник научных трудов. Вып. 5. М.: PEARSON, 2017. С. 119–128.
7. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: ФЛИНТА, 2009. 224 с.
8. Барбун В. В. Речевое воздействие как предмет лингвистических исследований // Говор: Альманах. 2023. № 5. С. 55–57. DOI: 10.48612/govor/dvt5-k92a-z13n.
9. Коршунов Д. С. Система языка и парадигмы языкознания: проблемы соответствия // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 8 (69). С. 63–67.
10. Салимова Р. М. Фонологические подходы к изучению фонемы как многогранной единицы языка // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 15. № 1. С. 16–23. DOI: 10.14529/ling180103.
11. Дегтярёва А. Р., Осадчий М. А. К вопросу о функциональной классификации эвфемизмов русского языка // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 2. С. 128–132.

12. Москвин В. П. О разновидностях перифразы // Русский язык в школе. 2001. № 1. С. 74–77.
13. Лыскова Т. В. Субстантивные перифразы в современном публицистическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2012. 26 с.
14. Гаврильева Е. А. Реализация оценочной коннотации при переводе информационных текстов СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых учёных. 2017. № 15. С. 21–25.
15. Голуб И. Б. Стилистика русского языка: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Журналистика»; 7-е изд. М.: Айрис-пресс, 2006. 441 с.
16. Торопкина В. А. Прагматические аспекты современного медийного словотворчества: новообразования как средство речевого воздействия // Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллективная монография. М.: ОО ФЛИНТА, 2018. С. 156–191.

REFERENCES

1. Vasiljev, A. D. & Podsokhin, F. Y. (2016). Information warfare: linguistic aspect. In: *Political linguistics*, 2, 10–16 (in Russ.).
2. Kalinin, O. I. & Prikhodko, M. V. (2023). Information war: communicative, discourse, cognitive and cultural-ideological aspects. In: *Journal of Military Philology*, 1, 23–36 (in Russ.).
3. Kalinin, O. I. (2018). Fundamentals of linguopragmatic research of political image. Moscow: KnoRus (in Russ.).
4. Kulnina, E. A. (2021). Linguistic and stylistic analysis as a means of studying the peculiarities of the composition and comprehension of different types of text. In: *Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 5 (158), 40–43 (in Russ.).
5. Dittrikh, A. G. (2023). The modern fields of pragmalinguistics research. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4, 42–52. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-42-52 (in Russ.).
6. Knyazeva, E. G. & Kurbakova, S. N. (2017). Philosophical and linguistic aspects of research into speech communication. In: *Communication in the modern multicultural world: mass communication and linguistic personality. Iss. 5*. Moscow: PEARSON publ., pp. 119–128 (in Russ.).
7. Issers, O. S. (2009). *Speech influence*. Moscow: FLINTA publ. (in Russ.).
8. Barbun, V. V. (2023). Speech influence as a subject of linguistic research. In: *Govor: Almanac*, 5, 55–57. DOI: 10.48612/govor/dvt5-k92a-z13n (in Russ.).
9. Korshunov, D. S. (2015). The system of language and paradigms of linguistics: problems of correspondence. In: *Cherepovets State University Bulletin*, 8 (69), 63–67 (in Russ.).
10. Salimova, R. M. (2018). Phonological approaches to study phoneme as a complex linguistic unit. In: *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 15 (1), 16–23. DOI: 10.14529/ling180103 (in Russ.).
11. Degtyareva, A. R. & Osadchiy, M. A. (2012). The euphemism as a tactic of legal and ethical risk avoidance in public communications. In: *Bulletin of Kemerovo State University*, 2, 128–132 (in Russ.).
12. Moskvina, V. P. (2001). On the varieties of periphrase. In: *Russian language in school*, 1, 74–77 (in Russ.).
13. Lyskova, T. V. (2012). *Substantive periphrases in modern journalistic discourse* [dissertation]. Kirov (in Russ.).
14. Gavril'yeva, E. A. (2017). Implementation of the evaluative connotations in the translation of mass media texts. In: *Science Journal of Volgograd State University. Young Scientists' Research*, 15, 21–25 (in Russ.).
15. Golub, I. B. (2006). *Stylistics of the Russian language*. Moscow: Ayris-press publ. (in Russ.).
16. Toropkina, V. A. (2018). Pragmatic aspects of modern media word creation: new formations as a means of speech influence. In: *Sociocultural and linguopragmatic aspects of modern word-formation processes*. Moscow: FLINTA publ., pp. 156–191 (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузнецова Юлия Александровна (г. Москва) – старший преподаватель кафедры иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;

<https://orcid.org/0009-0001-4716-9773>; e-mail: yulya.perekhod@mail.ru

Князева Елена Георгиевна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;

<https://orcid.org/0009-0003-1244-4995>; e-mail: i7201224@gmail.com

Шермазанова Светлана Викторовна (г. Москва) – кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;

<https://orcid.org/0009-0002-4447-3793>; e-mail: Shermazanova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yulia A. Kuznetsova (Moscow) – Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

<https://orcid.org/0009-0001-4716-9773>; e-mail: yulya.perekhod@mail.ru

Elena G. Knyazeva (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Departmental Head, Department of Foreign Languages, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

<https://orcid.org/0009-0003-1244-4995>; e-mail: i7201224@gmail.com

Svetlana V. Shermazanova (Moscow) – Cand. Sci. (Sociology), Assoc. Prof., Prof., Department of Foreign Languages, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

<https://orcid.org/0009-0002-4447-3793>; e-mail: Shermazanova@yandex.ru

Научная статья

УДК 81 33

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-1-51-66

РИТУАЛЬНОСТЬ КАК ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: СЕМИОТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Ларионова М. В.* , Фокина А. Д.

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: larionova.m@list.ru

Поступила в редакцию 24.09.2024

Принята к публикации 27.09.2024

Аннотация

Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать ритуальность в качестве типологического признака юридического дискурса во взаимосвязи с институциональностью и перформативностью, установить прагмакогнитивный функционал вербальных, невербальных и паравербальных компонентов, регламентированных параметрами юридического дискурса, и оценить их перформативный эффект.

Процедуры и методы. Системность исследования семиотических характеристик юридического дискурса достигается за счёт использования методов дискурсивного, контекстуального, интерпретативного, когнитивного и структурно-семантического анализа. Интегральный методический подход, опирающийся на семиотику, когнитивистику и теорию дискурса, гарантирует корректность исследования вербальных, невербальных, иконических и артефактуальных компонентов юридического дискурса, обеспечивающих ритуальность как его типологическую характеристику.

Результаты. Сформулирован концепт ритуальности как ключевой признак юридического дискурса в его взаимосвязи с иными дискурсивными признаками; установлены компоненты дискурса, обеспечивающие ритуальность юридического дискурса, а также их роль в достижении эффективной коммуникации в профессиональной юридической среде.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование представляет собой анализ ритуальности юридического дискурса с точки зрения семиотики – перспективного направления дискурсивной лингвистики, которое позволяет расширить представление о речевом акте посредством учёта влияния на процесс коммуникации вербальных и невербальных знаковых кодов, а также иных экстралингвистических факторов. С точки зрения прагмакогнитивистики установлен функциональный эффект таких компонентов дискурса, как латинские устойчивые словосочетания и клишированные формулы-обращения; символичные предметы и артефакты, используемые в ходе судебных заседаний; иконические символы, оцениваемые судом в качестве доказательств.

Ключевые слова: артефакты, перформативность, прагмакогнитивистика, ритуальность, семиотика, эмодзи, юридический дискурс

Для цитирования:

Ларионова М. В., Фокина А. Д. Ритуальность как типологическая характеристика юридического дискурса: семиотическое измерение // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 1. С. 51–66. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-51-66>.

Original research article

RITUALITY AS A TYPOLOGICAL CHARACTERISTIC OF LEGAL DISCOURSE: SEMIOTIC DIMENSION

M. Larionova*, A. Fokina

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

**Corresponding author, e-mail: larionova.m@list.ru*

Received by the editorial office 24.09.2024

Accepted for publication 27.09.2024

Abstract

Aim. To analyse rituality as a typological feature of legal discourse, to reveal its relationship with institutionality and performativity; to establish the pragmatic cognitive functionality of verbal, non-verbal and paraverbal components regulated by the parameters of legal discourse and to evaluate their performative effect.

Methodology. The methods of discursive, contextual, interpretive, cognitive and structural-semantic analysis are used, which ensure the systematic study of the semiotic characteristics of legal discourse. The integral methodological approach, based on semiotics, cognitive science and discourse theory, ensures the correctness of the study of verbal, non-verbal, iconic and artifactual components of legal discourse, providing rituality as its typological characteristic.

Results. The concept of rituality as a key feature of legal discourse in its interconnection with other discursive features is formulated; discourse components that ensure the rituality of legal discourse are established, as well as their role in ensuring the efficiency of communication in the professional legal environment.

Research implications. The study analyses the rituality of legal discourse from the point of view of semiotics – a promising direction of discourse linguistics, which allows expanding the understanding of the speech act by taking into account the influence of verbal and non-verbal sign codes, as well as other extra-linguistic factors on the communication process. From the point of view of pragmatic cognitive science, the functional effect of such discourse components as Latin phrases and clichéd formulas, symbolic objects and artifacts used during court hearings, and iconic symbols evaluated by the court as evidence has been established.

Keywords: artifacts, emoji, legal discourse, performativity, pragmatic cognitive science, rituality, semiotics

For citation:

Larionova, M. V. & Fokina, A. D. (2025). Rituality as a typological characteristic of legal discourse: semiotic dimension. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, 51–66. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-51-66>.

Введение

Юридический дискурс – это коммуникативное пространство профессионального взаимодействия юристов, которое объективируется в различных ситуациях строго регламентированной деятельности, осуществляемой в целях разрешения

профессиональных задач в сфере права. Опираясь на известную дефиницию дискурса, предложенную Н. Д. Арутюновой¹, юридический дискурс следует трактовать

¹ См.: Лингвистический энциклопедический словарь / под. ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136–137.

как профессиональную коммуникацию юристов, «погруженную в жизнь», которая детерминирована юридико-правовой деятельностью.

Юридический дискурс можно рассматривать в двух измерениях – реальном и виртуальном (потенциальном) [1, с. 12–13]. В реальном измерении правовая коммуникация представляет собой профессионально детерминированную дискурсивную деятельность в определённом социальном пространстве, которая подчиняется установленному процессуальному порядку, а в виртуальном – это семиотическое пространство, в котором адресант и адресат взаимодействуют в профессиональной правовой сфере через установленный канал связи [2, с. 163]. Семиотическое пространство включает вербальные и невербальные знаки, совокупным денотатом которых являются мир права и прецедентные высказывания, различные модели речевых действий, специфических для общения в данной сфере [3, с. 99]. Вербальные и невербальные знаки, таким образом, функционируют в юридическом дискурсе в качестве самостоятельных, но взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов.

Семиотика в качестве перспективного направления дискурсивной лингвистики расширяет представление о речевом акте посредством учёта влияния на процесс коммуникации вербальных и невербальных знаковых кодов, а также иных экстралингвистических факторов. Прагмакогнитивный подход к изучению дискурса ставит в центр исследовательского внимания речевое действие. Его участниками являются языковые личности – дискурсивные коммуниканты, которые действуют в рамках определённых обстоятельств и условий общения [4, с. 27]. Речевое действие предполагает не только сами высказывания, но и иную дискурсивную прагматику, которая способствует достижению иллокутивных целей дискурсивных коммуникантов при их взаимодействии.

Так, рассматривая судебное заседание в качестве элемента юридического дискурса, представляется возможным выделить такие его ритуальные признаки, как наличие закреплённого порядка действий, отступление от которого недопустимо (процессуальность); жёстко фиксированные роли и иерархия участников (что выражается, в частности, через обязательные вербальные и невербальные действия, такие как официальные обращения к суду и обязанность всех лиц, присутствующих на судебном заседании, вставать при появлении судей); клишированность речи и использование специализированной, профессиональной терминологии; символическая нагруженность вещей и артефактов (униформа, ритуальные предметы); привязанность к определённому месту (зал судебных заседаний) и др. [5, с. 11–12]. Таким образом, вербальные и поведенческие ритуалы, формулы обращения, жесты и конкретные действия, знаки, вещи и артефакты функционируют как самостоятельные элементы семиотического пространства юридического дискурса в общем и совершаемых в его пространстве речевых действий в частности, которые обеспечивают реализацию ритуальности как имманентной характеристики юридического дискурса.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью углублённого изучения ритуальности юридического дискурса с точки зрения семиотики и прагмакогнитивистики. Это позволяет установить прагматический эффект различных вербальных, невербальных и паравербальных элементов, которые трактуются авторами в качестве отдельных компонентов юридического дискурса, обеспечивающих реализацию ритуальности как его типологической характеристики и обладающих собственным дискурсивным функционалом.

Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать ритуальность в качестве типологического признака

юридического дискурса во взаимосвязи с институциональностью и перформативностью, установить прагмакогнитивный функционал вербальных, невербальных и паравербальных компонентов, регламентированных параметрами юридического дискурса, и оценить их перформативный потенциал.

Ритуальность и иные типологические признаки юридического дискурса

Ритуал представляет собой определённую последовательность символически значимых действий, закреплённую традицией [6], и с этой точки зрения ритуальность может рассматриваться как черта, свойственная человеческому поведению в целом и проявляющаяся в той или иной степени в любом типе дискурса. Однако ритуальный дискурс имеет особое значение ввиду того, что реализуется в наиболее значимых для людей ситуациях: в случае юридического дискурса – в ходе защиты своих прав и свобод гражданами и обеспечения интересов государства. Кроме того, интерпретация множества символических действий, совершаемых в рамках ритуальной дискурсивной практики, позволяет идентифицировать ценностные культурные доминанты, формирование которых осуществляется посредством многократного повторения идентичных или однообразных речевых и поведенческих актов в конкретной ситуации регламентированного общения.

Юридический дискурс отличается высокой степенью строгости и обязательности ритуала, что обусловлено его особой целью – соотнести конкретное действие, которое ущемляет интересы государства, общества или конкретного лица, с определённой нормой закона [5, с. 11]. Цель – важнейший элемент в структуре ритуального типа дискурса наряду с его участниками, хронотопом, ценностями, стратегиями, материалом, разновидностями и жанрами, прецедентными текстами и дискурсивными формулами [4, с. 29],

поскольку именно цель обуславливает и предопределяет дискурсивный функционал всех остальных компонентов.

Наиболее полно цель юридического дискурса реализуется в процессе судебного разбирательства, т. е. в момент правоприменения – практического применения правовых норм к конкретным жизненным ситуациям, разрешения юридических споров посредством властной деятельности государственных органов, специально уполномоченных организаций и их должностных лиц¹. Из этого следует, что свойство ритуальности юридического дискурса наиболее полно проявляется в судебном дискурсе – особой разновидности юридического дискурса, и именно ритуальность позволяет обеспечить условия, способствующие эффективному достижению цели его участников.

Ритуальность юридического дискурса глубоко взаимосвязана с его институциональностью, которая предполагает социально-ритуальный характер конвенциональных коммуникативных актов – регламентированных конкретным обществом форм речевого взаимодействия [7, с. 75]. Под обществом следует подразумевать как общество в целом, так и его отдельную и относительно устойчивую группу (например, сообщество юристов). Высокая степень ритуальности институционального дискурса обеспечивает эффективность достижения целей дискурсивных коммуникантов: они заранее осведомлены о правилах, по которым будет происходить тот или иной процесс, и могут заблаговременно планировать и выстраивать взаимодействие внутри юридического дискурса в соответствии с заданными и известными всем участникам моделями поведения. Ритуальность как свойство юридического дискурса во многом коррелирует с принципами правовой определённости и системно-

¹ См.: Теория права и государства: учебное пособие / под ред. А. А. Малиновского. М.: МГИМО-Университет, 2019. С. 158–159.

сти обязательных требований, содержащихся в нормативно-правовых актах, которые предполагают их ясность, логичность и понятность всем дискурсивным коммуникантам, недопустимость противоречий при их применении и согласованность с целями и принципами законодательного регулирования, а также их системное единство¹.

Протокольность и официальность общения являются признаками перформативного типа дискурса, к которому также относится юридический дискурс. Официальность, в свою очередь, тесно связана с институциональным характером дискурса (актуализация статусно-ролевых отношений участников дискурса), а протокольность предполагает закреплённую последовательность речевых и неречевых актов при совершении коммуникативных действий. Признаки официальности и протокольности совокупно указывают на ритуальность перформативного типа дискурса [8, с. 63–64].

Таким образом, ритуальность, институциональность и перформативность – это взаимосвязанные, взаимообусловленные и взаимно потенцирующие друг друга типологические характеристики юридического дискурса, которые обеспечивают как вербальными, так и невербальными дискурсивными компонентами.

Ритуалы и материальные артефакты как компоненты юридического дискурса

С точки зрения дискурсологии ритуал – это динамичное коммуникативное образование, которое возникает на базе определённого социально значимого действия и подвергается символическому переосмыслению – ритуализации. Ритуа-

лы выполняют следующие дискурсивные функции: констатирующую, интегрирующую (консолидация участников), мобилизующую (привлечение участников к выполнению определённых действий или к выработке определённого отношения к чему-либо) и фиксирующую (закрепление коммуникативного действия в заданной форме, которая имеет приоритетный для дискурса характер). Именно фиксирующая функция превращает то или иное коммуникативно значимое действие в ритуал [6].

Ритуальность судебного дискурса как разновидности юридического дискурса обеспечивается, в частности, предметными артефактами, используемыми в процессе судебной деятельности.

В лингвокультурологической парадигме под артефактом понимается любой искусственно созданный объект, который может функционировать в различных сферах культурно-семантического поля, отличается полисемией и имеет свойство вариативного проявления в различных культурных средах [9, с. 469–470]. Артефакт как объект культуры имеет собственное значение (код), однако это значение раскрывается исключительно посредством артефактуального действия – активного и избирательного действия, в ходе которого происходит передача накопленного культурного опыта от поколения к поколению, что обеспечивает сохранение и воспроизведение материальной и духовной культуры [10, с. 193].

Экстраполируя предложенный подход к пониманию сущности артефакта на дискурсивную сферу, можно утверждать, что артефактуальное действие в дискурсе есть ритуальное действие, поскольку при осуществлении заранее предусмотренного, зачастую традиционного действия происходит эффективное декодирование смысла, заложенного в конкретном артефакте, который функционирует как невербальный компонент дискурса. Так, в юридическом дискурсе к артефактам от-

¹ См.: Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ (ред. от 24.09.2022) «Об обязательных требованиях в Российской Федерации». Ст. 7. Правовая определённость и системность [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358670/95b7bacf7a7228c578178f5b3ec806258af3f9cf (дата обращения: 15.08.2024).

носятся мантии судей, судейский парик, молоток судьи, которые используются в ходе судебного разбирательства – процесса, предусматривающего последовательность ритуальных (в том числе артефактуальных) действий.

В действующем законодательстве России в качестве символа судебной власти наряду с Государственным флагом РФ и изображением Государственного герба РФ указаны мантии, в которые облачаются судьи при осуществлении правосудия¹. Судейская мантия как атрибут судебной ветви государственной власти идентифицирует судью как лицо, осуществляющее правосудие, и свидетельствует о его особом статусе, авторитете перед лицами, присутствующими на заседании. Мантия символизирует отстранённость судьи от эмоций, его беспристрастность при рассмотрении дела, придаёт процессу статус ритуала и торжественность, а чёрный цвет рассматривается как символ сосредоточенности судьи на рассмотрении дела. Мантия дисциплинирует всех участников процесса, включая судью, вызывает почтение, усиливает официальность осуществляемых в рамках судебного заседания действий.

Однако частое ношение данного атрибута судебной власти может приводить к прямо противоположному прагматическому эффекту и провоцировать «синдром чёрной мантии» – чувство отчуждённости и отстранённости от реальности, восприятия собственной незыблемости и авторитетности, непогрешимости и неприкосновенности, которое приводит к пренебрежительному отношению к участникам процесса, недостатку самокритичности, излишней самоуверенности, утрате объективности

и беспристрастности при рассмотрении дела². Среди негативных последствий ношения мантий отмечаются также торможение работы суда ввиду стеснения участников от излишней театрализованности процесса и идеализированное восприятие судей, образ которых не предполагает ошибок и адекватной критики [11, с. 85–86]. Указанные негативные последствия иллюстрируют прагматическое нарушение символического восприятия мантии, которая должна ассоциироваться исключительно с самим ритуальным событием – судебным процессом, а не с личностью судьи, которая вне судебного процесса, вне облачения в мантию перестаёт быть частью юридической дискурсивной семиотики и должна осознавать себя и восприниматься окружающими внедискурсивно.

Судейский молоток с фигурной рукояткой на деревянной подставке не является официальным символом судебной власти в России и используется преимущественно в государствах англосаксонской правовой семьи. Вместе с тем благодаря его использованию в медийной среде, фильмах и телевизионных шоу именно судейский молоток приобрёл устойчивую ассоциативную связь с судебным процессом. Удар судейским молотком по специальной подставке по окончании судебного заседания символизирует его завершение и неоспоримость вынесенного решения. Если удар молотка по специальной подставке происходит в ходе судебного заседания, это означает приказ судьи не нарушать порядок его проведения.

Прагматическая категория перформативности, которая выражается в тождественности слова и действия, приводящей в результате осуществления действия к изменению действительности, в юридическом дискурсе получает не

¹ Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023, с изм. от 27.11.2023) «О статусе судей в Российской Федерации». Ст. 21. Символы судебной власти [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/d1c095697d409091dbbc32adc5e11c2fd85a7bae/ (дата обращения: 17.08.2024).

² См.: Галатин М. Ю. Судьи в чёрном, или Синдром чёрной мантии // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2024/7/23/sudi_v_chyornom_ili_sindrom_chyornoj_mantii (дата обращения: 20.08.2024).

только вербальную, но и невербальную, экстралингвистическую, реализацию: перформативность эксплицируется через ритуальный акт удара молотком по подставке. Подобное действие, с одной стороны, равнозначно декларативному речевому акту, обладающему свойством перформативности, а именно «Объявляю судебное заседание закрытым», а с другой стороны – директивному речевому акту, вербальным выражением которого может считаться фраза «Приказываю соблюдать порядок в судебном заседании». Таким образом, иллокуция данного ритуального действия детерминруется дискурсивным контекстом его осуществления.

Особый судебный артефакт существует в одном из уникальных ирригационных судов, которые функционируют в Испании с XIII в. В 2009 г. ирригационные суды Испании были признаны наследием ЮНЕСКО в качестве традиционных правовых учреждений для управления водными ресурсами¹. Средиземноморские ирригационные суды Испании – Совет добрых людей Мурсии (исп. *Consejo de Hombres Buenos de Murcia*) и Водный трибунал Валенсии (исп. *Tribunal de las Aguas de la Vega de Valencia*) – действуют на основании ст. 125 Конституции Испании, в соответствии с которой граждане вправе участвовать в отправлении правосудия посредством обычных и традиционных судов (исп. *Tribunales consuetudinarios y tradicionales*)².

В Водном трибунале Валенсии заседания, согласно традиции, проводятся по четвергам в 12:00 в Воротах Апостолов Валенсийского кафедрального собора

Успения Пресвятой Богородицы. Одним из ключевых участников заседаний Водного трибунала Валенсии является судебный пристав (исп. *Aguacil*) – главный стражник (рис. 1), ранее отвечавший за подачу воды и подъём шлюзовых ворот-упоров, который открывает судебное заседание ритуальной фразой «¡Denunciats de la séquia de Quart!» – «Ответчики

Рис. 1 / Fig. 1. Судебный пристав Водного трибунала Валенсии (исп. *Aguacil del Tribunal de las Aguas de la Vega de Valencia*) / Bailiff of Water Tribunal of the Vega de Valencia

Источник: Iconografía [Электронный ресурс] // Tribunal de las Aguas de la Vega de Valencia: [сайт]. URL: <https://tribunaldelasaguas.org/es/el-tribunal/iconografia> (дата обращения: 15.09.2024).

¹ Decision of the Intergovernmental Committee: 4.COM 13.70 [Электронный ресурс] // UNESCO: [сайт]. URL: <https://ich.unesco.org/en/decisions/4.COM/13.70> (дата обращения: 01.07.2024).

² Испанская Конституция от 29.12.1978 (в редакции от 17.02.2024). См.: BOE-A-1978-31229 Constitución Española [Электронный ресурс] // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado: [сайт]. URL: [https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/\(1\)/con](https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/(1)/con) (дата обращения: 01.07.2024).

из зоны оросительного канала Quart!»¹. Ритуальное высказывание является перформативным речевым актом и выступает эквивалентом заявления «Объявляю судебное заседание открытым», одновременно означая начало судебного заседания и инициацию процессуального действия – вызова ответчиков.

Судебный пристав держит в качестве знака отличия позолоченный латунный крюк-гарпун неправильной формы с двумя зубцами, один из которых загнут (рис. 2). Именно этим инструментом поднимали и опускали доски в перегородках оросительных каналов, исполняя решение суда, и хотя в наше время орудие не используется по своему прямому назначению, оно продолжает неукоснительно

Рис. 2 / Fig. 2. Крюк-гарпун (исп. *Gancho*) / Harpoon hook

Источник: Iconografía [Электронный ресурс] // Tribunal de las Aguas de la Vega de Valencia: [сайт]. URL: <https://tribunaldelasaguas.org/es/el-tribunal/iconografia> (дата обращения: 15.09.2024).

служить ритуальным артефактом и невербальным символом обязательности и исполнимости решений Водного трибунала Валенсии².

Латинские выражения – термины и формулы речи как компоненты юридического дискурса

Одним из важнейших вербальных компонентов, выполняющих особую прагматическую функцию в юридическом дискурсе, выступают латинские термины – наследие римского права. Они представляют собой прецедентные элементы истории и теории права, когнитивно необходимые для формирования юридического мышления.

Латинские выражения функционируют как особый компонент понятийного аппарата современного международного права, который в настоящее время продолжает активно использоваться в следующих контекстах юридического дискурса³:

- в текстах международных договоров;
- в процессе установления содержания международных обычаев как источников международного права;
- при формулировании общих принципов права, признанных цивилизованными нациями, которые применяются при разрешении споров между государствами⁴;
- в судебных решениях, которые служат вспомогательным средством для определения правовых норм: в частности, Международный Суд ООН опирается на латинские юридические термины,

² Iconografía [Электронный ресурс] // Tribunal de las Aguas de la Vega de Valencia: [сайт]. URL: <https://tribunaldelasaguas.org/es/el-tribunal/iconografia> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Маршалок Н. В., Ульянова И. Л. Латинские термины в современном международном праве: латинско-русский, русско-латинский словарь. М.: Статут, 2015. С. 5.

⁴ См.: Статут [Электронный ресурс] // Международный Суд Организации Объединённых Наций: [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/iccj/statut.shtml#chap2> (дата обращения: 05.07.2024).

¹ Вызов истцов осуществляется по каналам в том порядке, в котором они забирают воду из реки, начиная с канала Кварт (*Quart*) и заканчивая каналом Робелля (*Robella*).

подразумевая, что они не только общеизвестны, но и понимаются всеми единообразно (моносемантически);

– в международном коммерческом арбитраже.

В сфере частного права на латинском языке обозначаются части коллизионных норм, на основании которых определяется право, которое применяется для регулирования конкретных частноправовых отношений, осложнённых иностранным элементом: *lex personalis* – личный закон физического лица, *lex societatis* – личный закон юридических лиц, *lex voluntatis* – право, избранное сторонами, *lex loci delicti commissi* – право места причинения вреда и др.¹. Латинские выражения в качестве терминов активно применяются в сфере торгового права и связанного с ним международного коммерческого арбитража: *pacta sunt servanda* – основной принцип договорного права, в соответствии с которым договоры должны соблюдаться², *lex mercatoria* – концепция, представляющая собой совокупность наднациональных норм и принципов, призванных регулировать отношения в сфере международной торговли³.

Однако латинские слова и выражения функционируют в юридическом дискурсе в качестве не только терминов, но и дискурсивных формул. Несмотря на законодательно закреплённое требование о том, что судопроизводство и делопроизводство в судах РФ ведутся на русском

языке⁴, в решениях российских судов используются высказывания на латыни, сопровождаемые переводом на русский язык. Наиболее часто употребляются краткие и широко известные латинские выражения, например *status quo* (существующее положение вещей), *de jure* (согласно праву), *ad hoc* (для данного случая) и др. Иногда в судебных решениях встречаются целые предложения на латыни, имеющие аналог в русском языке. Так, арбитражные суды и суды общей юрисдикции используют латинские фразы в тех случаях, когда приводят позиции Конституционного Суда РФ и существовавшего до 2014 г. Высшего Арбитражного Суда РФ⁵, например⁶:

– *Lex posterior derogat priori* – «Последующий закон отменяет предыдущий»;

– *Lex specialis derogat generali* – «Специальный закон отменяет общий»;

– *Nullum crimen, nulla poena sine lege* – «Нет преступления, нет наказания без указания на то в законе»;

– *Delegatus non potest delegare* – «Никто не может передоверять полномочия, которые были ему делегированы» и др.

Таким образом, латинские выражения в юридическом дискурсе выполняют функцию экономии когнитивно-языковых средств, представляя собой краткие и в то же время ёмкие высказывания, доступные для понимания всеми коммуникантами юридического дискурса. Во многих сферах права латинские словосо-

¹ См.: Монастырский Ю. Э. Коллизионная норма – цель, структура, виды // Международное частное право: учебник: в 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. С. Н. Лебедева, Е. В. Кабатовой. М.: Статут, 2011. С. 221–225.

² См.: Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / пер. с англ. А. С. Комарова. М.: Статут, 2013. С. 10.

³ О трудностях толкования термина *lex mercatoria* см.: Лобода А. И. Теория современного *lex mercatoria* в контексте международного коммерческого арбитража // Современный международный коммерческий арбитраж: учебное пособие / под ред. А. А. Костина. М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 191–210.

⁴ Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023). Ст. 10. Язык судопроизводства и делопроизводства в судах [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834 (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ Согласно Закону РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ и внесённым изменениям в Конституцию РФ полномочия Высшего Арбитражного Суда РФ были переданы Верховному Суду РФ.

⁶ Ефименко Е. Латынь в суде: зачем она юристам и судьям // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/212053> (дата обращения: 01.07.2024).

четания являются устоявшимися терминами, и их использование обеспечивает единообразное толкование обозначаемых явлений специалистами, говорящими на разных языках, что имеет первостепенное значение для юридического дискурса. Дискурсивная прагматика фраз на латыни связана с их использованием в качестве фигур речи, обеспечивающих авторитетность утверждений и прецедентность принимаемых судом решений.

Формулы-обращения, ритуальные действия и тексты как компоненты юридического дискурса

Реализуя единство функций общения и познания, юридический дискурс включает в себя коммуникативные структуры, текстовые и метатекстовые элементы, относящиеся к акту общения. В качестве метатекстовых единиц функционируют различные дискурсивные формулы – особые конструкции, устойчивые и легко воспроизводимые единицы, используемые в речевом акте для упрощения коммуникации; типовые реакции, равные одной реплике, которые являются маркерами реакций на определённые вербальные стимулы [12, с. 297]. Примерами дискурсивных ритуальных формул выступают ритуальные реплики, означающие начало и конец судебного заседания («Прошу всех встать! Суд идёт!»), ритуальные обращения («Господин прокурор», «Господа присяжные заседатели»), ритуальные присяги-клятвы свидетелей и т. п.

В ходе судебного разбирательства все его участники реализуют определённый дискурсивно-функциональный статус: защитника, обвинителя, судьи, подсудимого, свидетеля и т. д. Закреплённый статус формально обеспечивается ритуальными действиями и ритуальными клишированными текстами. Отдельные формулы-обращения фиксируются в статьях процессуальных кодексов, содержащих нормы, регулирующие порядок судебного заседания. Так, все участники судебного разбирательства и все лица, присутству-

ющие в зале заседания, обязаны использовать ритуальные обращения: к составу суда – «Уважаемый суд», к судье – «Ваша честь». Ритуальность обеспечивается непреложным требованием того, что участники обязаны стоять при обращении к суду, при даче показаний и объяснений, при формулировании вопросов и ответов иным лицам, а также при заслушивании решения или определения суда по окончании рассмотрения дела (ст. 158 ГПК РФ¹, ст. 154 АПК РФ², ст. 257 УПК РФ³).

Свойствами ритуальности и перформативности обладает текст присяги свидетелей и экспертов, который содержится в регламентах судов. В частности, в Конституционном Суде РФ свидетель, зачитывая текст присяги, обязуется давать только правдивые и полные показания об известных ему лично сведениях и материалах, касающихся рассматриваемого дела; аналогичный текст произносят эксперты, которые тем самым заверяют, что будут исполнять свои обязанности честно и добросовестно, основываясь на своих профессиональных знаниях, руководствуясь ст. 63 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и своим собственным убеждением⁴.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 22.07.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3KZAP7> (дата обращения: 13.08.2024).

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 29.05.2024, с изм. от 20.06.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800 (дата обращения: 13.08.2024).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 13.08.2024).

⁴ См. § 44–45 в: Регламент Конституционного Суда РФ (ред. от 15.06.2023) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13034 (дата обращения: 18.08.2024).

Категория ритуальности, нацеленная на интеграцию и консолидацию участников судебного дискурса, одновременно связана с сосуществующей категорией чуждости, направленной на их дифференциацию: соблюдение различных ритуальных элементов, с одной стороны, объединяет участников судебного дискурса в рамках конкретного процесса, а с другой стороны – демонстрирует отчуждённость агентов и клиентов дискурса, их нейтральность и отстранённость по отношению к правовым ситуациям, что делает правовую систему закрытой областью профессиональной коммуникации [13, с. 102].

Иконические изображения как компоненты юридического дискурса

Смайлики (графические изображения улыбающегося лица), эмодзи (графические изображения различных человеческих эмоций) и эмодзи (графические изображения любых предметов, явлений или действий) для целей дискурс-анализа могут рассматриваться как паралингвистические феномены общего семиотического порядка [14, с. 282–283]. Использование эмодзи является неким новым ритуалом коммуникативной вежливости, способом имитировать живое общение и выразить эмпатию к адресату. В некоторых случаях иконки-образы имплицитно выражают предложение, что позволяет добиться экономии языковых средств, необходимой для обеспечения динамики общения и быстрого достижения коммуникантами дискурсивных целей. Несмотря на то, что содержание универсальных эмодзи и эмодзи понятно каждому человеку вне зависимости от того, на каком языке он говорит, прагматика коммуникативной ситуации может предопределять новые интерпретации и транслировать дополнительные семантические и прагматические смыслы пиктограмм, выходящие за границы изначально заложенного в них семиотического кода [15, с. 1181].

Следует согласиться с позицией Королевской академии испанского языка, которая отмечает допустимость использования эмодзи и эмодзи в неформальном или частном контексте, но считает это неуместным в институциональном или формальном документе¹. Вместе с тем объективная реальность такова, что иконические знаки постепенно завоёвывают пространство не только неформальных, но и официальных коммуникаций: смайлики, эмодзи и эмодзи стали использоваться не только в дружеской, но и в деловой переписке и функционировать в качестве элементов институциональных дискурсивных практик.

Употребление иконических знаков в институциональных дискурсивных контекстах нередко приводит к возникновению споров, основной причиной которых является имманентный потенциал полисемичности (в том числе эмотивности, или оценочной модальности) и перформативности как двух взаимосвязанных и взаимозависимых свойств подобных знаков. Примерами служат прецеденты трактовки смайликов, эмодзи и эмодзи как паравербальных знаков при их использовании в юридическом дискурсе для обоснования доводов сторон в суде.

Иконический образ поднятого вверх пальца, так называемый «лайк», иллюстрирует потенциал перформативности эмодзи, который в юридическом дискурсе может быть приравнен к различным речевым актам, при этом его толкование варьируется в зависимости от контекста. Так, «лайк», поставленный в переписке в мессенджере WhatsApp под условиями договора, был истолкован судом как акцент оферты². В соответствии

¹ ¿Es correcto el uso de los emojis y emoticonos? [Электронный ресурс] // Real Academia Española: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3KZB9X> (дата обращения: 01.07.2024).

² Юридический эмодзи: арбитражные суды признали лайк акцентом при согласовании условий договора // Гарант.РУ. URL: <https://www.garant.ru/news/1647367> (дата обращения: 19.08.2024).

со ст. 438 ГК РФ¹ акцептом признаётся ответ лица, которому адресована оферта, о её принятии, однако в законе не указана форма, в которой должен быть направлен ответ акцептанта адресанту оферты. Единственное требование закона к акцепту – это его полнота и безоговорочность, и эти признаки акцепта с учётом деловой практики сторон суд фактически признал за актом использования «лайка». Подобное толкование эмодзи и эмотиконов имеет ещё одно юридическое обоснование: сделка, которая может быть совершена в устной вербальной форме, считается заключённой и в том случае, если из поведения лица явствует воля совершить сделку (п. 2 ст. 158 ГК РФ). В этом смысле использование эмотикона трактуется как конклюдентное действие, посредством которого обнаруживается намерение лица вступить в сделку (по аналогии с тем действием, которое совершает лицо, опуская деньги в автомат, изъявляя тем самым свою волю на покупку соответствующего товара²). Следовательно, эмотикон «лайк» в рассматриваемом судебном решении приравнивается к вербальному речевому акту, обладающему классическими признаками перформативности: «Я заключаю договор, соглашаясь полностью и безоговорочно на указанные оферентом условия».

Эмотиконы и эмодзи, используемые в мессенджерах в контексте деловой переписки, могут трактоваться в качестве доказательства в уголовном и административном процессе. Так, «лайк», поставленный под публикацией экстремистского характера, если уведомление о поставленном «лайке» автоматически направляется иным лицам, является осно-

ванием для привлечения к ответственности, причём доказать отсутствие умысла лица оказывается затруднительным³.

Помимо стандартных смайликов и эмотиконов, которые представляют собой изображения различных эмоций, эмодзи функционируют как иконические образы различных артефактов, транслирующих заложенные в них символичные смыслы. Так, использование иконки денежного мешка в сообщении в контексте обсуждения встречи с должностным лицом стало доказательством по делу о даче взятки⁴.

При декодировании исходного семантического кода в процессе интерпретации эмодзи учитывается не столько его предметное, денотативное, сколько символическое, коннотативное, значение: эмотиконы в виде ножа, пистолета, бомбы, черепа, гроба и т. п. могут выражать угрозу, выступая в качестве иконических эквивалентов вербальных формул всевозможных перлокутивных речевых актов.

Особенно остро вопрос установления смысла эмотиконов и эмодзи или их комбинаций в качестве доказательства виновности лица стоит при расследовании преступлений против личности (против жизни и здоровья), против свободы, чести и достоинства личности, против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Так, в Перу был запущен проект *#BloqueaElAcoso* – #ОстановиДомогательство. В ходе его реализации разработали перечень символов, которые могут быть квалифицированы как совершение домогательств в сети. В список вошли не только очевидные иконки (язык, губы, огонь, отпечаток губной

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 17.08.2024).

² См.: В. С. Ем. Форма сделок // Гражданское право: учебник. Т. I: Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. С. 403.

³ Аршинова В. Эмодзи как доказательство. Может ли графический символ выступать в качестве доказательства в арбитражном и гражданском процессах? [Электронный ресурс] // Адвокатская газета: [сайт]. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/emodzi-kak-dokazatelstvo> (дата обращения: 20.08.2024).

⁴ Царёв Е. Смайллки в судебной практике // vc.ru. URL: <https://vc.ru/legal/872025-smailiki-v-sudebnoi-praktike> (дата обращения: 20.08.2024).

помады), но и ряд эмодзи, изображающих различные овощи, фрукты, сладости и др., коннотативные значения которых негативно маркированы в указанном семантическом поле¹.

Среди факторов, затрудняющих использование и исследование эмодзи в качестве доказательств в судебном процессе, отметим следующие:

- отсутствие единой практики толкования эмодзи и невозможность разработки универсального «словаря» эмотиконов;

- отсутствие специалистов, компетентных в толковании эмодзи, и неэффективность экспертизы;

- необходимость анализа контекста, сложившейся практики переписки и личных характеристик коммуникантов (их социального положения, взаимоотношений и др.) в каждом конкретном случае;

- неподготовленность судей ввиду их недостаточной осведомлённости в области интернет-культуры;

- несовпадения в отображении эмотиконов в разных кодовых системах: например, на одних устройствах и платформах эмодзи «пистолет» изображается в виде игрушечного водяного пистолета, а на других – в виде боевого оружия, в связи с чем следует учитывать разницу отображения эмодзи на устройствах отправителя и получателя [16];

- возможные культурные различия в толковании смайликов;

- ситуативное отсутствие смысловой нагрузки эмотикона².

Особой проблемой, возникающей при проведении судебной лингвистической экспертизы, является трудность

установления семантики окказиональных (не конвенциональных) эмотиконов, скрытый смысл или символическое значение которых пытаются определить на основании контекста и коммуникативной ситуации создания поликодового сообщения, однако и в этих случаях эксперты зачастую констатируют допустимость множества интерпретаций [17, с. 47–48].

Заключение

Ритуальность – имманентное свойство юридического дискурса, которое наиболее полно проявляется на этапе правоприменения в судебном дискурсе. Судебный процесс отличается особой формализованностью в части процедуры рассмотрения дела: каждое ритуальное действие и использование символических предметов обладают собственной семантической и прагматической нагрузкой, которая детерминирует их дискурсивную эффективность.

Ритуальность как типологический признак юридического дискурса объективируется посредством использования различных видов дискурсивных компонентов: вербальных, невербальных (материальных и процедурных) и паравербальных (иконических).

К вербальным компонентам юридического дискурса, среди прочих, относятся латинские слова, словосочетания и предложения. Латинь как языковая система утратила функцию языка общения и не используется в бытовой коммуникации, однако латинские выражения продолжают выполнять репрезентативную функцию языковых знаков в пространстве профессионального дискурса (прежде всего академического, научного, медицинского и юридического). Участникам юридического дискурса они позволяют приобщиться к истокам права, проявить научный кругозор, сделать речь более выразительной и убедительной, а при использовании в тексте судебных решений обеспечивают авторитетность и прецедентность утверждения: цитата на

¹ Subirana Abanto K. Acoso virtual: cuando los emojis sobrepasan los límites y pierden la inocencia [Электронный ресурс] // El Comercio: [сайт]. URL: <https://elcomercio.pe/somos/acoso-virtual-cuando-los-emojis-sobrepasan-los-limites-y-pierden-la-inocencia-internet-noticia> (дата обращения: 20.08.2024).

² Яшина В. Эмодзи в суде: плюсы, минусы и примеры из практики // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/242042/> (дата обращения: 01.07.2024).

латыни воспринимается как незыблемый постулат, существующий испокон веков, как юридическая аксиома, не требующая доказательств.

Судейский молоток, судейская мантия, парик, крюк-гарпун (в историческом суде Валенсии) – символные артефакты судебного дискурса, способствующие реализации признака ритуальности посредством их традиционного использования в судебном процессе. Указанные материальные объекты, функционирующие в стандартизированных артефактуальных (ритуальных) действиях, а также ряд строго установленных процессуальных действий, формул обращений, при-

суг обеспечивают институциональность дискурса и направлены на поддержание авторитета судебной власти, обеспечение устойчивости процессуального порядка.

Некоторые иконические знаки, используемые в мессенджерах, могут обладать собственным семиотическим кодом в юридическом дискурсе при их рассмотрении судом в качестве доказательств. Эмотиконы и эмодзи, эквивалентные перформативным речевым актам или намерению лица совершить противоправное действие, являются паравербальными компонентами судебного дискурса и обладают собственной прагмакогнитивной и функциональной нагрузкой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 328 с.
2. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
3. Храмцова Н. Г. Теория правового дискурса: базовые идеи, проблемы, закономерности. Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2010. 396 с.
4. Карасик В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2000. С. 25–33.
5. Извекова М. Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 20 с.
6. Карасик В. И. Ритуальный дискурс // Жанры речи. 2002. № 3. С. 157–171.
7. Храмцова Н. Г. Дискурсивно-правовой анализ: от теории к практике применения. Курган: Курганского государственного университета, 2012. 180 с.
8. Сахарова Е. Е. Ритуальность как признак перформативного дискурса // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1 (52). С. 63–65.
9. Ежова Е. Н. Артефакты культуры как источник интертекстуальности креолизованного рекламного дискурса // Медиалингвистика. Язык в координатах массмедиа: материалы VI международной научной конференции (Санкт-Петербург, 30 июня – 2 июля 2022 г.). СПб.: Медиа-папир, 2022. С. 469–473.
10. Николаев А. И. Философский анализ роли артефакта в культуре // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. № 3. С. 187–196.
11. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М.: Академия МНЭПУ, 2010. 351 с.
12. Жукова С. Ю. Дискурсивные формулы русского языка как *хочешь, как знаешь* в диахроническом аспекте // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2019. Т. 3. № 15. С. 295–319. DOI: 10.30842/alp2306573715312.
13. Богомазова В. В. Ритуальность как способ реализации категории чуждости в судебном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2014. № 3 (22). С. 100–104. DOI: 10.15688/jvolsu2.2014.3.12.
14. Ларионова М. В. Лингвосемиотика испанского политического дискурса в пространстве интернет-коммуникации: дис. ... докт. филол. наук. М., 2022. 458 с.
15. Ларионова М. В., Демкина А. В. Семиотика эмотиконов и эмодзи в дискурсивном пространстве испанской политической интернет-коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1178–1200. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1178-1200.

16. Будылин С. Л. «Большой палец вверх» – акцепт или оскорбление? Эмодзи, семиотика и право // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 8. С. 68–97. DOI: 10.37239/2500-2643-2023-18-8-68-97.
17. Галышина Е. И. Семиотика эмодзионов и анимационных картинок в аспекте судебной лингвистической экспертизы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 2 (90). С. 41–48. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.90.2.041-048.

REFERENCES

1. Sheigal, E. I. (2004). *Semiotics of political discourse*. Moscow: Gnozis publ. (in Russ.).
2. Lotman, Yu. M. (1996). *Inside the Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History*. Moscow: Yazyki russkoy kultury publ. (in Russ.).
3. Khramtsova, N. G. (2010). *Theory of legal discourse: basic ideas, problems, patterns*. Kurgan: Kurgan State University publ. (in Russ.).
4. Karasik, V. I. (2000). The structure of institutional discourse. In: *Problems of speech communication*. Saratov: Saratov University publ., pp. 25–33 (in Russ.).
5. Izvekova, M. G. (2006). *Pragmalinguistic characteristics of ritual discourse* [dissertation]. Volgograd (in Russ.).
6. Karasik, V. I. (2002). Ritual discourse. In: *Speech Genres*, 3, 157–171 (in Russ.).
7. Khramtsova, N. G. (2012). *Discourse and legal analysis: from theory to practical application*. Kurgan: Kurgan State University publ. (in Russ.).
8. Sakharova, Ye. Ye. (2019). Rituality as a sign of performative discourse. In: *Bulletin of Kurgan State University*, 2019, 1 (52), 63–65 (in Russ.).
9. Ezhova, E. N. (2022). Artifacts of culture as a source of intertextuality in creolized advertising discourse. In: *Media linguistics. Language in the coordinates of mass media: Proceedings of the VI international scientific conference* (St. Petersburg, June 30 – July 2, 2022). St. Petersburg: Mediapapir publ., pp. 469–473 (in Russ.).
10. Nikolaev, A. I. (2011). Philosophical analysis of the role of the artifact in the culture. In: *Pushkin Leningrad State University Journal*, 3, 187–196 (in Russ.).
11. Dubrovskaya, T. V. (2010). *Judicial discourse: speech behavior of a judge (based on the Russian and English languages)*. Moscow: Academy of MNEPU publ. (in Russ.).
12. Zhukova, S. Yu. (2019). Discourse formulae *kak hochesh* and *kak znaesh* in the diachronic aspect. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, 3 (15), 295–319. DOI: 10.30842/alp2306573715312 (in Russ.).
13. Bogomazova, V. V. (2014). Rituality as a way of actualizing the category of otherness within the judicial discourse. In: *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 3 (22), 100–104. DOI: 10.15688/jvolsu2.2014.3.12 (in Russ.).
14. Larionova, M. V. (2022). *Semio-linguistics of Spanish political discourse in the space of Internet communication* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
15. Larionova, M. V. & Demkina, A. V. (2023). Semiotics of Emoticons and Emoji in the Discursive Space of Spanish Political Internet Communication. In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14 (4), 1178–1200. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1178-1200 (in Russ.).
16. Budylin, S. L. (2023). ‘Thumbs up’ – acceptance or insult? Emoji, semiotics and law. In: *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 8, 68–97. DOI: 10.37239/2500-2643-2023-18-8-68-97 (in Russ.).
17. Galyashina, E. I. (2022). The semiotics of emoticons and animated pictures in the aspect of forensic linguistic expertise. In: *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2 (90), 41–48. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.90.2.041-048 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ларионова Марина Владимировна (г. Москва) – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
<https://orcid.org/0000-0001-6466-7363>; e-mail: larionova.m@list.ru

Фокина Александра Дмитриевна (г. Москва) – преподаватель кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
<https://orcid.org/0000-0002-2731-8612>; e-mail: alexandra-fokina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina V. Larionova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Spanish Language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
<https://orcid.org/0000-0001-6466-7363>; e-mail: larionova.m@list.ru

Aleksandra D. Fokina (Moscow) – Lecturer, Department of Spanish Language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
<https://orcid.org/0000-0002-2731-8612>; e-mail: alexandra-fokina@mail.ru

Original research article

УДК 81`32

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-1-67-82

INCLUSIVE NEXT-GENERATION DIALOGUE SYSTEM: LINGUISTIC ASPECT

V. Firsanova

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: st085687@student.spbu.ru

Received by the editorial office 24.06.2024

Revised by the author 09.08.2024

Accepted for publication 12.08.2024

Abstract

Aim. To identify strategies for developing language models using artificial intelligence to support the inclusion of people with mental disabilities.

Methodology. The study compares two approaches to building dialogue systems: information retrieval question-answering systems and generative question-answering. A collection of texts on inclusive education was compiled. Additionally, a complex of question-answering systems was created using neural network transfer learning methods to analyze the performance of the approaches. A linguistic analysis of the collected data and the results of the dialogue system was conducted.

Results. The study showed that both approaches to building dialogue systems have their advantages and limitations. Information retrieval question-answering systems provide high answer relevance. Generative models offer greater flexibility in a broader context. Linguistic analysis revealed that for optimal results, it is advisable to combine both approaches, leveraging the strengths of each depending on the specific task and interaction context.

Research implications. The significance lies in the development of dialogue system theory, deepening the understanding of the interaction between structural and semantic aspects of language and their impact on the effectiveness of different approaches to creating dialogue systems, as well as the possibility of applying the research results in the educational system.

Keywords: dialogue systems, generative models, inclusive education, linguistic analysis, neural network models

For citation:

Firsanova, V. I. (2025). Inclusive next-generation dialogue system: linguistic aspect. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, 67–82. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-67-82>.

Научная статья

ИНКЛЮЗИВНАЯ ДИАЛогоВАЯ СИСТЕМА НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Фирсанова В. И.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация
e-mail: st085687@student.spbu.ru

Поступила в редакцию 24.06.2024

После доработки 09.08.2024

Принята к публикации 12.08.2024

Аннотация

Цель. Выявление стратегии разработки языковых моделей с помощью искусственного интеллекта для поддержки инклюзии людей с ментальными нарушениями.

Процедура и методы. В исследовании сравниваются два подхода к построению диалоговых систем: вопросно-ответные системы на основе извлечения информации и генеративные модели. Собрана коллекция текстов на тему инклюзивного образования. Методами нейросетевого трансферного обучения также создан комплекс вопросно-ответных систем для анализа производительности рассматриваемых подходов. Проведён лингвистический анализ собранной коллекции данных и результатов работы диалоговой системы.

Результаты. Исследование показало, что оба подхода к построению диалоговых систем имеют свои преимущества и ограничения. Вопросно-ответные системы на основе извлечения информации обеспечивают высокую релевантность ответов. Генеративные модели, в свою очередь, обладают большей гибкостью в широком контексте. Лингвистический анализ показал, что для достижения наилучших результатов целесообразно комбинировать оба подхода, используя сильные стороны каждого из них в зависимости от конкретной задачи и контекста взаимодействия.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в развитии теории диалоговых систем, углублении понимания взаимодействия между структурными и семантическими аспектами языка и их влияния на эффективность различных подходов к созданию диалоговых систем, а также в возможности применения результатов исследования в образовательной системе.

Ключевые слова: генеративные модели, диалоговые системы, инклюзивное образование, лингвистический анализ, нейросетевые модели

Для цитирования:

Фирсанова В. И. Инклюзивная диалоговая система нового поколения: лингвистический аспект // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 1. С. 67–82. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-67-82>.

Introduction

According to the World Health Organization (WHO), about one in six people globally experience significant disability. Persons with disability face inequities in healthcare, education, and employment¹. According to reports, people with mental health impairments experience stigmatization; bullying at school and discrimination at work result in low social participation and mental deterioration. Evidence from World Psychiatric Association shows that raising awareness of mental health conditions through media campaigns and inclusion reduces stigma and discrimination in the long-term run [1].

There are different types of mental disorders [2]. Nevertheless, this study does not intend to cover every single category. The scope of this study addresses the challenges of people with neurodevelopmental disorders, such as Autism Spectrum Disorder (ASD) and Attention Deficit Hyperactivity Disorder (ADHD). Neurodevelopmental disorders impact behavior and cognition². What distinguishes them from other mental impairments is their potential to affect learning and language acquisition, meaning that neurodevelopmental disorders are a primary concern within the domain of inclusive education research presented in this study.

People with ASD face challenges with social interaction³, ADHD is associated with trouble having attention⁴, various learning⁵ and language disorders⁶ cause difficulties un-

derstanding concepts, patterns, and words. Inclusive education of students with neurodevelopmental disorders has been widely described globally [3], but the analysis of the use of Artificial Intelligence (AI) technologies in those practices lacks proper depth.

The rapid development of Generative AI resulted in numerous neural network apps in various fields, including psychology, psychotherapy, and psychiatry. Some research proves the use of such Conversational AI agents as ChatGPT as a psychotherapist assistant; the model successfully collects client information and generates reports for therapists [4].

One can also find individual initiatives, like Spectrums AI⁷, that use AI algorithms to develop virtual assistance for people with neurodevelopmental disorders. Such cases prove the need to adapt AI-powered technologies for inclusive education. Nevertheless, there is a lack of AI regulations⁸ and research on applying novel technologies for inclusion.

The study aims to discover the development strategies for building AI-powered apps that assist the inclusion of individuals with neurodevelopmental disorders and propose evidence-based recommendations for stakeholders, including educators, policymakers, and healthcare providers. The research basis is the AI-powered app development case experienced by the paper author. The study results could be tested in various settings, including education institutions, workplaces, and inclusive communities, to evaluate the success of the proposed practices and predict potential challenges.

The paper consists of a Related Work section and two chapters. The Related Work

¹ Disability. In: *World Health Organization (WHO)*. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/disability-and-health> (accessed: 17.08.2023).

² Mental Disorders. In: *World Health Organization (WHO)*. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/mental-disorders> (accessed: 22.08.2023).

³ Autism Spectrum Disorder (ASD). In: *Centers for Disease Control and Prevention*. URL: <https://www.cdc.gov/autism/index.html> (accessed: 22.08.2023).

⁴ Attention-Deficit / Hyperactivity Disorder (ADHD). In: *Centers for Disease Control and Prevention*. URL: <https://www.cdc.gov/adhd> (accessed: 22.08.2023).

⁵ Language Disorders. In: *Centers for Disease Control and Prevention*. URL: <https://www.cdc.gov/ncbddd/developmentaldisabilities/language-disorders.html> (accessed: 22.08.2023).

⁶ Facts about Intellectual Disability. In: *Centers for Dis-*

ease Control and Prevention. URL: <https://www.cdc.gov/disability-and-health/media/pdfs/2024/12/intellectualdisability.pdf> (accessed: 22.08.2023).

⁷ Helping Neurodivergent Minds with Artificial Intelligence. In: *Spectrums AI*. URL: <https://www.spectrums.ai> (accessed: 22.08.2023).

⁸ Tobin J. Artificial Intelligence: Development, Risks and Regulation. In: *House of Lords Library*. URL: <https://lordslibrary.parliament.uk/artificial-intelligence-development-risks-and-regulation> (accessed: 22.08.2023).

section aims to explore and evaluate existing AI-based apps that address the unique needs of individuals with neurodevelopmental disorders. The first chapter proposes various AI architectures for building inclusive apps, such as Information Retrieval techniques, Natural Language and Image Generation models, and Conversation AI agents, and the second chapter illustrates the realization of the proposed architectures in an app. The source code and supplementary material are available at: [vifirsanova / empi](https://github.com/vifirsanova/empi): Empathic Machine Processors for Inclusion (EMPI). In: GitHub. URL: <https://github.com/vifirsanova/empi> (further – *vifirsanova / empi*).

Related Work

According to the Cambridge Dictionary¹, in education, inclusion is a concept describing an opportunity for everyone to participate in activities. Thus, a disabled individual should be able to take the same advantage from an activity as any other member of an inclusive group.

Numerous inclusive education technologies for students with neurodevelopmental disorders include computer-assisted learning. Information technology is a crucial part of our everyday life, and computer assistance helps disabled students to acquire independence, communication skills, and knowledge [4].

Mobile devices are particularly useful when it comes to encouraging autonomy. For example, mobile apps for planning and scheduling help to organize routines, achieve goals, and psychologically prepare for social activities [5]. Knowing how to greet a classmate, answer a teacher's questions, or ask to use the bathroom step by step brings more confidence and allows one to pay more attention to studying.

There are different classes of computer-assisted technologies for students with neurodevelopmental disorders. For example, Augmentative and Alternative Communi-

cation (AAC) comprises tools and practices for communication to support individuals with speech difficulties. Augmentative communication supplements speech with signs, pictures, or other indicators, while alternative communication replaces speech with a different communication strategy². Proloquo2Go³ is an AAC app suitable for non-verbal individuals with neurodevelopmental disorders and other disabilities. The use of Proloquo2Go in inclusive education was approved by its users⁴.

AI technologies augment inclusive education. For example, the InnerVoice app⁵ uses Microsoft Azure AI⁶ to teach language. A user should take a picture of an object, and then an AI model will recognize, label, and pronounce its name. As a result, autistic individuals can learn the relations between objects and their names and the connection between text and speech.

Another example is Empowered Brain⁷, a set of Augmented Reality (AR) apps for mobile devices and smart glasses. Empowered Brain provides games that teach how to make eye contact, recognize emotions, and explore environments such as classrooms. AI algorithms analyze emotions and user's speech commands.

Overall, the technologies observed in this section use the power of AR and AI and the advantages of portable devices. They help individuals with neurodevelopmental disorders to enhance learning capabilities and communication skills. Most of the observed

² ASHA Practice Portal. In: *American Speech-Language-Hearing Association*. URL: <https://asha.org/practice-portal/> (accessed: 26.08.2023).

³ Proloquo2Go – AAC app with symbols. In: *AssistiveWare*. URL: <https://assistiveware.com/products/proloquo2go> (accessed: 26.08.2023).

⁴ Blazing a Trail for Inclusion. In: *AssistiveWare*. URL: <https://assistiveware.com/learn-aac/12-ways-to-include-everyone-to-communicate-in-your-community> (accessed: 15.04.2025).

⁵ InnerVoice. In: *iTherapy*. URL: <https://www.ithera-pyllc.com/innnervoice> (accessed: 26.08.2023).

⁶ Azure AI Platform. In: *Microsoft*. URL: <https://azure.microsoft.com/en-us/solutions/ai> (accessed: 26.08.2023).

⁷ Empowered Brain. In: *Brain Power*. URL: <https://brain-power.com/empowered-brain> (accessed: 26.08.2023).

¹ Inclusion. In: *Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/inclusion> (accessed: 15.04.2025).

AI algorithms process images and speech. They do not take advantage of natural language processing, although Conversational AI models such as ChatGPT are gradually evolving in psychiatry, psychology, and psychotherapy.

The observed apps are broad in their domain, meaning they do not highlight specific situations that an individual with a neurodevelopmental disorder might face in an inclusive classroom. Another detail is that the apps are not inclusive themselves. They provide tools for people who experience some difficulties, for example, non-verbality, but they cannot be used as a training tool for members of a diverse group inclusively. These features and limitations will form the basis of the following research.

Chatbot

The research is two-fold; the first part proposes the Conversational AI architecture suitable for the inclusive education of individuals with neurodevelopmental disorders, and the second part describes a design for a mobile app for the proposed architecture realization.

The proposed Conversational AI architecture, or the Chatbot, uses Transfer Learning (TL) [6] to fine-tune pre-trained models with a custom dataset about inclusive education and neurodevelopmental disorders. The TL concept reveals itself compared with traditional Machine Learning (ML). Traditional ML implies training a new model from scratch each time we process a new dataset or try to solve a new task. For example, if we need to adapt an English conversational model for Russian data, we should train the same ML architecture from scratch on a Russian dialogue corpus. This approach would require significant time and computing power, and the results will not likely be satisfactory on a low-resource corpus or specific conversational domain, such as inclusive education and neurodevelopmental disorders (compared to open-domain tasks).

Transfer Learning allows preserving knowledge gained during model training

and transferring (expanding) it to a new data type or task. Thus, adapting an English conversational model for the Russian language requires using the English model as a pre-trained one and fine-tuning it (re-training it using weights learned by a model during training on English material) on a Russian dialogue corpus. This process usually takes significantly less time and computing power, opening an opportunity to make language- and domain-specific adjustments.

This study focuses on specific TL techniques: domain adaptation and cross-lingual learning. The domain adaptation enables model pre-training on an open- or broad-domain dataset and transferring knowledge gained during the training to a narrow- or low-resource domain. For example, one can train an open-domain question-answering system and use it to fine-tune a question-answering model that covers information about inclusive education. The cross-lingual adaptation allows transferring knowledge from a high-resource language, such as English, to lower-resource language models.

Data

Both domain adaptation and cross-lingual transfer require a dataset representing a closed domain or a target language. The dataset used in this study fulfills both purposes; it is a collection of texts about inclusive education of individuals with neurodevelopmental disorders (the research domain) in Russian (the target language). The proposed dataset is called ASD QA (Autism Spectrum Disorder Question-Answering) and collected by the author of this paper. The ASD QA dataset inherits the structure of the Stanford Question Answering Dataset (SQuAD) [7; 8], a multipurpose collection of questions, answers, and reading passages. SQuAD allows building Machine Reading Comprehension (MRC) models that take paragraphs and relevant questions as input data and use ML algorithms to extract answers to given questions from the paragraphs [9].

The ASD QA dataset was collected through Toloka.AI¹ crowdsourcing. The crowdworkers were to read a set of paragraphs about Autism Spectrum Disorder (ASD) extracted from an information web resource Autistic City (the data is used with the resource administration agreement)², ask one or several questions to each of the given paragraphs, and find answers to their questions. An additional task was to create several generic questions irrelevant to the dataset topic. This study proposes using irrelevant questions as a textual noise that makes the task of automated question-answering difficult for machine learning and results in the development of rather sophisticated models.

One can compare the technique of irrelevant questions collection used in the ASD QA with SQuAD version 2.0 “impossible” questions [8]. “Impossible” questions are relevant to the reading passages’ information but are slightly inaccurate and contain only plausible answers to given questions. The difference between the SQuAD 2.0 and the ASD QA dataset is that the latter contains irrelevant questions that do not have answers in reading passages. “Impossible” questions make SQuAD 2.0 difficult even for robust language models, and one can use SQuAD 2.0 as a tool for algorithm enhancement, while irrelevant questions in the ASD QA dataset are required to filter the input data

from uninformative questions and teach a model to focus on the dataset domain exclusively.

This study uses the knowledge gained by open-domain algorithms enhanced with SQuAD 2.0 to create new closed-domain models through TL. Thus, the ASD QA dataset should reflect differences between the target and all the other domains and filter the input data. Also, the dataset does not need to be as voluminous and difficult as SQuAD 2.0 because TL allows skipping the stages of training where the model learns universal dependencies and other basic linguistic knowledge [10; 11].

One can download the ASD QA dataset from Figshare³. Table 1 shows the ASD QA dataset statistics. The detailed statistics is given at *vifirsanova / empi*. The ASD QA dataset contains around 4,000 question-answer pairs and more than 500 reading passages about inclusion and neurodevelopmental disorders. Circa 5% of the questions in the dataset are irrelevant; they form noise in the data and allow input filtering. The ASD QA dataset has four modifications. The first modification permits up to 3 answers to each question. The second modification contains 50% of the whole dataset (its short randomized version). The third modification has shortened answers cut up to 1 word where possible. Another dataset version does

Table 1 / Таблица 1

The ASD QA dataset statistics / Статистика датасета ASD QA

<i>The number of question-answer pairs</i>	<i>4138 pairs</i>
<i>The number of irrelevant (noisy) questions</i>	<i>352 questions</i>
<i>The average length of a question</i>	<i>8 words</i>
<i>The average length of an answer</i>	<i>20 words</i>
<i>The average length of a reading passage</i>	<i>63 words</i>

Source: compiled by the author.

¹ Toloka AI. URL: <https://toloka.ai> (accessed: 03.09.2023).

² Autistic City. URL: <https://aspergers.ru> (accessed: 03.09.2023).

³ Firsanova, V. (2020). Autism Spectrum Disorder and Asperger Syndrome Question Answering Dataset 1.0. In: *figshare*. URL: https://figshare.com/articles/dataset/Autism_Spectrum_Disorder_and_Aasperger_Syndrome_Question_Answering_Dataset_1_0/13295831 (accessed: 03.09.2023). DOI: 10.6084/m9.figshare.13295831.v19.

not contain irrelevant questions. On the Figshare page, one can find an additional corpus of texts written by random crowdworkers of different ages. The study proposes using this data to learn textual features indicating the user's age. That might be useful to tune the tone of voice of a Conversational AI system.

**Information Retrieval
Question-Answering**

The study proposes using the ASD QA dataset to build an Information Retriever Question-Answering (IR QA) system. The proposed IR QA system takes the user's question as input, extracts keywords, and searches [12] through an informational source, such as Autistic City, an article that could contain an answer. A Machine Reading Comprehension module takes the user's question and the article as input and extracts an answer to the user's question.

The advantage of the proposed algorithm is that the model does not generate content but cites it from a reliable information source. That guarantees the absence of generic, misleading, and computationally biased content in the output. The disadvantage is that the expected model performance should be at least twice as low as the performance of a pure open-domain MRC system.

The possible explanation for the expected IR QA system limitation is that the MRC module relies on the search engine performance; if the engine extracts an article that does not contain an answer to the user's question, the MRC module will have nothing to work with, and even if a search engine extracts several plausible articles, it does not guarantee the exception of failure. Another explanation is that although Transfer Learning technology is robust, it does not ensure high performance on closed-domain and low-resource data [13]. The study proposes to train a Machine Reading Comprehension model on the ASD QA dataset and test it using a search engine and the Autistic City content.

The ASD QA dataset was split into train, validation, and test sets. The samples are

available on the HuggingFace platform¹, and the coding script is available at *vifirsanova / empi*. The dataset was used for the model fine-tuning with HuggingFace Transformers. The demo versions of the Transfer Learning process, making predictions with the model and its evaluation are available at GitHub.² After several trials on the model fine-tuning with different Transformer [14; 15] based models and various model parameters, the most efficient version was published on HuggingFace³. Table 2 shows the model parameters, Table 3 indicates metric scores achieved by the fine-tuned model, and Figure 1 presents the model performance on HuggingFace UI.⁴

Table 2 / Таблица 2

The model parameters / Параметры модели

Model Parameter	Parameter Value
Hardware	Tesla T4 GPU
Model type	XLM-RoBERTa
Learning rate	2e-5
Number of training epochs	3
Batch size	1
Optimizer	Adam

Source: compiled by the author.

Table 3 / Таблица 3

The achieved metric scores / Значения метрик оценки

Loss	1.5
Exact Match	0.51
F1-Score	0.54

Source: compiled by the author.

¹ missvector. Dataset Card for The ASD QA Dataset. In: *HuggingFace*. URL: <https://huggingface.co/datasets/missvector/asd-qa-test> (accessed: 13.09.2023).

² vifirsanova. Empathic Machine Processors for Inclusion (EMPI). In: *GitHub*. URL: <https://github.com/vifirsanova/empi/tree/main/demos> (accessed: 15.04.2025).

³ missvector. Model Card for Ru-ASD-QA-BERT. In: *HuggingFace*. URL: <https://huggingface.co/missvector/ru-asd-qa-bert> (accessed: 13.09.2023).

⁴ Ibid.

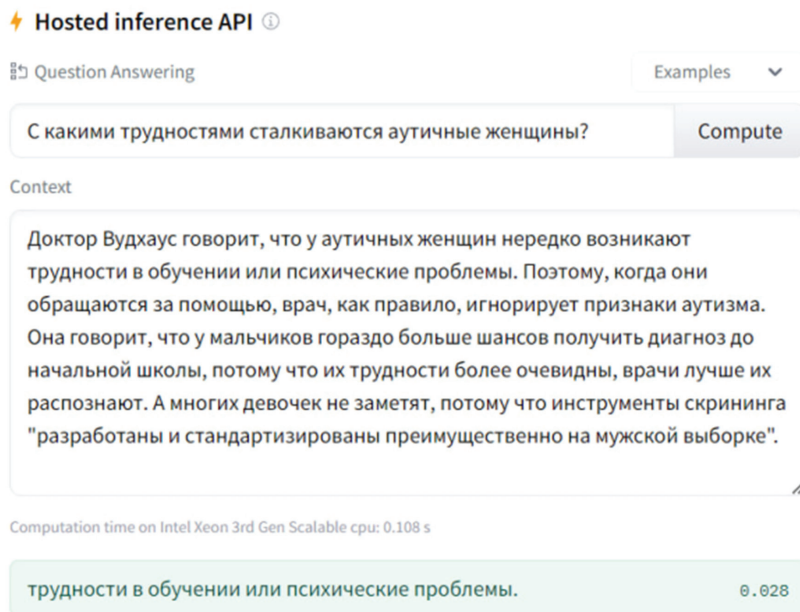

Fig. 1 / Рис. 1. The model performance on HuggingFace UI / Производительность модели на интерфейсе HuggingFace

Source: compiled by the author.

Satisfactory results in Figure 1 rely on proper input formatting. The MRC task requires two input elements; a question and a reading passage that must contain an answer. Thus, an MRC algorithm as a chatbot engine should be provided with a separate search engine or an information retriever that extracts a proper reading passage from a database or the web. One solution is to build a two-fold retriever-reader model that searches through a database in the first processing stage and extracts an answer to a user question, like MRC, on the second stage [16].

One way to build a retriever is to convert the data stored on the information source into a corpus. The study proposes using a scraping technique described at *vifirsanova / empi*. The data was parsed with BeautifulSoup and then used as a corpus for information retrieval. The data was split into chunks of equal length. Each chunk contained 512 characters, i.e. the maximum input length for BERT-based systems. The corpus comprised 10,706 chunks. The study

proposes searching the corpus with the Okapi BM25 ranking function [17]¹.

Searching the input questions presented in Figure 1 resulted in different reading passages, although they were posed to the same passage in the ASD QA dataset. Figure 2 shows the extracted reading passages. Empirically, it is evident that some passages contain plausible answers, and the first-ranked passage does not always contain an answer. Presumably, the combination of the passages might lead to higher precision. Nevertheless, the extracted passages were tested on the ASD QA model, and Figure 3 shows some results. The results in Figure 3 show a significant decrease in the model performance even if the extracted passages were similar to the passages from the original dataset. One of the solutions is to switch the base algorithm to Generative AI.

¹ The search process is shown at: *vifirsanova / empi.retriever_reader/BM25_search.ipynb*. In: *GitHub*. URL: https://github.com/vifirsanova/empi/blob/old_ver/retriever_reader/BM25_search.ipynb (accessed: 15.04.2025).

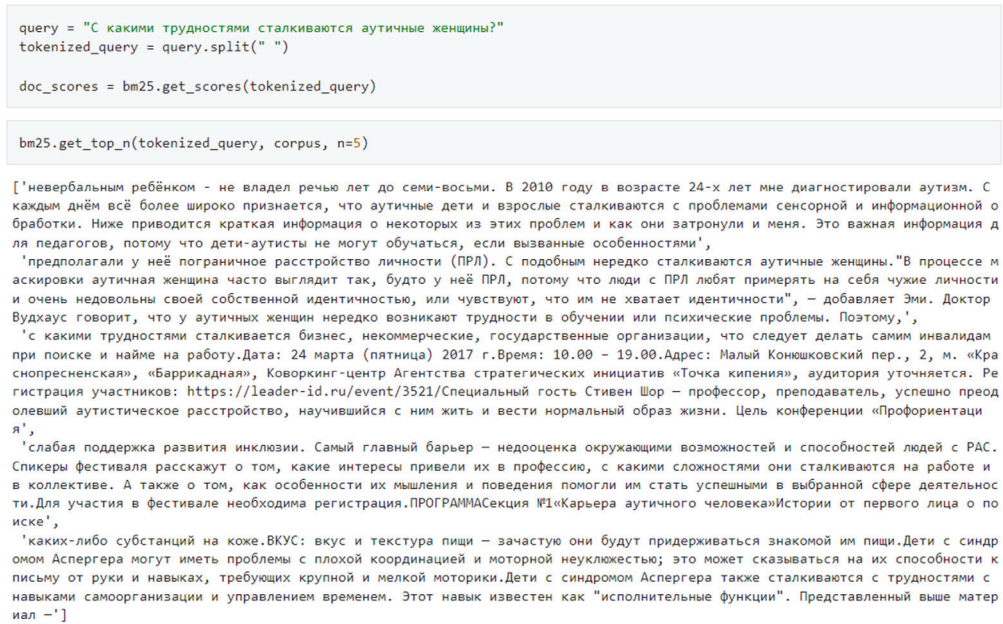

Fig. 2 / Рис. 2. The results of Okapi BM25 retrieval / Результаты извлечения информации методом Okapi BM25

Source: compiled by the author.

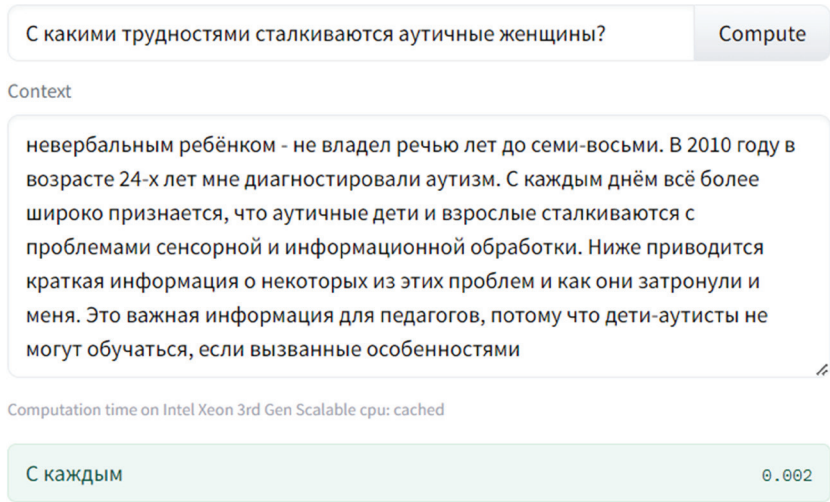

Fig. 3 / Рис. 3. The model performance after Information Retrieval / Производительность модели после извлечения информации

Source: compiled by the author.

Generative algorithms allow sequentially generating content by learning the probability distribution of tokens through training data. Zero-shot learning is a capability of a generative algorithm to learn a new task without “seeing” similar samples in the training data, while few-shot learning allows a model to solve a new problem successfully with only a few examples of the task in a sample [18]. That means that it is possible to fine-tune generative algorithms for a wide range of Natural Language Processing tasks including question-answering.

One significant limitation of generative algorithms is their “hallucination”, i.e. gibberish content, such as non-existing words, grammar mistakes, or false facts. ChatGPT based on GPT 3.5 and GPT 4 is the state-of-the-art Generative AI model. The study proposes several experiments on adapting ChatGPT for inclusive education.

Generative Question-Answering

Figure 4 shows ChatGPT responses to questions from the ASD QA dataset. The model generates correct answers, however, the given information is excessive and it does not contain specific facts about inclusive education. The study proposes the improvement of the model by integrating a graph. Firstly, it is important to build a graph that would contain necessary information about inclusion and neurodevelopmental disorders. The study proposes creating a graph [19] that describes skills, practices, forms of communication, and inclusive environment, i.e. factoid information for different inclusive community members, such as psychiatrists, tutors, volunteers, and individuals with neurodevelopmental disorders. Figure 5 shows the nodes and links of the proposed graph.

Secondly, one should form a query to access the encoded information. For example, one can use SPARQL query language to form queries, such as `SELECT * WHERE {?disorder rdfs:label "Autism"@en ; dbo:abstract ?text . FILTER (LANG ( ?text ) = 'ru' )}`, which means extracting all the instances containing textual information about Autism Spectrum

Disorder in Russian from DBPedia (Wikipedia-based graph knowledge base).

Finally, the extracted information can be used to form prompts (instructions in natural language) for ChatGPT or similar Conversational AI models. Figure 6 shows possible prompts for question-answering and ChatGPT outputs. The prompt should contain the question (for example, a question from the ASD-QA dataset) and the information extracted from DBPedia or any other custom knowledge base (see Figure 5). The prompt should also contain styling instructions that set the length of a generated answer, tone of voice, and other formatting variations.

App

The proposed technology forms a Conversational AI chatbot. The chatbot is a part of a larger development project, an app for inclusive education. The proposed idea is to build a virtual assistance app for psychiatrists, tutors, volunteers, and individuals with neurodevelopmental disorders. The app might help to exchange information about inclusion and instantly use popular tools for psychological support.

Figure 7 shows some of the app prototypes created in Figma by the author of this paper. The proposed app includes a Conversational agent that automatically answers various questions about inclusion and neurodevelopmental disorders, a catalog of educational illustrated novels about communication in an inclusive community, a planning calendar, and a messenger. The app design is a result of numerous consultations with psychiatrists, neurotypical university students, and individuals with neurodevelopmental disorders.

The study proposes using AI-generated images to illustrate the catalog of novels about communication, as well as chatbot responses. Figure 8 shows an image generated by DALL-E 2 with a prompt “greetings, illustration, simplified image”. The knowledge of content format that would be acceptable and psychologically comfortable for people with neurodevelopmental disorders combined

Аутизм бывает только у детей?

Нет, аутизм (расстройство аутистического спектра) не ограничивается только детским возрастом. Аутизм является пожизненным неврологическим расстройством, которое может сопровождать человека на протяжении всей его жизни. Признаки аутизма проявляются в раннем детстве, и некоторые дети с аутизмом могут испытывать значительное улучшение в развитии и адаптации к окружающему миру с возрастом, благодаря поддержке, реабилитации и обучению.

Однако аутизм также остается частью жизни многих взрослых людей. Некоторые люди с аутизмом могут развиваться и находиться в состоянии независимой жизни, в то время как другие могут нуждаться в продолжительной поддержке и адаптации для успешной интеграции в общество.

Важно помнить, что аутизм проявляется разнообразными способами, и каждый человек с аутизмом уникален. Это расстройство может сказаться на социальной коммуникации, поведении, интересах и чувствах, и воздействие его может быть различным у разных людей независимо от возраста.

Fig. 4 / Рис. 4. ChatGPT answers questions from the ASD QA dataset / ChatGPT отвечает на вопросы по данным ASD QA

Source: compiled by the author.

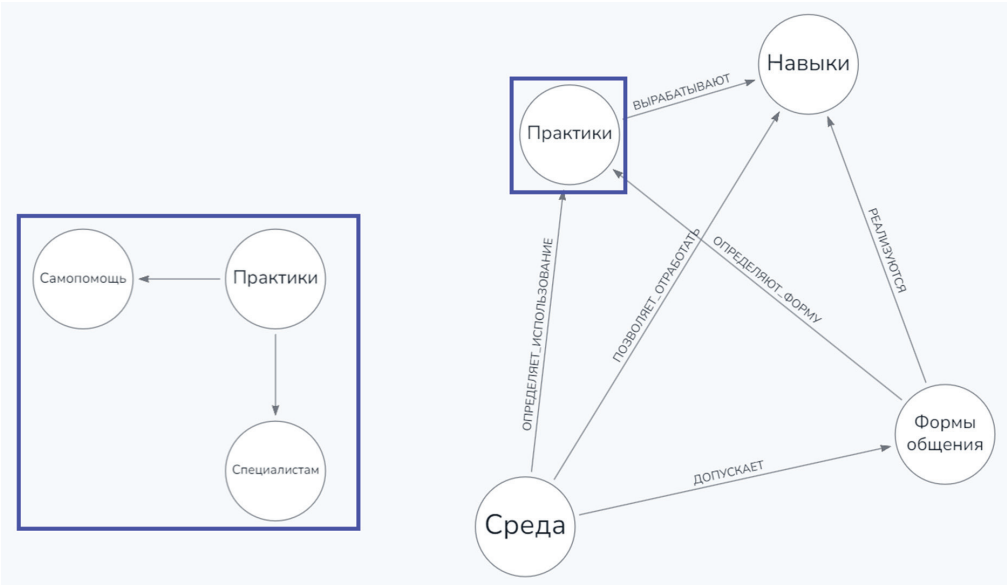

Fig. 5 / Рис. 5. Nodes and links of the proposed graph / Рёбра и вершины графа

Source: compiled by the author.

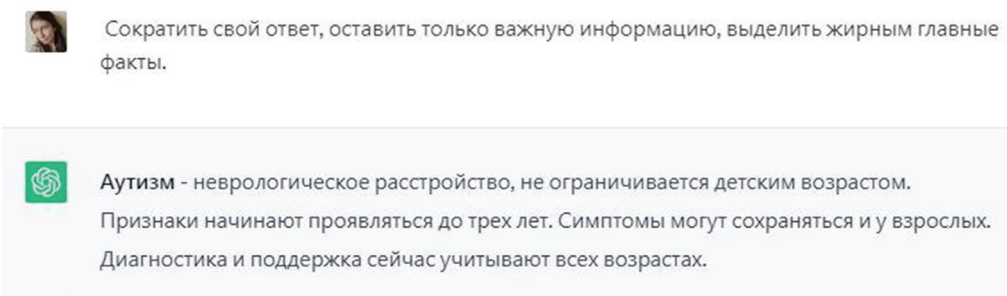

Fig. 6 / Рис. 6. Proposed prompts and ChatGPT responses / Подсказки для ChatGPT

Source: compiled by the author.

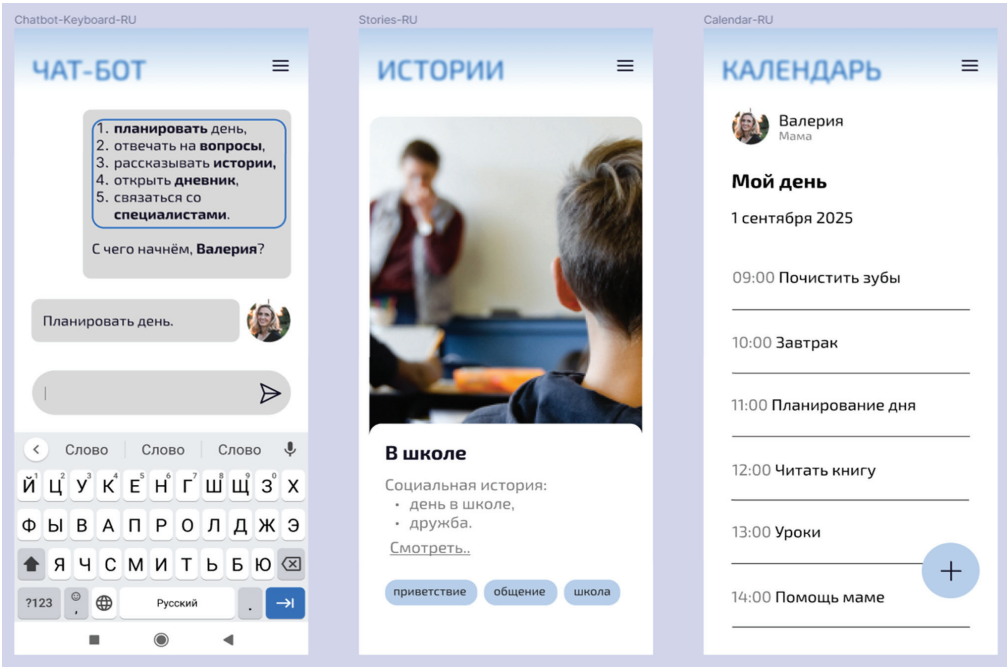

Fig. 7 / Рис. 7. App prototypes / Прототипы мобильного приложения

Source: compiled by the author.

with the power of prompt engineering could solve the problem of creating unique illustrations that explain the basic concept of communication.

Conclusion

The study proposes a Conversational AI system and a mobile app for inclusive education of individuals with neurodevelopmental

disorders. The study describes data collection, the Conversational AI architecture development process, and the app prototype.

The proposed Conversational AI architecture uses Transfer Learning to fine-tune pre-trained Transformer-based language models with the ASD QA dataset. The ASD QA dataset collected by the paper author covers various topics related to inclusive ed-

Fig. 8 / Рис. 8. An illustration generated with DALL-E 2 / Иллюстрация создана с DALL-E 2

Source: compiled by the author.

ucation and neurodevelopmental disorders. The dataset compiled through crowdsourcing includes different types of questions to encourage domain-specific learning.

The research probes two approaches to building dialogue systems: Information Retrieval Question-Answering (IR QA) and Generative Question-Answering. The IR QA system searches for an article that might contain an answer to a user question and extracts information from the extracted passage. This approach reduces the risk of gene-

rating misleading or biased content. However, the extraction quality might be limited by the effectiveness of the underlying search engine. Generative Question-Answering, on the other hand, allows for more flexible responses but may introduce hallucinations by generating incorrect information.

The study proposes integrating a knowledge graph with factoid information about inclusive education and neurodevelopmental disorders to enhance the Generative QA model performance. The model would access accurate information through the knowledge graph and generate high-quality responses with Generative AI.

The study proposes using the Conversational AI system in a mobile app to assist psychiatrists, tutors, volunteers, and individuals with neurodevelopmental disorders. The app offers several features: the Conversational agent, educational aid, a planning calendar, and a messenger to support inclusive education.

Overall, the study reflects various approaches towards building a Conversational AI for inclusion: Transfer Learning techniques, knowledge graphs, and Generative AI. The proposed system might positively impact the field of inclusive education. However, it is important to recognize such challenges as Generative AI hallucination and maintain the quality of responses.

REFERENCES

1. *World Report on Disability* (2011). Geneva, Switzerland; Malta: World Health Organization.
2. Borisov, P. M. (2010). Verbal description destructive personality concept. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2, 78–92 (in Russ.).
3. Leifler, E. (2022). *Educational inclusion for students with neurodevelopmental conditions* [dissertation]. Stockholm.
4. Eshghie, M. & Eshgie, M. (2023). ChatGPT as a Therapist Assistant: A Suitability Study. In: *arXiv*. URL: <https://arxiv.org/abs/2304.09873> (accessed: 13.09.2023). DOI: 10.48550/arXiv.2304.09873.
5. Gillespie, A., Best, C. & O'Neill, B. (2012). Cognitive Function and Assistive Technology for Cognition: a Systematic Review. In: *Journal of the International Neuropsychological Society*, 18 (1), 1–19. DOI: 10.1017/S1355617711001548.
6. Ruder, S. (2019). *Neural Transfer Learning for Natural Language Processing: A thesis submitted in partial fulfillment for the degree of Doctor of Philosophy*. Galway.
7. Rajpurkar, P., Zhang, J., Lopyrev, K. & Liang, P. (2016). SQuAD: 100,000+ Questions for Machine Comprehension of Text. In: *Proceedings of the 2016 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. Austin, Texas: Association for Computational Linguistics, pp. 2383–2392. DOI: 10.18653/v1/D16-1264.

8. Rajpurkar, P., Jia, R. & Liang, P. (2018). Know What You Don't Know: Unanswerable Questions for SQuAD C. In: *Proceedings of the 56th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Volume 2: Short Papers*. Melbourne, Australia: Association for Computational Linguistics, pp. 784–789. DOI: 10.18653/v1/P18-2124.
9. Gao, J., Galley, M. & Li, L. (2019). Neural Approaches to Conversational AI: Question Answering, Task-Oriented Dialogues and Social Chatbots. In: *Foundations and Trends® in Information Retrieval*, 13 (2-3), 127–298. DOI: 10.1561/15000000074.
10. Hewitt, J. & Manning, P. D. (2019). A Structural Probe for Finding Syntax in Word Representations. In: *Proceedings of the 2019 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies. Volume 1. Long and Short Papers*. Minneapolis, Minnesota: Association for Computational Linguistics, pp. 4129–4138. DOI: 10.18653/v1/N19-1419.
11. Chi, E. A., Hewitt, J. & Manning, P. D. (2020). Finding Universal Grammatical Relations in Multilingual BERT. In: *Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. URL: <https://aclanthology.org/2020.acl-main.493.pdf> (accessed: 13.09.2023). DOI: 10.18653/v1/2020.acl-main.493.
12. Maksimenko, O. I. (2014). Information retrieval systems: estimation by fuzzy logic. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 5, 45–52 (in Russ.).
13. Shwartz S. Artificial Intelligence 101. In: *AI Perspectives*. URL: <https://www.aiperspectives.com/artificial-intelligence-101/> (accessed: 15.09.2023).
14. Vaswani, A., Shazeer, N., Parmar, N., Uszkoreit, J., Llion, J., Gomez, A. N., Kaiser, L. & Polosukhin, I. (2017). Attention is All You Need. In: *NIPS'17: Proceedings of the 31st International Conference on Neural Information Processing Systems*. Red Hook, New York: Curran Associates Inc., pp. 6000–6010. DOI: 10.5555/3295222.3295349.
15. Conneau, A., Khandelwal, K., Goyal, N., Chaudhary, V., Wenzek, G., Guzmán, F., Grave, E., Ott, M., Zettlemoyer, L. & Stoyanov, V. (2020). Unsupervised Cross-Lingual Representation Learning at Scale. In: *Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. URL: <https://aclanthology.org/2020.acl-main.747.pdf> (accessed: 15.09.2023). DOI: 10.18653/v1/2020.acl-main.747.
16. Sousa, N., Oliveira, N. & Praça I. (2022). Machine Reading at Scale: A Search Engine for Scientific and Academic Research. In: *Systems*, 10 (2), 43. DOI: 10.3390/systems10020043.
17. Manning, C. D., Raghavan, P. & Schütze, H. (2009). *An Introduction to Information Retrieval*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Brown, T., Mann, B., Ryder, N., Subbiah, M., Kaplan, J. D. et al. (2020). Language Models are Few-Shot Learners. In: *NIPS'20: Proceedings of the 34th International Conference on Neural Information Processing Systems*. Red Hook, New York: Curran Associates Inc., pp. 1877–1901. DOI: 10.48550/arXiv.2005.14165.
19. Klepalchenko, I. A. (2018). The Theory of Semantic Field as a Basis for the Declarative Knowledge Representation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1, 18–24 (in Russ.). DOI: 10.18384/2310-712X-2018-1-18-24 (in Russ.).

ЛИТЕРАТУРА

1. World Report on Disability / World Health Organization; The World Bank. Geneva, Switzerland; Malta: World Health Organization, 2011. 325 + XXIV p.
2. Борисов П. М. Вербальная характеристика концепта деструктивной личности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 2. С. 78–92.
3. Leifler E. Educational inclusion for students with neurodevelopmental conditions: Thesis for Doctoral Degree (Ph. D.). Stockholm, 2022. 167 p.
4. Eshghie M., Eshgie M. ChatGPT as a Therapist Assistant: A Suitability Study [Электронный ресурс] // arXiv: [сайт]. URL: <https://arxiv.org/abs/2304.09873> (дата обращения: 13.09.2023). DOI: 10.48550/arXiv.2304.09873.
5. Gillespie A., Best C., O'Neill B. Cognitive Function and Assistive Technology for Cognition: a Systematic Review // Journal of the International Neuropsychological Society. 2012. Vol. 18. Iss. 1. P. 1–19. DOI: 10.1017/S1355617711001548.

6. Ruder S. Neural Transfer Learning for Natural Language Processing: A thesis submitted in partial fulfillment for the degree of Doctor of Philosophy. Galway, 2019. 329 p.
7. SQuAD: 100,000+ Questions for Machine Comprehension of Text / P. Rajpurkar, J. Zhang, K. Lopyrev, P. Liang // Proceedings of the 2016 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. Austin, Texas: Association for Computational Linguistics, 2016. P. 2383–2392. DOI: 10.18653/v1/D16-1264.
8. Rajpurkar P., Jia R., Liang P. Know What You Don't Know: Unanswerable Questions for SQuAD C// Proceedings of the 56th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Volume 2: Short Papers. Melbourne, Australia: Association for Computational Linguistics, 2018. P. 784–789. DOI: 10.18653/v1/P18-2124.
9. Gao J., Galley M., Li L. Neural Approaches to Conversational AI: Question Answering, Task-Oriented Dialogues and Social Chatbots // Foundations and Trends® in Information Retrieval. 2019. Vol. 13. No. 2-3. P. 127–298. DOI: 10.1561/15000000074.
10. Hewitt J., Manning P. D. A Structural Probe for Finding Syntax in Word Representations // Proceedings of the 2019 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies. Volume 1. Long and Short Papers. Minneapolis, Minnesota: Association for Computational Linguistics, 2019. P. 4129–4138. DOI: 10.18653/v1/N19-1419.
11. Chi E. A., Hewitt J., Manning P. D. Finding Universal Grammatical Relations in Multilingual BERT [Электронный ресурс] // Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2020. URL: <https://aclanthology.org/2020.acl-main.493.pdf> (дата обращения: 13.09.2023). DOI: 10.18653/v1/2020.acl-main.493.
12. Максименко О. И. Информационно-поисковые системы: оценка методом нечёткой логики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 5. С. 45–52.
13. Shwartz S. Artificial Intelligence 101 [Электронный ресурс] // AI Perspectives: [сайт]. URL: <https://www.aiperspectives.com/artificial-intelligence-101> (дата обращения: 15.09.2023).
14. Attention is All You Need / A. Vaswani, N. Shazeer, N. Parmar, J. Uszkoreit, J. Llion, A. N. Gomez, L. Kaiser, I. Polosukhin // NIPS'17: Proceedings of the 31st International Conference on Neural Information Processing Systems. Red Hook, New York: Curran Associates Inc., 2017. P. 6000–6010. DOI: 10.5555/3295222.3295349.
15. Unsupervised Cross-Lingual Representation Learning at Scale [Электронный ресурс] / A. Conneau, K. Khandelwal, N. Goyal, V. Chaudhary, G. Wenzek, F. Guzmán, E. Grave, M. Ott, L. Zettlemoyer, V. Stoyanov // Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2020. URL: <https://aclanthology.org/2020.acl-main.747.pdf> (дата обращения: 15.09.2023). DOI: 10.18653/v1/2020.acl-main.747.
16. Sousa N., Oliveira N., Praça I. Machine Reading at Scale: A Search Engine for Scientific and Academic Research // Systems. 2022. Vol. 10. No. 2. Article 43. DOI: 10.3390/systems10020043.
17. Manning C. D., Raghavan P., Schütze H. An Introduction to Information Retrieval. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 506 p.
18. Language Models are Few-Shot Learners / T. Brown, B. Mann, N. Ryder, M. Subbiah, J. D. Kaplan, et al. // NIPS'20: Proceedings of the 34th International Conference on Neural Information Processing Systems. Red Hook, New York: Curran Associates Inc., 2020. P. 1877–1901. DOI: 10.48550/arXiv.2005.14165.
19. Клепальченко И. А. Использование теории лексико-семантического поля в качестве основы для представления декларативных знаний // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 1. С. 18–24. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-1-18-24.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktorya I. Firsanova (Saint Petersburg) – Postgraduate Student, Department of Mathematical Linguistics, Saint-Petersburg State University;

ORCID: 0000-0002-8474-0262; e-mail: st085687@student.spbu.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фирсанова Виктория Игоревна (г. Санкт-Петербург) – аспирант кафедры математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета;

ORCID: 0000-0002-8474-0262; e-mail: st085687@student.spbu.ru

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья

УДК 811.11-112

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-1-83-95

НЕМЕЦКИЕ МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ В ТЕКСТАХ РАЗЛИЧНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ

Аверина А. В.

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва,

Российская Федерация

e-mail: Anna.averina@list.ru

Поступила в редакцию 23.07.2024

После доработки 17.12.2024

Принята к публикации 18.12.2024

Аннотация

Цель исследования заключается в выявлении функций, реализуемых модальными частицами в текстах различных функциональных стилей в немецком языке.

Процедура и методы. Отобрано 200 примеров из корпуса разговорной речи DECOW 16A, под-корпуса разговорной речи DWDS, корпуса газетных текстов Berliner Tageszeitung и Tagesspiegel, а также из немецкой художественной литературы: произведений Ф. Кафки, В. Херндорфа “Tschick”, романа У. Тимма “Johannisnacht”. При работе с фактическим материалом были использованы метод контекстуального анализа, метод сплошной выборки, сопоставительный метод.

Результаты. Показано, что для каждого функционального стиля характерен свой набор модальных частиц, которые реализуют соответствующие функции. В текстах научного стиля модальные частицы способствуют созданию причинно-следственных связей, диалогичности и формированию гипотез. В текстах разговорного стиля модальные частицы способствуют построению успешной коммуникации, отражая пропозициональную установку говорящего и его эмоциональное состояние, а также выступают средством связности. В публицистических текстах модальные частицы, типичные для разговорной речи, используют в интертекстуальных включениях, приближая описываемую ситуацию к обиходно-бытовой. В художественных произведениях использование модальных частиц позволяет представить ситуацию бытового общения и отразить внутреннее состояние персонажей, показать характер их взаимоотношений, а также свойственные определённым социальным и возрастным группам речевые особенности. Как в публицистических, так и в художественных текстах модальные частицы выступают как средство связности, диалогичности и гипотетичности.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит определённый вклад в описание функционального назначения модальных частиц и выполняемой ими роли в различных типах текстов. **Практическая значимость** состоит в том, что полученные резуль-

таты могут быть использованы на практических занятиях по немецкому языку, стилистике и грамматике текста на языковых факультетах вузов.

Ключевые слова: модальные частицы, функциональные стили, когезия, немецкий язык, пропозициональная установка

Для цитирования:

Аверина А. В. Немецкие модальные частицы в текстах различных функциональных стилей // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 1. С. 83–95. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-83-95>.

Original research article

GERMAN MODAL PARTICLES IN TEXTS OF DIFFERENT FUNCTIONAL STYLES

A. Averina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

e-mail: Anna.averina@list.ru

Received by the editorial office 23.07.2024

Revised by the author 20.08.2024

Accepted for publication 21.08.2024

Abstract

Aim. To identify the functions implemented by modal particles in texts of various functional styles in the German language.

Methodology. 200 examples were selected from the DECOW 16A colloquial speech corpus, the DWDS colloquial speech subcorpus, the “Berliner Tageszeitung” and “Tagesspiegel” newspaper text corpus, as well as from German fiction: works by F. Kafka, W. Herndorf “Tschick”, the novel by W. Timm “Johannisnacht”. When working with the actual material, the following methods were used: the contextual analysis method, the continuous sampling method, and the comparative method.

Results. It is shown that each functional style is characterized by its own set of modal particles that implement the corresponding functions. In scientific-style texts, modal particles contribute to the expression of reason and consequence, dialogicity, and the formation of hypotheses. In colloquial style texts, modal particles are involved in building successful communication, reflecting the speaker’s propositional attitude and emotional state, as well as acting as a means of coherence. In journalistic texts, modal particles typical of colloquial speech are used in intertextual inclusions, bringing the described situation closer to everyday life. In fiction the use of modal particles allows us to imagine the situation of everyday communication and reflect the internal state of the characters, show the nature of their relationships, speech characteristics peculiar to certain social and age groups. In both journalistic and artistic texts, modal particles act as a means of coherence, help to create dialogicity and hypothetisism.

Research implications. The theoretical significance of the study lies in the fact that the work makes a certain contribution to the description of the functional purpose of modal particles and their role in various types of texts. The practical significance lies in the fact that the results obtained can be used in practical classes on the German language, stylistics and grammar of the text at the language faculties of universities.

Keywords: modal particles, functional styles, cohesion, German, propositional attitude

For citation:

Averina, A. V. (2025). German modal particles in texts of different functional styles. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, 83–95. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-83-95>.

Введение

Модальные частицы немецкого языка были предметом рассмотрения в целом ряде исследований отечественных и зарубежных лингвистов: М. Турмэр [1], М. Конильо [2; 3], В. Абрахама [4–6], М.-Й. Квона [7], Х. Вайдта [8], Й. Майбауера [9], Х.-В. Эромса [10] и др., некоторые аспекты были затронуты в публикациях автора [11; 12]. В перечисленных работах рассматривались такие вопросы, как специфика класса модальных частиц, их принадлежность к лексике / грамматике, употребление модальных частиц в различных типах высказываний, функциональное назначение этих слов, виды передаваемых ими модальных значений. Модальные частицы отличаются от других разрядов частиц и обладают рядом характерных для них свойств, а именно: занимают позицию в среднем поле предложения [4]; безударны [5]; не могут иметь самостоятельное употребление [5]; не могут быть отрицаемы и к ним нельзя задать вопрос [10]. В публикациях последних лет уже была показана роль дискурсивных частиц [13] и дискурсивных маркеров [14] в различных типах текстов, а также раскрыт их прагматический потенциал [15], однако функции именно модальных частиц в текстах различных стилей пока не были предметом специального исследования.

Х. Вайдт [8] обращает особое внимание на то, что частицы являются неотъемлемой составляющей разговорной речи: без них коммуникация выглядит неестественно. В отдельных публикациях автора было показано, какие функции модальные частицы выполняют в текстах научного [11] и публицистического стиля [12]. Нуждается в дополнительном освещении вопрос о стилистической марки-

рованности модальных частиц; требуется уточнение, закреплён ли за каким-либо конкретным типом текста некоторый определённый набор модальных частиц или это зависит от типа высказывания. В свою очередь, раскрытие обозначенных вопросов может внести определённый вклад в описание стилистического потенциала класса модальных частиц и их функций в различных типах текстов. Этим и определяется **актуальность** настоящего исследования.

Цель исследования заключается в том, чтобы описать функции немецких модальных частиц в текстах различных функциональных стилей. Цель определила следующие **задачи**: 1) проанализировать варианты употребления модальных частиц в текстах научного, публицистического, разговорного и художественного стилей; 2) показать зависимость между типом текста и соответствующим набором модальных частиц; 3) сопоставить функциональное назначение модальных частиц в текстах различных функциональных стилей.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём представлено описание модальных частиц, характерных для научного, публицистического, художественного и разговорного стилей, а также раскрыты текстовые функции модальных частиц. В свою очередь, исследование вносит определённый вклад в описание функционального назначения модальных частиц и выполняемой ими роли в различных типах текстов. Этим определяется его **теоретическая значимость**. **Практическая значимость** определяется тем, что полученные результаты могут быть использованы на практических занятиях по немецкому языку, стилистике и грамматике текста на языковых факультетах вузов.

Материалы и методы исследования

В качестве материалов исследования послужили данные из различных корпусов: корпус разговорной речи DECOW 16A¹, подкорпус разговорной речи DWDS², корпус газетных текстов *Berliner Tageszeitung* и *Tagesspiegel*, а также примеры, отобранные из немецкой художественной литературы – произведения Ф. Кафки, В. Херндорфа «*Tschick*», романа У. Тимма «*Johannisnacht*». Всего было отобрано и проанализировано свыше 200 примеров из текстов различных стилей и жанров. При работе с фактическим материалом были использованы следующие **методы**: метод сплошной выборки, посредством которого были отобраны высказывания с частицами; метод контекстуального анализа, посредством которого были определены текстовые функции модальных частиц; сопоставительный метод, позволивший сравнить функциональное назначение частиц в текстах разных функциональных стилей.

Модальные частицы немецкого языка в различных типах текстов и их функциональное назначение

Модальные частицы немецкого языка могут быть использованы в текстах разговорного, научного, публицистического и художественного стилей. К модальным частицам относятся такие, как *ja, denn, eben, halt, doch, eben, wohl, einfach, schon, bloß, mal*. На уровне предложения находят проявление следующие функции модальных частиц:

- модификация иллюкутивного типа высказывания [1; 7];
- выражение пропозициональной уставки [1; 5; 11; 12];

– снятие категоричности или, напротив, усиление интенции говорящего [1; 8];

– привнесение дополнительной эмоциональной окраски в высказывание [1].

Перечисленные функции модальных частиц зачастую получают реинтерпретацию в зависимости от функционального назначения текста. Остановимся на этом подробнее.

Автором было показано ранее, что модальные частицы могут быть использованы в текстах научного стиля и выступают как логические операторы для оформления причинно-следственных отношений. Фактически не используют модальные частицы в текстах из области математики, физики, химии. В научных текстах из области биологии, медицины, философии, социологии модальные частицы вполне возможны. Как правило, речь идёт о модальных частицах *ja, doch* и *wohl*, сравним:

(1) *Würde die Mutation erst auf der Agar-Platte unter Einfluss der Phagen entstehen, also gerichtet und nicht zufällig, dann sollte jede Agar-Platte etwa die gleiche Anzahl resistenter Kolonien aufweisen. Schließlich haben wir ja aus jedem Ansatz eine gleiche Probe entnommen*³.

В приведённом примере модальная частица *ja* служит для оформления условного (импликативного) суждения. Как правило, сложные суждения такого рода образуют из двух простых посредством использования логического союза «если..., то...»⁴. В данном случае основание суждения может иметь следующий вид: *Wenn man eine Probe entnimmt, sollte jede Agar-Platte etwa die gleiche Anzahl resistenter Kolonien aufweisen*, а следствие суждения – *Jede Agar-Platte sollte etwa die*

¹ DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 20.06.2024). Далее – DECOW 16A.

² DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 20.06.2024). Далее – DWDS.

³ Bachmann K. Biologie für Mediziner. 3., neubearbeitete und ergänzte Auflage. Berlin, Heidelberg; Springer Verlag. 1986. S. 35. Далее – Bachmann K. Biologie für Mediziner.

⁴ См.: Демидов И. В. Сложные суждения и их виды // Демидов И. В. Логика: учебник / под ред. проф. Б. И. Каверина; 7-е изд. испр. М.: Дашков и К°, 2012. С. 120.

gleiche Anzahl resistenter Kolonien aufweisen. Модальная частица *ja* использована в предложении, аргументирующем следствии. На примере следующих отрывков из научного издания можно проследить, что предложения с частицей *ja* представляют собой антецедент, или основание, а предшествующее им высказывание – консеквент, или следствие:

(2) *Inzwischen zeigen sich aber auch Wege, wie man Zellen höherer Organismen, selbst menschliche Zellen zu solchen Produktionsverfahren ausnutzen kann. Das tut man ja auch bei der Gewinnung monoklonaler Antikörper, bei der zwar nicht Gene direkt manipuliert werden, die aber einen wichtigen Beitrag zur Gentechnologie leistet¹.*

(3) *Natürlich können sich diese Gruppen nicht frei aussortieren. Sie sind ja alle Teile derselben Kette².*

Схожие свойства характерны и для высказываний с модальной частицей *wohl*. Так, в следующих примерах между предложениями прослеживаются причинно-следственные связи:

(4) *Die Abschätzung der Spontanrate ist dabei eher zu hoch. Die wichtige Verdopplungsdosis liegt wohl wie bei Drosophila zwischen 10 und 80³.*

(5) *Für eine klinische Anwendung beim Menschen sind die Methoden schon allein technisch noch nicht ausgreift. Eine solche klinische Anwendung wird wohl zuerst Blutzellen und Immunsystem betreffen, weil hier Gene in Knochenmarkstammzellen eingebracht werden können und damit die technischen Probleme etwas begrenzt sind⁴.*

В (4) и (5) в предложениях с частицей *wohl* содержится обоснование той мысли, которая сформулирована в предыдущем высказывании, при этом *wohl* указывает на предположительный характер этого обоснования, т. е. речь идёт о формировании причинно-следственных связей на эпистемическом уровне [16]. Помимо

функции когезии модальные частицы способствуют созданию диалогичности текста: говорящий, используя частицу, указывает на возможность существования различных мнений относительно той или иной позиции в исследовательской работе. Одно из этих мнений принадлежит говорящему, другое – читателю.

На примере следующего фрагмента из научного издания по медицине можно проследить использование частицы *doch* для выражения противоположных позиций в определённой жизненной ситуации:

(6) *Das Ausbleiben einer erhofften somatischen Erklärung mit entsprechender Behandlung des Schmerzleidens einerseits und der Verweis auf eine psychische Ursache andererseits führen zu Enttäuschung, Hilflosigkeit oder Kränkungswut über die vermeintliche Stigmatisierung („Ich bilde mir die Schmerzen doch nicht ein – ich bin doch kein Simulant!“) und damit zu einer Verstärkung des Leidensdrucks⁵.*

В приведённом отрывке использование частицы *doch* позволяет показать различия между представлениями третьих лиц и говорящего.

В текстах научного стиля фактически не встречаются комбинаторные сочетания модальных частиц. Исключение составляют лишь некоторые случаи использования сочетаний частиц в текстах гуманитарной направленности. Как правило, сочетания такого типа придают высказыванию эмотивную окраску. На примере следующего отрывка можно увидеть, что сочетание *denn auch*, которому свойственно значение *nun / теперь*, придаёт текстовому сегменту оттенок архаичности, что обусловлено самим стилем изложения переводного издания трудов Аристотеля:

(7) *Das Gerechte besteht also in einer Proportion. Denn die Proportion ist nicht bloß der unbenannten Zahl eigen, sondern der*

¹ Bachmann K. Biologie für Mediziner. S. 367.

² Bachmann K. Biologie für Mediziner. S. 35.

³ Bachmann K. Biologie für Mediziner. S. 392.

⁴ Bachmann K. Biologie für Mediziner. S. 377.

⁵ Köllner F., Bassler M. Praxishandbuch. Psychosomatische Medizin in der Rehabilitation. München: Elsevier GmbH, 2021. S. 258.

*Zahl überhaupt. Proportion bedeutet Gleichheit der Verhältnisse, und so gehören dazu wenigstens vier Glieder. Dass die unstetige Proportion vier Glieder erfordert, liegt auf der Hand; es gilt aber auch von der stetigen; nur dass hier ein Glied zwei vertritt und zweimal vorkommt: z. B. es verhält sich $a : b$ wie $b : c$, wo b zweimal steht und infolge dessen die Zahl der Glieder doch wieder vier ist. So sind es **denn auch** mindestens vier Glieder, die für das Gerechte in Betracht kommen¹.*

Таким образом, можно говорить о том, что для научного текста характерно использование лишь небольшого числа модальных частиц (*ja, doch, wohl*) для оформления причинно-следственных отношений, в некоторых случаях для формулирования гипотезы. В редких случаях для воссоздания колорита определённой временной эпохи могут быть употреблены стилистически маркированные комбинационные сочетания частиц.

В текстах разговорного стиля могут быть употреблены фактически все модальные частицы: *ja, denn, eben, halt, doch, eben, wohl, einfach, bloß, schon, mal*. Их функциональное назначение различно: речь может идти и об установлении причинно-следственных связей в случае употребления *ja* и *doch*, и об указании на очевидность для говорящего и собеседника факта при использовании *eben*, и о смягчении категоричности высказывания (*wohl, mal*), например:

(8) *Diese eine Ausnahme ist die Ägyptengeschichte, und zwar deswegen, weil, er schreibt **ja** nicht Geschichten aus dem Ausland, er macht nicht wie Siegfried Lenz Norweger auf einmal zu Helden, sondern er zeigt Deutsche, was sie im Ausland erleben².*

(9) *Das ist es, was ich **eben** sagte³.*

(10) *Dann hätte sie sich nicht verborgen hinter dem infantilen Mädchen, und dann wäre **wohl** dieser infantile Charakter des Buches uns erspart geblieben⁴.*

(11) *Dürfen wir **mal** auf das Buch zurückgehen?⁵*

В (8) часть предложения с частицей *ja* содержит указание на причину того факта, на который имеет место указание в предшествующей части высказывания. В (9) говорящий показывает, что обстоятельство очевидно не только для него, но и для собеседника; в (10) модальная частица *wohl* подчёркивает гипотетический характер высказывания; в (11) частица *mal* смягчает категоричность высказывания.

Некоторые модальные частицы можно рассматривать как маркеры эмоциональных значений – удивления (*denn*), недовольства (*wohl*), нетерпения или усиления интенции говорящего (*bloß, schon*), например:

(12) *Ja, was kann man **denn** von einem Kind erwarten?⁶*

(13) *Dass Sie mit Ihren rigorosen Auffassungen das große Publikum frustrieren müssen, macht Ihnen **wohl** nichts aus?⁷*

(14) *Wo nehmen Sie **bloß** die große Ruhe her?⁸*

(15) *Und das fand ich **schon** sehr eindrucksvoll⁹.*

В (12) говорящий выражает своё недоумение по поводу того, что кто-то из его собеседников ожидает разумные осознанные действия со стороны ребёнка; в (13) модальная частица *wohl*, использованная в вопросительном предложении, позволяет говорящему выразить своё раздражение из-за категоричной позиции собеседника; в (14) модальная части-

¹ Aristoteles: Metaphysik, Nikomachische Ethik, Das Organon, Die Physik & Die Dichtkunst / Übersetzt von A. Gudeman, A. Lasson, J. H. Kirchnan, C. H. Weiße. DigiCat, 2023. S. 86.

² Das literarische Quartett vom 14.12.2001 // DWDS. Далее – Das literarische Quartett vom 14.12.2001.

³ Das literarische Quartett vom 14.12.2001.

⁴ Das literarische Quartett vom 19.10.2001 // DWDS. Далее – Das literarische Quartett vom 19.10.2001.

⁵ Das literarische Quartett vom 14.12.2001.

⁶ Das literarische Quartett vom 19.10.2001.

⁷ „Kunst ist kalte Konstruktion“. Der Spiegel. 02.06.1997 // DWDS.

⁸ Das literarische Quartett vom 14.12.2001.

⁹ Das literarische Quartett vom 19.10.2001.

ца *bloß* служит для усиления интенции говорящего – он даёт знать собеседнику, что для него важно выяснить сформулированный вопрос; в (15) использование модальной частицы *schon* позволяет подчеркнуть истинность излагаемого факта, делая его более убедительным.

Частица *halt* может рассматриваться как маркер исключительно разговорной речи – по мнению носителей языка, частица *halt* не может быть употреблена в официальной коммуникации, в научных и публицистических текстах. По наблюдениям М. Турмэр [1] и С. Мюллер [17], использование частицы *halt* позволяет говорящему показать, что его позиция является истинной, а интенция говорящего заключается при этом в убеждении собеседника: она может иметь место в случае, если говорящий понимает, что у его собеседника иное мнение, и ставит перед собой цель подчеркнуть свою позицию, например:

(16) *Jetzt weiß ich nicht, wie ich das auf möglichst zartfühlende Weise sagen soll, aber ich sage es halt doch: Ich denke, dass dieses Buch doch auf eine subtile Weise misslungen ist*¹.

В текстах разговорного стиля модальные частицы *halt* и *eben* служат, как правило, для усиления убедительности высказывания (17) и указания на очевидность факта (18):

(17) *In der Wirklichkeit ist es halt schwieriger*².

(18) *Ich möchte in diesem Zusammenhang zitieren, was Professor Wille auf der eben schon erwähnten Anhörung gesagt hat*³.

Аналогичным свойством обладает и модальная частица *einfach*: её использование в повествовательном предложении обусловлено потребностью говорящего представить собственную позицию как истинную (см. пример (20)). М. Турмэр считает в этой связи, что *einfach* в пред-

ложениях в форме *Imperativ* смягчает просьбу и позволяет сформулировать её в форме совета, поскольку речь идёт, как правило, о таком положении дел, очевидность которого не вызывает сомнений [1, S. 123], а говорящий сам не выражает своей собственной заинтересованности, а указывает на целесообразность обстоятельств, ввиду которых действие стоит осуществить:

(19) *Fangen wir einfach an*⁴.

(20) *Das hörte sich einfach nur so an, als würde das zu mir passen*⁵.

В текстах разговорного стиля часто имеют место комбинаторные сочетания частиц (*ja auch, doch ach, ja doch, doch ja, ja wohl* и т. д.). Отмечаются единичные примеры использования частицы *denn* в повествовательных предложениях в составе комбинаторных сочетаний *ja denn doch* или *ja denn wohl*. В данном случае они служат для усиления интенции говорящего, например:

(21) *Ein Adapterkabel zu bauen dürfte jetzt nicht mehr schwerfallen, oder? Na ganz so einfach wollen wir es ja denn doch nicht machen*⁶.

(22) *Dunkle Jahreszeit kann kommen. Hat mich ja denn doch interessiert, wo das ist*⁷.

(23) *Ich glaub, jetzt brauch ich doch eine Brille. Tschuldigung. Das passt ja denn doch*⁸.

В приведённых примерах использование комбинаторных сочетаний служит для того, чтобы подчеркнуть истинность позиции говорящего. По мнению носителей языка, подобные комбинации придают высказыванию оттенок архаичности, поскольку являются устаревшими. Это подтверждают также и примеры из корпуса DWDS, содержащие высказывания с ними из текстов периода XVIII–XIX вв.:

¹ Das literarische Quartett vom 19.10.2001.

² Das literarische Quartett vom 11.12.1997 // DWDS.

³ 56. Sitzung des 14. Bundestages // DWDS.

⁴ Gesprochene Sprache: Berliner Zeitung. 31.12.2005 // DWDS.

⁵ Gesprochene Sprache: Berliner Zeitung. 29.12.2005 // DWDS.

⁶ DECOW 16A.

⁷ DECOW 16A.

⁸ DECOW 16A.

(24) *Damit wäre **ja denn wohl** alles besprochen*¹.

В данном случае передаваемый комбинаторным сочетанием смысл не складывается из семантики составляющих его элементов, в чём проявляется полифункциональность модальных частиц (см. также [18]).

Таким образом, анализ разговорных текстов позволяет сделать вывод, что в них имеют место все модальные частицы, выполняя целый ряд функций: связующую, усилительную или, напротив, смягчающую, передают эмоциональное состояние говорящего (нетерпение, раздражение), а также подчёркивают очевидность и/или истинность излагаемого факта. Чисто «разговорными» можно считать комбинаторные сочетания частиц (*ja denn doch, ja denn wohl, denn auch* и т. д.), а также такие частицы, как *halt, einfach, bloß, schon, mal* и *eben*, поскольку основная интенция говорящего заключается в том, чтобы представить свою позицию убедительной или указать на очевидность для говорящего и собеседника факта. Некоторые частицы можно рассматривать как отражение специфики языка молодёжи (см. также [19]), например, это с полным правом можно сказать о модальной частице *halt*.

В публицистических текстах также могут быть использованы все модальные частицы в зависимости от интенции говорящего. Частицы *ja* и *doch* служат для оформления причинно-следственных связей, частица *wohl* позволяет сделать высказывание менее категоричным и даёт знать собеседнику, что у него может быть иная точка зрения на ситуацию:

(25) *Mit ein bisschen mehr Stress natürlich, aber das haben sie **ja** genau so gewollt*².

(26) *Das sollte ihm gelingen, er war **doch** Weltmeister oder Olympiasieger*³

(27) *Er habe die Solidarität der Mediziner **wohl** überschätzt, so lautet der knappe Kommentar von Richter-Reichhelm*⁴.

Модальные частицы *halt, einfach, bloß, schon, mal* и *eben* также могут быть использованы в текстах публицистического стиля для реализации целого ряда текстовых функций. Так, например, употребление частицы *halt* в публицистических текстах служит для того, чтобы придать высказыванию более непринуждённый оттенок (28) или в диалектных вкраплениях для того, чтобы приблизить ситуацию к просторечной (29):

(28) *Der Fischer Otto ist jetzt ein Fischvetterinär; wir leben **halt** in der Wissenschaftsgesellschaft*⁵.

(29) *Er lässt einen Chor schwäbisches Liedgut singen ("Drunten im Neckartal, da isch **halt** guat."), er lässt Äpfel zu Moscht zerstampfen – und Thomas C. Zell als den Vater von Grace auftreten*⁶.

В (28) частица *halt* использована в предложении-антецеденте, аргументирующем предыдущее. В (29) *halt* включена в цитату из народной песни, т. е. в данном случае в публицистическом тексте имеют место интертекстуальные включения, поскольку частица *halt* свойственна исключительно разговорной речи.

Модальная частица *eben* позволяет говорящему изложить факт как очевидный и для говорящего, и для собеседника:

(30) *Unter normalen Umständen wäre ein Sieg möglich gewesen, aber es war **eben** kein normaler Tag und die Verunsicherung war stets spürbar*⁷.

Модальные частицы *einfach, bloß, schon* и *mal* часто имеют место в интервью, когда речь говорящего максимально приближена к разговорной:

(31) *“Wenn ich das **mal** demonstrieren darf...”*⁸

⁴ Der Tagesspiegel. 28.12.2024 // DWDS.

⁵ Berliner Zeitung. 26.10.2005 // DWDS.

⁶ Berliner Zeitung. 05.10.2005 // DWDS.

⁷ Berliner Zeitung. 30.11.2005 // DWDS.

⁸ Berliner Zeitung. 31.12.2005 // DWDS. Далее – Berliner Zeitung. 31.12.2005.

¹ Deussen P. Mein Leben (In: Deutsche Autobiographien 1690–1930. Berlin: Directmedia Publ., 2004 [1 CD-ROM mit einem Beiheft]) // DWDS.

² Berliner Zeitung. 31.12.2005 // DWDS.

³ Der Tagesspiegel. 31.12.2024 // DWDS.

(32) *Junge, geh raus, mach **einfach**, was Du kannst¹.*

(33) *Wie machen sie das **bloß**, die Kroaten²*

(34) *Man muss sich **schon** an die Straße stellen und warten - oder die BVG nutzen³.*

Таким образом, в текстах публицистического стиля могут быть использованы фактически все модальные частицы, выполняя при этом самые разнообразные функции: связующую, усилительную, эмотивную, а также эвиденциальную, – позволяя подчеркнуть очевидность высказывания. Включение чисто «разговорных» модальных частиц *halt, einfach, bloß, schon, mal* и *eben* позволяет приблизить высказывания к обиходно-бытовой речи и может иметь место в предложениях, выполняющих своего рода роль интертекстуальных включений.

В текстах художественной литературы использование модальных частиц служит для создания связности, передачи внутреннего состояния персонажей, их отношения к описываемым событиям и лицам, для выражения их эмоционального состояния. Так, например, использование модальной частицы *bloß* в следующем высказывании из романа У. Тимма «*Johannisnacht*» позволяет живо представить бытовую ситуацию: говорящий ошарашен и не просто хочет получить информацию от собеседника, но и показывает, что его внешний вид шокирует.

(35) *Mann, sagt Berger, dem ich zu Füßen sitze, was haben Sie **bloß** mit Ihrem Haar machen lassen? Sieht aus, als wären Sie einem Friseurschüler in die Hände gefallen⁴.*

Модальная частица *doch* позволяет показать противоречие между двумя позициями – говорящего и собеседника – и подчеркнуть истинность собственной, например:

(36) *Aber freelance, er arbeite für eine große Firma, auf Honorarbasis. Ohne dass ich gefragt hatte, fügte er hinzu: Warum auch nicht. Ist **doch** typisch für diese Gesellschaft, sie ist mobil, ständig ist jeder durch Absturz gefährdet, darum streben alle danach, alle wollen sie, die Immobilie, es soll bleiben, wie es ist, aber mit viel Bewegung in allen anderen Bereichen, Mode, Reisen, Beziehungen⁵.*

На примерах из произведений Ф. Кафки можно увидеть, что употребление модальных частиц позволяет передать внутреннее состояние персонажей: их желание быть убедительными, удивление, негодование или внутреннее напряжение:

(37) *Darauf ist zu antworten, dass er **wohl auch** durch einen Ruf aus dem Innern zum Türhüter bestellt worden sein könnte und dass er zumindest tief im Innern nicht gewesen sein dürfte, da er **doch** schon den Anblick des dritten Türhüters nicht mehr ertragen kann⁶.*

(38) *"Das ist es", rief K. und fuhr vor lauter Freude fast noch in die Rede des Mannes hinein, "mir wird gewiss sofort besser werden, ich bin **auch** gar nicht so schwach, nur ein wenig Unterstützung unter den Achseln brauche ich, ich werde Ihnen nicht viel Mühe machen, es ist **ja auch** kein langer Weg, führen Sie mich nur zur Tür, ich setze mich dann noch ein wenig auf die Stufen und werde gleich erholt sein, ich leide nämlich gar nicht unter solchen Anfällen, es kommt mir selbst überraschend⁷.*

(39) «Warum ist sie nicht eingetreten?» fragte er. «Sie darf nicht», sagte der große Wächter. «Sie sind **doch** verhaftet.» «Wie kann ich **denn** verhaftet sein?»⁸

(40) *"So", rief K. und warf die Arme in die Höhe, die plötzliche Erkenntnis wollte Raum, "ihr seid **ja** alle Beamte, wie ich sehe, ihr seid **ja** die korrupte Bande, gegen die ich sprach,*

¹ Berliner Zeitung. 31.12.2005.

² Berliner Zeitung. 10.11.2003 // DWDS.

³ Berliner Zeitung. 31.12.2005.

⁴ Timm U. *Johannisnacht*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1998. S. 87.

⁵ Timm U. *Johannisnacht*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1998. S. 33.

⁶ Kafka F. *Im Dom* // Kafka F. *Der Prozess*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2014. S. 103.

⁷ Kafka F. *Drittes Kapitel* // Kafka F. *Der Prozess*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2014. S. 35.

⁸ Kafka F. *Erstes Kapitel* // Kafka F. *Der Prozess*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2014. S. 8.

*ihr habt euch hier gedrängt, als Zuhörer und Schnüffler, habt scheinbare Parteien gebildet, und eine hat applaudiert, um mich zu prüfen, ihr wolltet lernen, wie man Unschuldige verführen soll!*¹

В (37) говорящий посредством использования комбинаторного сочетания *wohl auch* хочет, с одной стороны, показать, что собеседник может иметь свою позицию, с другой стороны – что данная ситуация ожидаема для него. Как отмечает М. Турмэр, высказывания с модальной частицей *auch* можно рассматривать как обоснование для предшествующего предложения [1, S. 155]. Это отчётливо можно проследить на примере (38). В (39) говорящий даёт знать собеседнику, что его действия неверны, а модальная частица *denn* позволяет выразить удивление. Модальная частица *ja* служит для усиления экспрессивности слов говорящего в (40). В текстах художественной литературы довольно часто встречаются комбинаторные сочетания частиц, служащие для усиления степени выразительности высказывания.

В художественных текстах довольно редко встречается модальная частица *halt*, в нашем корпусе примеров есть лишь одно высказывание из романа В. Херндорфа “Tschick”, главными персонажами которого являются подростки. Её использование позволяет автору максимально приблизить речь героя к реальной ситуации общения и отразить речевые особенности, характерные для молодых людей:

(41) *Aber das ist halt keine anerkannte Krankheit, da bleibt es dann bei der Fünf in Sport, und alle Mädchen kichern, wenn der Fettsack mit beiden Händen voran die Latte abwehrt und quiekend aufs Gesicht fällt*².

По всей видимости, частицу *halt* можно рассматривать и как своего рода маркер возрастных особенностей и социального статуса участников коммуникативного процесса.

Таким образом, можно сделать вывод, что выбор модальных частиц в художественных текстах определяется не только необходимостью воссоздать коммуникативную ситуацию и отразить внутреннее состояние персонажей, но и намерением показать характер их взаимоотношений и социальное положение, а также передать особенности речи героев, относящихся к различным возрастным группам.

В систематизированном виде функциональное назначение модальных частиц в текстах различных функциональных стилях представлено в табл. 1.

Заключение

В данной публикации были рассмотрены возможности использования модальных частиц немецкого языка в текстах различных функциональных стилей. Анализ фактического материала позволил сделать следующие наблюдения о назначении этих языковых единиц и выполняемой ими роли в разных типах текстов.

1. В естественнонаучных текстах могут быть использованы модальные частицы *ja*, *doch* и *wohl*. Их употребляют для создания связности текста, а также они могут способствовать созданию диалогичности научного текста. В текстах общественно-научной тематики могут быть использованы комбинаторные сочетания частиц для усиления выразительности высказывания и, в некоторых случаях, для воссоздания колорита определённого временного периода.

2. В текстах разговорного стиля могут быть употреблены все модальные частицы. Они выполняют целый ряд функций: служат для передачи эмоционального состояния говорящего, выступают как средство связности, усиливают выразительность высказывания. Выбор модальной частицы во многом отражает

¹ Kafka F. Zweites Kapitel. Erste Untersuchung // Kafka F. Der Prozess. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2014. S. 26.

² Herndorf W. Tschick. München: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2012. S. 47.

Таблица 1 / Table 1

Модальные частицы в текстах различных функциональных стилей / Modal particles in texts of different functional styles

Функциональный стиль	Функции модальных частиц
Разговорный	- передача эмоционального состояния говорящего (недовольство, раздражение, радость и т. д.); - средство связности; - усиление интенции говорящего; - отражение социального статуса и возраста участников коммуникации, характер их отношений друг с другом; - убеждённость говорящего в истинности собственной позиции; - смягчение категоричности высказывания.
Художественный	- создание ситуации, максимально приближенной к естественной обиходно-бытовой; - отражение внутреннего состояния персонажей; - передача взаимоотношений между героями произведений; - отражение речевых особенностей, свойственных определённым возрастным и социальным группам; - создание связности текста; - выражение пропозициональной установки.
Публицистический	- создание ситуации, максимально приближенной к естественной обиходно-бытовой (интертекстуальные включения); - выражение пропозициональной установки; - формулирование гипотез; - создание связности; - создание диалогичности текста.
Научный	- создание связности; - формулирование гипотез; - создание диалогичности текста.

Источник: составлено автором по материалам проведённого исследования.

социальный статус и возраст участников коммуникации, а также характер их отношений друг с другом. Типичными для разговорного стиля можно считать модальные частицы *halt*, *einfach*, *bloß*, *schon* и *mal*: частица *halt* может быть использована для того, чтобы показать убеждённость говорящего в истинности собственной позиции; *bloß* характерна для вопросительных предложений, усиливая интенцию говорящего; *schon* подчёркивает истинность позиции собеседника; частица *mal* смягчает просьбу говорящего.

3. В текстах публицистического и художественного стилей могут быть использованы все модальные частицы. Модальные частицы *halt*, *einfach*, *bloß*, *schon*,

mal и *eben*, характерные для разговорной речи, служат для того, чтобы максимально приблизить ситуацию общения к более естественной обиходно-бытовой. В публицистических текстах это имеет место в случае, если автор прибегает к интертекстуальным включениям; в художественной литературе это позволяет живо представить ситуацию бытового общения и отразить внутреннее состояние персонажей, показать характер их взаимоотношений, свойственные определённым социальным и возрастным группам речевые особенности.

Перспективным представляется исследование модальных частиц в диахронии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Thurmair M. *Modalpartikeln und ihre Kombinationen*. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1989. 314 S.
2. Coniglio M. Deutsche Modalpartikeln in Haupt- und Nebensätzen // *Modalität: Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus* / hrsg. W. Abraham, E. Leiss. Tübingen: Stauffenburg, 2009. S. 191–221.
3. Coniglio M. Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen. Berlin: Akademie Verlag, 2011. 220 S.
4. Abraham W. Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung // *Modalität und Evidentialität*. Trier: WVT Wissenschaftlicher Verlag Trier, 2011. S. 125–147.
5. Abraham W. Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax des Deutschen. 3., erweiterte Auflage. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2013. 707 S.
6. Abraham W. Deutsche Modalpartikel in Nichthauptsatz- und Infinitivkonstruktionen // *Studia Germanistica Gedanensia*. 2019. Nr. 41. S. 17–36. DOI: 10.26881/sgg.2019.41.01.
7. Kwon M.-J. Modalpartikeln und Satzmodus. Untersuchungen zur Syntax, Semantik und Pragmatik deutscher Modalpartikeln: Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie. München, 2005. 273 S.
8. Weydt H. Abtönungspartikeln und andere Disponible // 40 Jahre Partikelforschung / hrsg. Th. Hardten, E. Hentschel. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2010. S. 10–32.
9. Meibauer J. Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung. Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1994. 252 S.
10. Eroms H.-W. *Syntax der deutschen Sprache*. Berlin: Walter de Gruyter, 2000. 510 S.
11. Аверина А. В. Функции модальных частиц в немецких научных текстах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 1. С. 71–83. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-1-71-83.
12. Аверина А. В. Функции модальных частиц в публицистических текстах (на материале немецкого языка) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 69–72.
13. Иванов В. Д. Функции дискурсивных частиц в немецком языке. М.: Прометей, 2024. 182 с.
14. Сереброва О. Ф. Немецкие дискурсивные маркеры в текстах различных функциональных стилей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 7. С. 2166–2172. DOI: 10.30853/phil20230355.
15. Таюпова О. И. Семантико-прагматическая категория вежливости в дискурсивной практике медиатекстов интервью // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2023. Т. 13. С. 428–433. DOI: 10.21638/spbu33.2023.124.
16. Sweetser E. *From etymology to pragmatics. Metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 174 p.
17. Müller S. Halt eben vs. eben halt? Dialekt, Satzmodus, Rhythmus oder Interpretation? // *Sprachwissenschaft*. 2016. Vol. 41. Iss. 2. S. 139–184.
18. Ошанова Е. С. Анализ сочетаемости модальных частиц для выявления их полифункциональности // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: труды и материалы международной конференции (Казань, 06–07 декабря 2022 г.): в 2 т. Т. 2. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2022. С. 100–102.
19. Коломиец Е. А., Чабанова А. А. Функционирование модальных частиц в молодёжном языке (на материале немецкого языка) // Актуальные проблемы общей и компаративной лингвистики и современные лингводидактические технологии обучения иностранному и родному языкам: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции (Махачкала, 07 апреля 2022 г.). Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет им. П. Гамзатова, 2022. С. 188–195.

REFERENCES

1. Thurmair, M. (1989). *Modalpartikeln und ihre Kombinationen*. Tübingen: Niemeyer Verlag.
2. Coniglio, M. (2009). Deutsche Modalpartikeln in Haupt- und Nebensätzen. In: *Modalität: Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus*. Tübingen: Stauffenburg, s. 191–221.

3. Coniglio, M. (2011). *Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen*. Berlin: Akademie Verlag.
4. Abraham, W. (2011). Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung. In: *Modalität und Evidentialität*. Trier: WVT Wissenschaftlicher Verlag Trier, s. 125–147.
5. Abraham, W. (2013). *Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax des Deutschen*. Tübingen: Stauffenburg Verlag.
6. Abraham, W. (2019). Deutsche Modalpartikel in Nichthauptsatz- und Infinitivkonstruktionen. In: *Studia Germanistica Gedanensia*, 41, 17–36. DOI: 10.26881/sgg.2019.41.01.
7. Kwon, M.-J. (2005). *Modalpartikeln und Satzmodus. Untersuchungen zur Syntax, Semantik und Pragmatik deutscher Modalpartikeln: Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie*. München.
8. Weydt, H. (2010). Abtönungspartikeln und andere Disponible. In: *40 Jahre Partikelforschung*. Tübingen: Stauffenburg Verlag, s. 10–32.
9. Meibauer, J. (1994). *Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung. Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln*. Tübingen: Niemeyer Verlag.
10. Eroms, H.-W. (2000). *Syntax der deutschen Sprache*. Berlin: Walter de Gruyter.
11. Averina, A. V. (2016). Functions of modal particles in german scientific texts. In: *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 1, 71–83. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-1-71-83 (in Russ.).
12. Averina, A. V. (2017). Functions of modal particles in German mass media texts. In: *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 3, 69–72 (in Russ.).
13. Ivanov, V. D. (2024). *Functions of discursive particles in the German language*. Moscow: Prometey publ. (in Russ.).
14. Serebrova, O. F. (2023). German discourse markers in texts of various functional styles. In: *Philology. Theory & Practice*, 16 (7), 2166–2172. DOI: 10.30853/phil20230355 (in Russ.).
15. Tayupova, O. I. (2023). Semantic-pragmatic category of politeness in the discourse practice of interview media texts. In: *German Philology in St. Petersburg State University*, 13, 428–433. DOI: 10.21638/spbu33.2023.124 (in Russ.).
16. Sweetser, E. (1990). *From etymology to pragmatics. Metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Müller, S. (2016). Halt eben vs. eben halt? Dialekt, Satzmodus, Rhythmus oder Interpretation? In: *Sprachwissenschaft*, 41 (2), 139–184.
18. Oshanova, E. S. (2022). Analysis of the compatibility of modal particles to identify their polyfunctionality. In: *The scientific legacy of V. A. Bogoroditsky and the modern vector of research of the Kazan linguistic school: works and materials of the international conference (Kazan, December 06-07, 2022): in 2 vols. Vol. 2*. Kazan: Kazan (Volga region) Federal University publ., pp. 100–102 (in Russ.).
19. Kolomiets, E. A. & Chabanova, A. A. (2022). Functioning of modal particles in the youth language (based on the German language). In: *Actual problems of general and comparative linguistics and modern linguodidactic technologies for teaching foreign and native languages: collection of materials of the II All-Russian scientific and practical conference (Makhachkala, April 7, 2022)*. Makhachkala: Dagestan State Pedagogical University, pp. 188–195 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аверина Анна Викторовна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка Московского государственного лингвистического университета;

<https://orcid.org/0000-0002-3117-6362>; e-mail: Anna.averina@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Averina (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Grammar and History of German, Moscow State Linguistic University;

<https://orcid.org/0000-0002-3117-6362>; e-mail: Anna.averina@list.ru

Научная статья

УДК 811

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-1-96-111

К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННЕЙ ИЕРАРХИИ ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО КИНОДИСКУРСА)

Анисимов В. Е.

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: anisimov.vladislav.95@mail.ru

Поступила в редакцию 23.09.2024

После доработки 17.12.2024

Принята к публикации 18.12.2024

Аннотация

Цель. Определить внутреннюю иерархию дискурса как семиотического пространства на примере французского кинодискурса.

Процедура и методы. Проведён теоретический анализ внутренней иерархии французского кинодискурса с применением дискурс-анализа, контент-анализа, семиотического анализа дискурса, метода семантического анализа лексики, метода сплошной выборки, методов теоретического анализа и обобщения.

Результаты. Выявлена внутренняя иерархия французского кинодискурса: иерархия между кинофильмом и функционально-прагматическими единицами кинотекста (ФПЕК), где кинотекст занимает более высокий уровень иерархии; частями многосерийного кинофильма, где верхний уровень иерархии отводится исходному кинофильму; иерархия внутри класса ФПЕК, где верхний уровень иерархии занимает кинозаголовок.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в выявлении внутренней иерархии французского кинодискурса как семиотического пространства.

Ключевые слова: внутренняя иерархия дискурса, дискурс, иерархия, кинодискурс, французский кинодискурс

Для цитирования:

Анисимов В. Е. К вопросу о внутренней иерархии дискурса (на материале французского кинодискурса) // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 1. С. 96–111. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-96-111>.

Original research article

ON THE QUESTION OF THE INTERNAL HIERARCHY OF DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF THE FRENCH FILM DISCOURSE)

V. Anisimov

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
e-mail: anisimov.vladislav.95@mail.ru*

Received by the editorial office 23.09.2024

Revised by the author 17.12.2024

Accepted for publication 18.12.2024

Abstract

Aim. To define the internal hierarchy of discourse as a semiotic space through the French film discourse.

Methodology. The theoretical analysis of the French film discourse internal hierarchy is carried out using discourse analysis, content analysis, semiotic discourse analysis, semantic analysis of vocabulary, the method of continuous sampling, methods of theoretical analysis and generalization.

Results. The French film discourse internal hierarchy is revealed as the hierarchy between the film and the functional and pragmatic elements (FPE) of the film text, where the film text occupies a higher level of hierarchy; parts of a multi-part film, where the upper level of the hierarchy is assigned to the original film; the hierarchy within the FPE class, where the film title occupies the upper level of the hierarchy.

Research implications. The study reveals the identification of the internal hierarchy of the French film discourse as a semiotic space.

Keywords: discourse internal hierarchy, discourse, hierarchy, film discourse, French film discourse

For citation:

Anisimov, V. E. (2025). On the question of the internal hierarchy of discourse (based on the material of the French film discourse). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, 96–111. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-96-111>.

Введение

Стремительно возросший интерес к изучению дискурса с позиций разных областей научного знания лишь незначительным образом затрагивает вопрос его иерархической структуры. Первые работы, посвящённые иерархической структуре дискурса, относятся ко второй половине XX в. [1; 2; 3] и противопоставляют иерархию линейности дискурса, не принимая во внимание его семиотической природы, междискурсивных связей и влияния социокультурного контекста. Современные зарубежные исследования в основном сосредоточены на практи-

ческом применении иерархии дискурса, а не на уточнении его иерархической структуры (см., например, [4] об иерархическом структурировании дискурса при возникновении и развитии языка жестов). В отечественной лингвистике вопрос иерархии дискурса затрагивается в работах А. А. Кибрика, выделяющего глобальную и локальную структуры дискурса [5]. Существуют немногочисленные исследования по иерархии отдельных типов дискурса, в частности, художественного дискурса [6].

В данной работе предпринимается попытка описать внутреннюю иерархию

дискурса на примере французского кинодискурса. Исследование проведено с применением ряда общенаучных и лингвистических методов: семиотического анализа дискурса, дискурс-анализа и контент-анализа в части изучения элементов кинодискурса, метода семантического анализа лексики, метода сплошной выборки при отборе кинофильмов, методов теоретического анализа и обобщения при рассмотрении существующей научной литературы по вопросу иерархии дискурса и формулировании основных положений внутренней иерархии французского кинодискурса. Материалом исследования послужили 500 французских кинофильмов, вышедших в 1990–2024 гг. В ходе исследования был проведён анализ кинодискурса с применением методов дискурс-анализа и контент-анализа для выделения малоформатных текстов кинодискурса – функционально-прагматических единиц кинотекста – и полноформатных текстов кинодискурса – кинофильмов. Посредством метода сплошной выборки нами были отобраны данные единицы с сайтов (Allociné.fr, Senscritique.com, Кинопоиск.ру) за период 1990–2024 гг. Далее для лингвистического анализа отобранных единиц нами были последовательно использованы методы семантического анализа лексики и семиотического анализа дискурса для выявления интекстуальных и иерархических связей между рассматриваемыми компонентами кинодискурса.

Перспективы изучения иерархии дискурса как семиотического пространства

Опираясь на постулат Е. А. Красиной о том, что «в сфере семиотики и коммуникации дискурс выступает как одна из моделирующих систем, как когнитивная структура, стремящаяся к автономии» [7, с. 7], мы считаем правомерным рассмотреть дискурс как семиотическое пространство. Анализ дискурса в данном направлении возможен с точки зре-

ния описания его внешней иерархии, т. е. взаимодействия конкретного дискурса с другими дискурсами с точки зрения интердискурсивности, и внутренней иерархии, заключающейся в изучении иерархии как внутри семиотического пространства самого дискурса, так и ряда функционирующих в нём семиотических подпространств.

Исследование внутренней иерархии дискурса нами предлагается проводить внутри его семиотического пространства по следующим параметрам:

1) анализ иерархии отношений между основной формой реализации (объектом) дискурса и его основными компонентами;

2) описание иерархии компонентов дискурса;

3) рассмотрение иерархии отношений исходного и локализованного / переводного текста внутри дискурса.

Проиллюстрируем направление исследования внутренней иерархии дискурса на примере французского кинодискурса. Выбор типа дискурса для анализа продиктован всесторонним интересом исследователей к кинодискурсу, его типам, функциям и жанровой типологии [8]. Подчеркнём, что принципиальным для данного исследования является разграничение понятий *кинодискурс* и *кинотекст*: кинодискурс является родовой категорией по отношению к кинотексту и включает в себя ряд видовых компонентов (кинотекст, кинофильм, кинодиалог, киносценарий и др.). Основной формой реализации (далее – объектом) кинодискурса является кинофильм [9].

Таким образом, представляется возможным проследить иерархические отношения между самим кинофильмом как основной формой реализации кинодискурса и функционально-прагматическими единицами кинотекста (кинозаголовков, синопсис, слоган, постер, трейлер, шортс). Семиотическое пространство кинодискурса позволяет выявить ряд семиотических подпространств, важное место среди которых занимает семиоти-

ческое подпространство многосерийного кинофильма. Анализ иерархии многосерийного кинофильма позволяет произвести структурирование его семиотического подпространства.

Иерархию компонентов дискурса также можно проследить на примере отдельных классов единиц. Так, для кинодискурса релевантным является объединение его малоформатных текстов в единый класс функционально-прагматических единиц кинотекста. Рассмотрение иерархии внутри данного класса единиц позволяет определить важность каждого из его элементов при восприятии кинофильма потенциальным зрителем на предпросмотровом этапе.

В свою очередь, анализ иерархических отношений между исходным и локализованным / переводным текстом кинодискурса представляется возможным проводить как на полноформатных, так и на малоформатных текстах. В силу ограниченности объёма статьи вопрос об иерархическом соотношении исходного и локализованного текстов останется за рамками данного исследования.

**Иерархия отношений:
кинофильм – функционально-
прагматические единицы
кинотекста (ФПЕК)**

Анализ внутренней иерархии французского кинодискурса целесообразно начать с взаимодействия кинофильма как его основной формы реализации и одного из элементов кинотекста и ФПЕК. Последние представляют собой единый класс прагматически-ориентированных единиц, функционирующих на предпросмотровом этапе, т. е. на этапе знакомства потенциального зрителя с кинофильмом, и выполняют задачу по привлечению к просмотру конкретного кинофильма как можно большей аудитории. К ФПЕК мы относим кинозаголовок, синопсис, слоган, постер, трейлер кинофильма и новый тип малоформатного текста – субвидеу – «шортс» (подробнее см. [10]).

Выступая в качестве основной формы реализации кинодискурса, кинофильм является основой для создания вышеперечисленных малоформатных текстов, учитывающих его содержание. Взаимосвязь между кинофильмом как кинотекстом и ФПЕК обеспечивается посредством интертекстуальности, в том числе прямой и косвенной отсылками к содержанию кинофильма. Под интертекстуальностью мы понимаем «текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста» [11, с. 5] и позволяет «новым образом осмыслить и освоить формы эксплицитного и имплицитного пересечения двух текстов» [12, с. 49]. Под интертекстом мы вслед за французским исследователем Н. Пьеге-Гро (N. Piégay-Gros) понимаем все тексты, так или иначе нашедшие отражение в анализируемом, вне зависимости от их взаимодействия [12]. Примером прямой отсылки может быть упоминание в ФПЕК основных персонажей, сюжетной линии и различных прецедентных феноменов, фигурирующих в кинофильме. Косвенные отсылки (упоминание режиссёра и других лиц и компаний, участвующих в создании и продвижении кинофильма; указание на то, что история, положенная в основу сюжета кинопроизведения, основана на реальных событиях и др.), «опосредованно» апеллируют к семиотическому подпространству кинофильма.

Наибольшее количество элементов семиотического пространства кинофильма находят своё отражение в трейлере киноленты ввиду её полимодального содержания: в трейлере присутствуют кадры из кинофильма, на которых изображаются основные персонажи, может косвенно демонстрироваться завязка сюжета, упоминаются имена актёров, режиссёра и его команды, компании – создателя кинофильма.

Второй функционально-прагматической единицей, имеющей общие элементы с кинофильмом, является кинопостер. Постер кинофильма является

поликодовой единицей и в большинстве случаев представляет собой кадр из кинофильма или коллаж с изображением основных персонажей киноленты, а его графическая часть включает в себя имена актёров, режиссёра и его команды, логотипы компании-создателя и прокатчика (в случае с локализацией кинопостера в иной лингвокультуре) [13]. Монокодовые малоформатные тексты (кинозаголовки, синопсис и слоган кинофильма) обладают меньшей связью с семиотическим пространством кинофильма, чем поликодовые и полимодальные единицы, но являются его неотъемлемой составляющей. Синопсис кинофильма преимущественно содержит упоминание об основных персонажах киноистории, представляя потенциальному зрителю их имена и краткую характеристику. Кинозаголовок может отражать основную идею кинофильма, содержать имя главного героя или прецедентного феномена, вокруг которых построен сюжет кинофильма, и/или указывать потенциальному зрителю на жанр кинопроизведения. Наименьшей связью с содержанием кинофильма обладает его слоган, однако данная ФПЕК также может передавать жанр кинофильма или очень кратко сообщать информацию о его сюжете, например, род деятельности главных героев киноистории.

Рассмотрим подробнее связь кинофильма с его ФПЕК на примере французского кинофильма *Radin!* (2016)¹:

- *T'es toujours aussi radin?*
- Non, pas du tout.
- *J'te rappelle, hein, que tu m'as largée la veille de mon anniversaire pour pas m'offrir de cadeaux.*
- *C'est une coïncidence.*
- Ты всё ещё такой же жмот?
- Вовсе нет.
- Напоминаю тебе, хм, что ты бросил меня накануне моего дня рождения, чтобы не дарить подарок.

– Совпадение².

Данный текстовый фрагмент встречается как в кинофильме, так и в его официальном трейлере на французском языке. На примере данного фрагмента кинодиалога мы можем проследить связь между полноформатным кинотекстом и его ФПЕК в виде кинозаголовка и трейлера как в рамках прямого использования повторяющихся элементов (употребление лексемы *radin* – «жмот», вынесенной также в заголовок фильма, использование целостного смыслового отрывка из кинофильма в трейлере), так и в рамках интертекстуального взаимодействия: на примере фразы *“tu m'as largée la veille de mon anniversaire pour pas m'offrir de cadeaux”* («ты бросил меня накануне моего дня рождения, только чтобы не тратить на подарок») поясняется, почему главного героя считают жмотом.

- *Ça ne doit pas être facile tous les jours?*
- *De quoi ?*
- *Bah, avoir un père comme lui.*
- *Pourquoi vous dites ça?*
- *Il est tel mot...*
- *Tel mot quoi?*
- *Il est près de ses sous... Radin, quoi.*
- *Mon père? Radin?*³
- Должно быть, нелегко это выносить каждый день?
- Выносить что?
- Ну, иметь такого отца как он.
- А что не так?
- Его можно описать таким словом ...
- Каким словом?
- Он душу продаст за копейку ...
- Жмот, короче.
- Мой отец? Жмот?

На примере другого диалога из данного кинофильма также отметим употребление лексемы *radin* в отношении главного героя со стороны персонажей. Одновременно данный фрагмент демонстрирует интертекстуальную связь между кинозаголовком, полноформатным

¹ *Radin!* / dir. F. Cavayé. France: Jerico, TF1 Films Production, Mars Films, 2016. 89 min. Далее – *Radin!*

² Здесь и далее перевод наш – Б. А.

³ *Radin!*

кинотекстом и слоганом кинофильма “*Quand on aime on ne compte pas sauf...*” («Когда мы влюблены, мы не считаем [деньги], только если ...»), который отражает отношение главного героя к дочери (участнице приведённого ранее диалога) и к коллеге, в которую он влюблён.

Отметим, что все малоформатные тексты кинодискурса обладают определённой автономией по отношению к содержанию кинофильма, что обусловлено их рекламной направленностью и необходимостью взаимодействовать с потенциальным зрителем до выхода самого кинофильма на экраны [14]. Наибольшей автономией по отношению к кинофильму обладает его заголовок, наименьшей – трейлер кинофильма, поскольку данный малоформатный текст имеет наибольшее количество общих с полноформатным текстом (кинофильмом) элементов (в трейлере задействованы кадры из кинофильма, кратко представлены основные сюжетные линии и события, персонажи и др.). Ввиду зависимости функционально-прагматических единиц кинотекста от содержания кинофильма становится очевидным, что при отсутствии конкретного кинофильма создание малоформатных текстов к нему является невозможным: кинофильм является основой для создания ФПЕК. Следовательно, иерархически кинофильм как основная форма реализации кинодискурса находится выше функционально-прагматических единиц кинотекста.

Иерархия семиотического пространства многосерийного кинофильма

Основными компонентами семиотического пространства кинодискурса являются сами кинофильмы, с помощью которых осуществляется опосредованное взаимодействие между адресатом и адресантом. При этом допустимо говорить, что внутри такого семиотического пространства существует ряд семиотических подпространств, например, семиотиче-

ское подпространство многосерийного кинофильма (МК).

Выделение подпространства МК может быть обосновано тем, что оно включает в себя аналогичные каналы передачи информации посредством визуальных, аудиальных и изобразительных знаков, но имеет иную форму репрезентации, заключающуюся в объединённых, например, общей историей, сюжетом и персонажами кинопроизведениях. Аналогичным образом можно выделять, например, семиотическое подпространство отдельного кинофильма и подпространство «кинофильм-сериал», в случае если кинофильм и сериал обладают единой сюжетной линией.

Семиотическое подпространство МК включает в себя следующие элементы, свойственные всем или большинству частей МК: основные персонажи кинопроизведения, общая тематика и идея (замысел) авторов кинофильмов, их жанр, кинозаголовок и прецедентные феномены. К общим элементам семиотического подпространства также можно отнести: актёров, исполняющих одну и ту же роль на протяжении всего МК; локации, где происходит действие произведения; режиссёра, его команду и кинокомпанию, участвующую в создании и продвижении кинофильма на экраны страны. Последние элементы не являются обязательными для семиотического пространства МК. Многосерийность в основном свойственна художественным кинофильмам, однако в ряде случаев многосерийными могут быть и документальные кинофильмы. Так, существует серия французских документальных кинофильмов о мировых войнах: *Apocalypse: La 2ème Guerre mondiale*¹ (2009), *Apocalypse – La 1ère Guerre Mondiale*² (2014).

¹ *Apocalypse: La 2ème Guerre mondiale* / dir. D. Costelle, I. Clarke. France: France 2: RTBF: TSR, 2009 (6 episodes).

² *Apocalypse – La 1ère Guerre Mondiale* / dir. D. Costelle, I. Clarke. France, Canada: France.TV Distribution, 2014 (5 episodes).

Частным случаем рассмотрения иерархии МК может являться анализ иерархии между кинофильмом и сериалом, функционирующими в едином семиотическом подпространстве.

Для полноценного изучения иерархии семиотического подпространства МК необходимо установить соответствующую терминологию. Многосерийный кинофильм представляет собой серию связанных между собой общей сюжетной линией и основными персонажами кинофильмов, в каждом из которых в большинстве случаев принимают участие одни и те же актёры. В последние годы МК также объединяются под общим термином *кинофраншиза* – «ряд композиционно самостоятельных кинофильмов, связанных единством замысла и героями» [15, с. 6]. Первая часть МК является своего рода «базовой», основной для последующего развития киноистории. В связи с подобной функцией нами предлагается именовать данную часть МК первичным или исходным кинофильмом. Вторая часть кинофильма называется «сиквел», третья и четвёртая части многосерийного кинофильма именуются «триквелом» и «квадриклом» [16]. Сюжеты вышеперечисленных частей многосерийного кинофильма хронологически происходят после сюжета исходного кинофильма. «Приквелом» именуется продолжение многосерийного кинофильма, в котором отражены события, предшествующие событиям исходного кинофильма. «Спин-офф» выступает в качестве «ответвления» основной сюжетной линии киноистории [16]. Подобный тип кинофильма можно определить как часть МК, повествующую о второстепенных персонажах киноистории или рассказывающую ту же историю от лица другого персонажа. Спин-офф смещает акценты киноистории, выводя зрителю на передний план второстепенных героев основной сюжетной линии.

К семиотическому подпространству МК также представляется возможным

отнести т. н. «ремейк» (англ. *remake*, встречается также написание «римейк»). Ремейк представляет собой «экранный продукт, в котором фабульные, сюжетные, стилевые и композиционные фрагменты можно соотнести по признакам сходства и подобия с одним или несколькими предшествующими кино- и телепроизведениями, их смысловыми и изобразительно-звуковыми структурами» [17, с. 20].

Взаимоотношения между частями МК основаны на интертекстуальной связи внутри его семиотического подпространства. В свою очередь, данная связь реализуется при помощи вышеупомянутых элементов семиотического подпространства МК (основные персонажи, общая тематика, жанр, название и др.), подвергающихся интертекстуализации. В случае с МК в данном процессе может быть задействована как его первая часть (исходный кинофильм), так и его последующие части.

Многосерийные кинофильмы не являются «визитной карточкой» французского кинематографа: их создание во Франции в основном приходится на современный этап его развития. Количественный подсчёт, проведённый нами при помощи основного французского интернет-ресурса о кино AlloCiné¹, показывает, что МК составляют около 3% от всех кинофильмов, снятых во Франции. Тем не менее в современном французском кинематографе существуют МК, включающие в себя исходный кинофильм и его последующие части (сиквел и др.). Так, культовый французский многосерийный кинофильм «Taxi» включает в себя пять частей: *Taxi* (1998) – *Taxi 2* (2000) – *Taxi 3* (2003) – *Taxi 4* (2007) – *Taxi 5* (2018)². К его общим элементам в рамках семиоти-

¹ AlloCiné [Электронный ресурс]. URL: <https://www.allocine.fr> (дата обращения: 10.08.2024).

² Taxi (film series) [Электронный ресурс] // Wikipedia: [сайт]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Taxi_film_series (дата обращения: 10.08.2024).

ческого подпространства МК можно отнести:

- заголовок (для всех кинофильмов);
- место действия основных сюжетных событий (Франция, Марсель);

- главных героев (таксист Даниэль, полицейский Эмильен и его жена Петра (для первых четырёх частей), комиссар полиции Жильбер (для всех пяти частей, в последней части становится мэром Марселя), полицейский инспектор Ален (для всех пяти частей)) и исполняющих их роли актёров (Сами Насери, Фредерик Дифенталь, Эмма Виклунд, Бернар Фарси и Эдуар Монтут соответственно);

- сценариста и продюсера Люка Бессона (для всех пяти частей, в последней части выступает сценаристом совместно с Франком Гастамбидом и Стефаном Казанджаном; в первых четырёх частях продюсерами являются также Мишель и Лоран Петены);

- режиссёра Жерара Кравчика (для второй, третьей и четвёртой частей);

- компанию-создателя TF1 Films Production и компанию-дистрибьютора EuropaCorp Distribution (для всех частей).

В пятой части МК также содержится интертекстуальная отсылка к одному из главных героев первых четырёх частей кинофильма – таксисту Даниэлю: основным персонажем пятой части является Эдди Маклуф – племянник Даниэля. Важным прецедентным феноменом, объединяющим все части кинофильма выступает белый автомобиль такси «Пежо», принадлежавший Даниэлю, а позднее Эдди.

У кинофильма также есть ремейк – кинофильм *Taxi* (2004, в российской локализации – «Нью-йоркское такси»)¹, основанный на сюжете исходного кинофильма, сценаристом и продюсером которого также является Люк Бессон. На основе сюжета первого кинофильма французскими телеканалами TF1 и NBC

снят телесериал *Taxi Brooklyn* (2014, российская локализация – «Такси: Южный Бруклин»)².

Многосерийные кинофильмы с приквелами и спин-оффами на данный момент не получили широкого распространения во французском кинематографе. Ярким примером наличия у МК приквелов и спин-оффов является американский кинематограф. Например, кинофильм *Fantastic Beasts and Where to Find Them*³ (2016, «Фантастические твари и где они обитают») является приквелом к восьми кинофильмам о Гарри Поттере⁴, а кинофильмы *X-Men Origins: Wolverine* (2009, «Люди Икс: Начало. Росомаха») *The Wolverine* (2013, российская локализация – «Росомаха: Бессмертный»), *Logan* (2017, «Логан»), выступают в качестве спин-оффа с главным героем Логаном-Росомахой к кинофильмам про людей Икс (*X-men*)⁵.

На основе анализа, проведённого на материале 11 французских многосерийных кинофильмов, представляется возможным сделать вывод об основной роли исходного кинофильма в процессе создания последующих частей МК и его приквелов. Дальнейшее развитие сюжета и основных персонажей киноистории происходит с опорой на исходный кинофильм. Распространёнными также являются случаи последовательной опоры каждой новой части МК на его предыдущую часть. Взаимосвязь между исходным кинофильмом и последующими частями МК, а также между самими сик-

¹ *Taxi* / dir. T. Story. USA, France: EuropaCorp, Robert Simonds Productions, 2004. 104 min.

² *Taxi Brooklyn* / created by G. S. Thompson. USA; France: EuropaCorp Television, 2014 (12 episodes).

³ *Fantastic Beasts and Where to Find Them* / dir. D. Yates. UK; USA: Warner Bros. Pictures, Heyday Films, 2016. 133 min.

⁴ Гарри Поттер (серия фильмов) [Электронный ресурс] // Wikipedia: [сайт]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Гарри_Поттер_\(серия_фильмов\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Гарри_Поттер_(серия_фильмов)) (дата обращения: 10.08.2024).

⁵ Люди Икс (кинофраншиза) [Электронный ресурс] // Wikipedia: [сайт]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Люди_Икс_\(кинофраншиза\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Люди_Икс_(кинофраншиза)) (дата обращения: 10.08.2024).

велями проявляется при помощи внешних и внутренних интертекстуальных элементов. Внешние интертекстуальные элементы частей МК не затрагивают его сюжета: к ним относятся одинаковые персонажи частей МК, актёры, режиссёр и его команда, продюсер, компания-создатель и компания-дистрибьютор, схожие названия каждой из частей кинофильма и совпадающие по семантической составляющей слоганы кинопроизведений. Внутренние интертекстуальные элементы непосредственно соотносятся с сюжетом МК: развитие истории и характера персонажей МК в каждой из его частей, одинаковые локации, в которых происходит действие кинофильма (город, страна), ключевые фразы, повторяющиеся в каждой из его частей.

Исходный кинофильм и последующие части МК связаны между собой отношениями *очерёдности*, *преемственности* и *интертекстуальности*. С точки зрения внутренней иерархичности МК исходный кинофильм будет являться элементом более высокого порядка по отношению к последующим частям, поскольку вторая и последующие части МК создаются с учётом сюжета и персонажей первой части. Следовательно, существование второй и последующей частей кинофильма без исходного кинофильма становится невозможным. Каждая последующая часть МК будет являться элементом более низкого порядка по отношению к предыдущей. В свою очередь, приквел как часть МК, сюжетно предшествующая исходному кинофильму, является элементом более низкого уровня по отношению к нему, поскольку создание приквела как кинофильма полностью основывается на первой части кинофильма и без неё также является невозможным. Говоря о сопоставлении приквела со второй и последующими частями многосерийного кинофильма, можно отметить отсутствие иерархических отношений между ними, поскольку данные части МК не пересекаются между собой по сюжету, несмотря

на возможное присутствие общих интертекстуальных элементов (персонажи, актёры и др.). Спин-офф, представляющий развитие истории второстепенного персонажа основного сюжета, находится в иерархических отношениях с теми частями кинофильма, в которых по сюжету присутствует основной персонаж спин-оффа. В данном случае спин-офф является элементом более низкого порядка по сравнению с основными сюжетными частями МК, поскольку первоначально основной персонаж спин-оффа впервые появляется в основной сюжетной линии многосерийного кинофильма. Создание спин-оффа без частей основной сюжетной линии кинофраншизы также становится невозможным. В схожих отношениях по отношению к основной сюжетной линии МК находится и ремейк. Ремейк представляет собой элемент более низкого уровня по отношению к той части МК, по образу которой он создан, поскольку ремейк не может создаваться без исходного кинофильма или одной из частей МК.

Частным случаем внутренней иерархии кинодискурса можно также считать иерархические отношения между кинофильмом и сериалом, которые тоже могут функционировать в едином семиотическом подпространстве. При определении иерархии данных элементов кинодискурса целесообразно отталкиваться от первичного продукта: в случае, если кинофильм является основой для сериала, в котором происходит развитие сюжетной линии, истории главных героев и др., кинофильм является иерархическим элементом более высокого порядка. В свою очередь, если после выхода на телеэкраны популярного сериала с его героями снимается кинофильм, иерархическим элементом более высокого уровня оказывается сериал.

Иерархию семиотического подпространства многосерийного кинофильма можно представить в виде схемы (см. рис. 1).

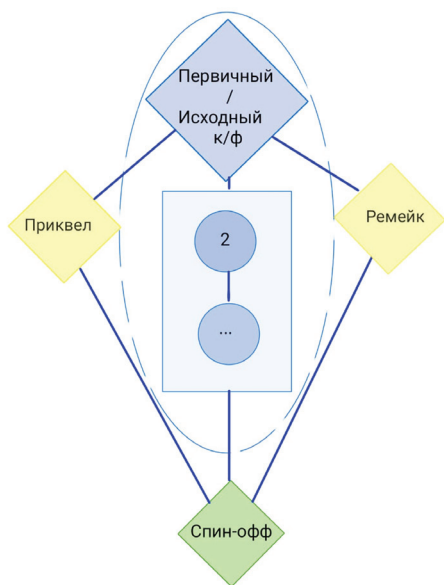

Рис. 1 / Fig. 1. Иерархия семиотического пространства многосерийного кинофильма / Hierarchy of the semiotic space of a multi-part film

Источник: составлено автором.

Особенности иерархии малоформатных текстов кинодискурса как класса функционально-прагматических единиц

Рассмотрение внутренней иерархии дискурса также возможно путём изучения иерархии внутри значимых классов единиц, составляющих конститутивную основу того или иного типа дискурса. Нами предлагается проанализировать подобный аспект внутренней иерархии на примере класса функционально-прагматических единиц кинотекста (ФПЕК), к которым мы относим кинозаголовки, синопсис, слоган, постер, трейлер кинофильма и субвидеому *шортс*. Структурно данные единицы представляют собой малоформатные тексты кинодискурса прагматической направленности, основной задачей которых является привлечение к просмотру конкретного кинофильма как можно большего числа зрителей.

Их особенностью является функционирование до непосредственного по-

явления на экраны самого кинофильма. Следовательно, выявление иерархии внутри данного класса единиц возможно на основании анализа двух параметров (в порядке значимости): автономности каждой функционально-прагматической единицы кинотекста от кинофильма и этапа её создания в процессе производства самого кинофильма. На основании выделенных параметров кинозаголовков может быть определён как ключевая ФПЕК. Кинозаголовок является важной семантико-семиотической доминантой кинопроизведения [18, с. 168], занимающая центральное место в поликодовой структуре кинофильма [19, с. 25]. Данный элемент обладает автономией по отношению к содержанию кинофильма вследствие его способности вызвать у потенциального зрителя определённые ассоциации, провоцируя его на ответные действия, в т. ч. просмотр кинофильма и положительную / отрицательную реакцию на него [20, с. 31]. Кинозаголовок создаётся вместе с замыслом кинофильма (иногда название кинофильма может быть предварительным и видоизменяться в процессе его создания), а его появление предшествует самому кинофильму как целостному продукту и остальным ФПЕК (синопсису, слогану, шортс, постеру и трейлеру кинофильма).

Вторым элементом в иерархической структуре класса ФПЕК являются синопсис и постер кинофильма. Синопсис предоставляет потенциальному зрителю краткую информацию о сюжете кинофильма и затрагиваемых в нём идеях, вопросах и проблемах, выполняя прагматическую, информационную и аттрактивную функции. Под термином «синопсис» в данном исследовании понимается малоформатный текст, целью которого является краткое описание кинофильма, в связи с чем в понятие синопсиса нами также включается и появившийся позднее термин «логлайн», выполняющий схожие функции. Синопсис составляется после названия кинофильма и в боль-

шинстве случаев соответствует тональности кинозаголовка. Данное положение возможно проиллюстрировать на примере синопсиса кинофильма *Aocalypse – La 1ère Guerre Mondiale*¹ (дословный перевод «Апокалипсис – Первая мировая война»). В заголовке кинофильма чётко прослеживается отрицательное отношение создателей произведения к Первой мировой войне как феномену (апокалипсис как конец мира). Отрицательный посыл поддерживается и в синопсисе кинофильма, тональность которого соответствует кинозаголовку. Идея войны как отрицательного феномена передаётся в синопсисе кинофильма при помощи эмоционально-окрашенных лексем: *sacrifice d'une génération entière* (жертва / самопожертвование целого поколения), *un conflit assez cruel* (настолько жестокий / бесчеловечный конфликт), *supporter cette horreur pendant quatre longues années* (выносить подобный ужас / жестокость на протяжении четырёх долгих лет) – и риторических вопросов, из которых полностью состоит данный малоформатный текст.

Зависимость синопсиса от заголовка кинофильма также можно проследить на примере локализованных ФПЕК. Так, нейтральный по содержанию исходный синопсис французского кинофильма *Les profs*² (2013, примерный дословный перевод – «Преподы») при локализации в российском прокате адаптирован под содержание локализованной версии кинозаголовка «Безумные препода». В локализованном синопсисе³ использован разговорный стиль речи с вкраплениями сниженной лексики (учащиеся старшего класса – редкие *бездельники* и *раздолбай*;

десант *сумасбродных преподав*; *брутальный качок* Эрик; *сексипильная шоколадка* Амина; *отвязная толстуха с бензопилой* Глэдис; *безобидный отморозок* в костюме Наполеона Полошон; *пофигист* Кутиро).

Другим примером адаптации синопсиса под кинозаголовки при локализации малоформатных текстов кинодискурса является потеря концепта, содержащегося в исходном синопсисе. Так, трансформация заголовка кинофильма *Rémi sans famille*⁴ (2018, дословный перевод – «Реми без семьи») в русскоязычном прокате на «Приключения Реми»⁵, характеризующаяся заменой концепта FAMILLE / СЕМЬЯ на концепт AVENTURE / ПРИКЛЮЧЕНИЕ, одновременно повлекла за собой замену перечисленных концептов и в локализованном синопсисе кинофильма.

Кроме того, синопсис не обладает существенной автономией от содержания кинофильма, что связано с выполнением им задачи по ознакомлению потенциального зрителя с сюжетной линией кинопроизведения [14].

На одном уровне иерархии с синопсисом находится постер кинофильма. Подобно синопсису, кинопостер может дать представление о жанровой составляющей и основной сюжетной линии фильма. Афиша может обладать высокой смысловой нагрузкой, предоставляя потенциальному зрителю информацию о сюжете кинопроизведения, основных персонажах, актёрском и режиссёрском составах. Поликодовая структура кинопостера участвует в формировании в сознании реципиента целостных образов, связанных с конкретным кинофильмом [13]. Создание современного кинопостера происходит значительно позднее создания кинозаголовка, поскольку в его

¹ *Aocalypse – La 1ère Guerre Mondiale* [Электронный ресурс] // AlloCiné: [сайт]. URL: https://www.allocine.fr/series/ficheserie_gen_cserie=17334.html (дата обращения: 20.08.2024).

² *Les Profs* [Электронный ресурс] // AlloCiné: [сайт]. URL: https://www.allocine.fr/film/fichefilm_gen_cfilm=210211.html (дата обращения: 20.08.2024).

³ *Безумные препода* (2013) [Электронный ресурс] // Кинопоиск: [сайт]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/693979> (дата обращения: 20.08.2024).

⁴ *Rémi Sans Famille* [Электронный ресурс] // AlloCiné: [сайт]. URL: https://www.allocine.fr/film/fichefilm_gen_cfilm=255265.html (дата обращения: 20.08.2024).

⁵ *Приключения Реми* (2018) [Электронный ресурс] // Кинопоиск: [сайт]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/1108571> (дата обращения: 20.08.2024).

структуру входит сам кинозаголовок, а в иконической составляющей присутствует кадр или коллаж из кинофильма, появляющийся в ходе его производства. Кинопостер не обладает полной автономией по отношению к содержанию кинофильма, поскольку представляет потенциальному зрителю большое количество информации, связанной с семиотическим подпространством кинофильма.

Ко второму уровню иерархии ФПЕК также относится слоган кинофильма. Ключевые характеристики слогана детерминируют его специфику в семиотическом подпространстве кинофильма: в большинстве случаев слоган функционирует не обособленно, а в составе синопсиса или постера кинофильма. Частным случаем самостоятельного функционирования слогана кинофильма является его размещение на интернет-сайтах, посвящённых кино, в отдельной графе «слоган / слоган кинофильма» на интернет-странице с описанием кинофильма. Взаимодействие слогана и синопсиса происходит при помощи выступления слогана в качестве эхо-фразы в синопсисе или посредством интертекстуального взаимодействия между данными ФПЕК. В последнем случае слоган может резюмировать в себе основную мысль, заложенную в синопсисе. Взаимодействие слогана и кинопостера происходит при помощи функционирования слогана в качестве элемента графической составляющей последнего, т. е. изображения слогана на постере. Отметим, что существуют случаи, когда у кинофильма отсутствует слоган или он не входит в состав синопсиса или постера.

Слоган создаётся на этапе, последующем за написанием сценария и наименованием кинофильма и, следовательно, после создания кинозаголовка. Слоган обладает полной автономией по отношению к содержанию кинофильма, поскольку является в большей степени рекламным продуктом, который направлен на продвижение кинопроизведения в прокате.

Третьим уровнем иерархии класса ФПЕК является трейлер кинофильма. Трейлер является малоформатным текстом, который характеризуется «мульти-модальным форматом, специфической структурой представления содержания и особой стилистикой в целях воздействия на оценочную и интерпретационную деятельность реципиента информации» [21, с. 38]. Иерархически трейлер восходит к синопсису и постеру, представляя собой ФПЕК, осуществляющую более детальную передачу информации реципиенту за счёт своей аудио-визуальной природы. Интертекстуальное взаимодействие синопсиса и трейлера заключается в представлении потенциальному зрителю завязки сюжета. В свою очередь, интертекстуальность между постером и трейлером реализуется в случае, если иконической составляющей кинопостера является кадр из трейлера кинофильма.

Трейлер составляется после кинозаголовка и включает в себя упоминание о названии кинофильма. Мы предполагаем, что постер и трейлер кинофильма являются ФПЕК более позднего генеза по сравнению с кинозаголовком, синопсисом и слоганом кинофильма, поскольку они являются поликодовыми и полимодальными единицами, которые содержат кадры из самого кинофильма. Трейлер кинофильма не обладает автономией по отношению к его содержанию, поскольку в структуру трейлера входят различные элементы семиотического подпространства кинопроизведения: кадры из фильма, его название, основные персонажи и завязка сюжета, информация об актёрском и режиссёрском составах, слоган, дата выхода фильма. Именно полное отсутствие автономности трейлера от содержания кинофильма обуславливает более высокое положение синопсиса и постера к трейлеру в иерархии класса ФПЕК.

На последнем уровне иерархии класса ФПЕК находятся субвидеомы шортс, рилс и клип, являющиеся полимодальными интердискурсивными единицами,

ориентированными на демонстрацию реципиенту фрагмента кинофильма (как правило, отдельной сцены или нарезки из кадров) с целью его постпрокатного представления [10]. Шортс создаётся после выхода кинофильма, поскольку в нём используется полноценная сцена из кинопроизведения, что существенно отличает шортс от трейлера, включающего «набор разрозненных эпизодов кинофильма» [там же, с. 2396]. Следовательно, шортс является ФПЕК наиболее позднего генеза. Шортс также может содержать кинозаголовки и (реже) слоган кинофильма в виде подписи к демонстрируемому фраг-

менту. Шортс не обладает автономией по отношению к содержанию кинофильма, поскольку в структуру шортс входит полноценная сцена из кинопроизведения.

Представим иерархию класса ФПЕК в виде схемы (см. рис. 2).

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить внутреннюю иерархию французского кинодискурса как семиотического пространства. Его внутренняя иерархия основана на взаимоотношении кинофильма и функционально-прагматических единиц кинотекста, при котором полноформатный текст оказывается элементом иерархии более высокого уровня ввиду зависимости ФПЕК от содержания кинофильма.

Иерархия семиотического подпространства многосерийного кинофильма основана на отношениях очерёдности, преемственности и интертекстуальности между исходным кинофильмом и последующими частями многосерийного кинофильма, которые опираются на исходный кинофильм с точки зрения сюжетной линии и общих основных персонажей.

Иерархия класса ФПЕК выявлена нами на основании параметров автономности единицы по отношению к содержанию кинофильма и этапам её создания в процессе производства самого кинофильма. На основании выделенных параметров первый уровень иерархии занимает кинозаголовок, второй уровень отводится синопсису, постеру и слогану кинофильма. Третий и четвёртый уровни занимают, соответственно, трейлер кинофильма и шортс, не обладающие автономией по отношению к содержанию кинофильма.

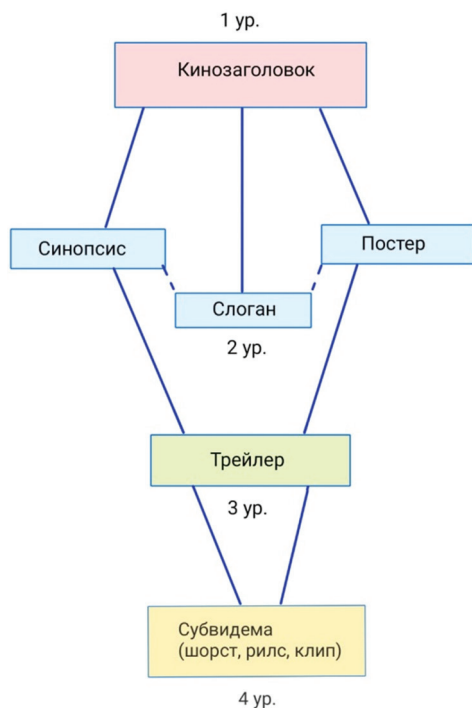

Рис. 2 / Fig. 2. Иерархия класса ФПЕК кинодискурса / Hierarchy of the FPEK class of film discourse

Источник: составлено автором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pitkin W. L. Hierarchies and the Discourse Hierarchy // *College English*. 1977. Vol. 38. No. 7. P. 648–659. DOI: 10.2307/376067.
2. Stoll P. Sequence and hierarchy in discourse organization // *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*. 1996. No. 9. P. 119–131. DOI: 10.14198/raei.1996.9.08.
3. Grosz B. J., Sidner C. L. Attention, Intentions, and the Structure of Discourse // *Computational Linguistics*. 1986. Vol. 12. No. 3. P. 175–204.
4. Dachkovsky S., Stamp R., Sandler W. Mapping the body to the discourse hierarchy in sign language emergence // *Language and Cognition*. 2023. Vol. 15. Iss. 1. P. 53–85. DOI: 10.1017/langcog.2022.25.
5. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // *Вопросы языкознания*. 2009. № 2. С. 3–21.
6. Безруков А. Н. Художественный дискурс: вариант оценки, структура, грани иерархии // *Начала Русского мира*. 2024. № 1. С. 38–42.
7. Красина Е. А. К интерпретации понятия *дискурс* // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2004. № 6. С. 5–8.
8. Покровская Н. В. Исследование кинодискурса в зарубежной лингвистике начала XXI века // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15. № 3. С. 936–941. DOI: 10.30853/phil20220149.
9. Зарецкая А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 22 с.
10. Анисимов В. Е., Анисимова Е. Д. Шортс, рилс и клип как субвидеа интернет-, кино- и медиадискурса // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024. Т. 17. № 7. С. 2386–2398. DOI: 10.30853/phil20240340.
11. Кристева Ю. Семиотика. М.: Изд-во МГУ, 1970. 218 с.
12. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр., общ. ред., вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: ЛКИ, 2008. 240 с.
13. Анисимов В. Е. Структурно-прагматические особенности постера кинофильма (на материале французского кинодискурса) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024. Т. 17. № 1. С. 184–192. DOI: 10.30853/phil20240027.
14. Анисимов В. Е. Интертекстуальные параметры малоформатных текстов французского кинодискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 24 с.
15. Романчук Л. А., Дябина В. Н. Способы, принципы и механизмы создания киномифа // *Universum: филология и искусствоведение*. 2023. № 9 (111). С. 4–12. DOI: 10.32743/UniPhil.2023.111.9.15941.
16. Леонова Т. А. «Продолжение» как способ реализации принципа серийности в экранном искусстве // *Universum: филология и искусствоведение*. 2022. № 8 (98). С. 4–7.
17. Пархоменко Я. А. Художественная природа ремейка в контексте современного экранного искусства: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2011. 31 с.
18. Максименко О. И., Подлегаева Е. П. Проблема перевода названий мультисемиотических текстов (на примере переводов названий серий мультсериала «Смешарики» на английский язык) // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Лингвистика. 2019. № 2. С. 167–175. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-2-167-175.
19. Александрова О. И., Красина Е. А., Рыбинок Е. С. Прецедентные феномены кинотекста: название художественного фильма в аспекте перевода // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2019. № 5. С. 22–33. DOI: 10.20339/PhS.5-19.022.
20. Горшкова В. Е. Название фильма как единица перевода и составляющая образа-смысла // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета*. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. № 10. С. 26–37.
21. Вохрышева Е. В. Структурно-семантические характеристики англоязычного трейлера как малоформатного кинотекста // *Актуальные проблемы педагогики и психологии (Самара)*. 2022. № 1 (3). С. 36–43. DOI: 10.55000/APPiP.2022.79.24.006.

REFERENCES

1. Pitkin, W. L. (1977). Hierarchies and the Discourse Hierarchy. In: *College English*, 38 (7), 648–659. DOI: 10.2307/376067.
2. Stoll, P. (1996). Sequence and hierarchy in discourse organization. In: *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*, 9, 119–131. DOI: 10.14198/raei.1996.9.08.
3. Grosz, B. J. & Sidner, C. L. (1986). Attention, Intentions, and the Structure of Discourse. In: *Computational Linguistics*, 12 (3), 175–204.
4. Dachkovsky, S., Stamp, R. & Sandler, W. (2023). Mapping the body to the discourse hierarchy in sign language emergence. In: *Language and Cognition*, 15 (1), 53–85. DOI: 10.1017/langcog.2022.25.
5. Kibrik, A. A. (2009). Modus, genre and other parameters of discourse classification. In: *Topics in the Study of Language*, 2, 3–21 (in Russ.).
6. Bezrukov, A. N. (2024). Artistic discourse: valuation option, structure, facets of hierarchy. In: *Beginnings of the Russian World*, 1, 38–42 (in Russ.).
7. Krassina, E. A. (2004). Towards interpretation of discourse as a concept. In: *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Linguistics*, 6, 5–8 (in Russ.).
8. Pokrovskaia, N. V. (2022). Film Discourse Study in Foreign Linguistics at the Beginning of the 21st Century. In: *Philology. Theory & Practice*, 15 (3), 936–941. DOI: 10.30853/phil20220149 (in Russ.).
9. Zaretskaya, A. N. (2010). *Features of the implementation of subtext in film discourse* [dissertation]. Chelyabinsk (in Russ.).
10. Anisimov, V. E. & Anisimova, E. D. (2024). Shorts, reels and clip as a subvidema of Internet, film and media discourse. In: *Philology. Theory & Practice*, 17 (7), 2386–2398. DOI: 10.30853/phil20240340 (in Russ.).
11. Kristeva, Ju. (1970). *Semeiotike. Recherches pour une semanalyse*. Moscow: Moscow State University publ. (in Russ.).
12. Piégay-Gros, N. (2008). *Introduction à L'intertextualité*. Moscow: LKI publ. (in Russ.).
13. Anisimov, V. E. (2024). Structural and pragmatic features of the film poster (based on the material of the French film discourse). In: *Philology. Theory & Practice*, 17 (1), 184–192. DOI: 10.30853/phil20240027 (in Russ.).
14. Anisimov, V. E. (2021). *Intertextual parameters of small-format texts of French film discourse* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
15. Romanchuk, L. A. & Dyabina, V. N. (2023). Methods, principles and mechanisms of creating a cinemamyth. In: *Universum: philology and art history*, 9 (111), 4–12. DOI: 10.32743/UniPhil.2023.111.9.15941 (in Russ.).
16. Leonova, T. A. (2022). “Continuation” as a way to implement the principle of seriality in screen art. In: *Universum: philology and art history*, 8 (98), 4–7 (in Russ.).
17. Parkhomenko, Ya. A. (2011). *Artistic nature of remake in the context of modern screen art* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
18. Maksimenko, O. I. & Podlegaeva, E. P. (2019). Translation problem of multisemiotic texts names (translation of the animated series “Smeshariki” into English). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2, 167–175. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-2-167-175 (in Russ.).
19. Alexandrova, O. I., Krasina, E. A. & Rybinok, E. S. (2019). Precedent phenomena of a film text: feature film title in the terms of translation. In: *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 5, 22–33. DOI: 10.20339/PhS.5-19.022 (in Russ.).
20. Gorshkova, V. E. (2014). Film title as a unit of translation and a unit of image-sense. In: *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 10, 26–37 (in Russ.).
21. Vokhrysheva, E. V. (2022). Structural and semantic characteristics of the English trailer as a small format cinematic text. In: *Actual Problems of Pedagogy and Psychology (Samara)*, 1 (3), 36–43. DOI: 10.55000/APPiP.2022.79.24.006 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анисимов Владислав Евгеньевич (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
<https://orcid.org/0000-0002-6006-3965>; e-mail: anisimov.vladislav.95@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Vladislav E. Anisimov (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of French, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
<https://orcid.org/0000-0002-6006-3965>; e-mail: anisimov.vladislav.95@mail.ru

Научная статья

УДК 811.112.2'36

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-1-112-121

ТАКСИСНЫЕ ФУНКЦИИ ПРЕДЛОЖНЫХ ДЕВЕРБАТИВОВ РУССКОГО ЯЗЫКА И ИХ ИТАЛЬЯНСКИХ СООТВЕТСТВИЙ

Архипова И. В.

Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск,

Российская Федерация

e-mail: irarch@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.10.2024

После доработки 03.12.2024

Принята к публикации 04.12.2024

Аннотация

Цель данной работы состоит в выявлении таксисных функций аффиксальных и безаффиксных девербатов акциональной семантики в русском и итальянском языках.

Процедура и методы. В статье проанализированы русские девербаты на *-ние/-ение, -тие/-ие, -ка* и безаффиксные имена. В итальянском языке им соответствуют девербаты на *-aggio/-eggio, -enza, -o, -zione/-sione, -ta*. При употреблении с темпоральными предлогами в обоих языках девербаты реализуют таксисные функции одновременности и разновременности. В ходе исследования применялись гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный и контекстуальный методы.

Результаты. Выявлено, что русские и итальянские акциональные девербаты с темпоральными предлогами реализуют таксисные функции одновременности, предшествования и следования.

Теоретическая и практическая значимость. В статье исследуются таксисные функции акциональных девербатов русского языка и их итальянских соответствий. Результаты исследования вносят некоторый вклад в теорию таксиса и могут быть использованы в курсе преподавания сравнительной типологии русского (родного) и итальянского языков в высшей школе.

Ключевые слова: девербаты, предложные девербаты, итальянские соответствия, темпоральные предлоги, таксисные функции

Для цитирования:

Архипова И. В. Таксисные функции предложных девербатов русского языка и их итальянских соответствий // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 1. С. 112–121. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-112-121>.

Original research article

TAXIS FUNCTIONS OF RUSSIAN PREPOSITIONAL DEVERBATIVES AND THEIR ITALIAN CORRESPONDENTS

I. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

e-mail: irarch@yandex.ru

Received by the editorial office 31.10.2024

Revised by the author 03.12.2024

Accepted for publication 04.12.2024

Abstract

Aim. To describe the taxis functions of affixed and non-affixed deverbatives of actional semantics in Russian and Italian.

Methodology. The article analyzes Russian deverbatives ending in *-ние/-ение, -тие/-ие, -ка* and non-affixed names. In Italian, they correspond to deverbatives ending in *-aggio/-eggio, -enza, -o, -zione/-sione, -ta*. When used with temporal prepositions in both languages, deverbatives implement the taxis functions of simultaneity and non-simultaneity. The study used hypothetic-deductive, inductive, descriptive and contextual methods.

Results. The study revealed that Russian and Italian actional deverbatives with temporal prepositions implement the taxis functions of simultaneity, precedence and following.

Research implications. The article examines the issue of taxis functions of actional deverbatives of the Russian language and their Italian equivalents. The results of the study make some contribution to the theory of taxis. The results of the study can be used in a course teaching comparative typology of Russian (native) and Italian languages in higher education.

Keywords: deverbatives, prepositional deverbatives, Italian equivalents, temporal prepositions, taxis functions

For citation:

Arkhipova, I. V. (2025). Taxis functions of Russian prepositional deverbatives and their Italian correspondents. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, 121–121. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-112-121>.

Введение

Исследованию девербативов русского языка посвящены труды ряда современных отечественных лингвистов (см. работы И. В. Архиповой [1–3], Е. Н. Гавриловой [4], Н. Г. Долженко [5], А. В. Лемова [6], В. Н. Мусатова [7], А. В. Меликсетяна [8], А. А. Сандуцы, О. В. Трофимовой [9; 10], А. А. Халидова [11] и др.).

Работы по изучению девербативов романских языков, в частности итальянского языка, среди лингвистических исследований отсутствуют. Таксисная

семантика итальянских девербативов, в том числе в сравнительно-типологическом (в сопоставлении с русским языком) и переводческом аспектах, к сожалению, не находит своего должного освещения в лингвистической литературе, что обусловливает актуальность настоящего исследования.

В фокусе исследования – таксисные функции акциональных девербативов русского языка и их итальянских соответствий, входящих в состав высказываний с темпоральными конструкциями.

Результаты

В работе рассматриваются акциональные девербативы русского языка, употребляемые с темпоральными предложениями и реализующие таксисные функции одновременности и разновременности. К ним относятся аффиксальные девербативы на *-ние/-ение, -тие/-ие, -ка*, а также безаффиксные имена. В итальянском языке им соответствуют акциональные девербативы на *-aggio/-eggio, -enza, -o, -zione/-sione, -ta* (см. табл. 1).

Эмпирический материал был получен методом направленной выборки из параллельного русско-итальянского подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ)¹ и контекстного словаря Reverso Context (RC)². Было обследовано 1490 высказываний с русскими и итальянскими предложными девербативами.

При проведении исследования применялись следующие общенаучные и

лингвистические методы: направленной выборки, гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный и контекстуальный.

Таксисные функции предложных девербативов на *-ние/-ение* и их итальянских соответствий

Русским предложным девербативам на *-ние/-ение* в итальянском языке соответствуют отглагольные имена на *-o, -sione/-zione, -ta*, употребляемые с темпоральными предложениями (см. табл. 2).

В качестве эквивалентов темпоральных предлогов русского языка (*во время, в течение, при, после, до, перед*) в итальянском языке выступают предлоги *all', con, durante, mentre, prima, dopo* (см. табл. 3).

Русским предложом с семантикой одновременности соответствуют итальянские предлоги *all', con, durante, mentre* (см. табл. 4).

Таблица 1 / Table 1

Русские и итальянские девербативы / Russian and Italian deverbatives

Русские девербативы	Итальянские девербативы
на <i>-ние/-ение, -тие/-ие, -ка</i>	<i>-aggio/-eggio, -enza, -o, -zione/-sione, -ta</i>

Таблица 2 / Table 2

Итальянские соответствия русских девербативов на *-ние/-ение* / Italian equivalents of Russian deverbatives ending in *-ние/-ение*

Русские девербативы	Итальянские девербативы
на <i>-ние/-ение</i>	на <i>-o, -sione/-zione, -ta</i>

Таблица 3 / Table 3

Темпоральные предлоги русского и итальянского языков / Temporal prepositions of Russian and Italian languages

Темпоральные предлоги русского языка	Темпоральные предлоги итальянского языка
<i>во время, в течение, при, после, до, перед</i>	<i>all', con, durante, mentre, prima, dopo</i>

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.09.2024). Далее – НКРЯ.

² Reverso Context [Электронный ресурс]. URL: <https://context.reverso.net/перевод> (дата обращения: 30.09.2024). Далее – RC.

Таблица 4 / Table 4

Темпоральные предлоги с семантикой одновременности в русском и итальянском языках / Temporal prepositions with the semantics of simultaneity in Russian and Italian languages

Темпоральные предлоги с семантикой одновременности в русском языке	Темпоральные предлоги с семантикой одновременности в итальянском языке
<i>во время, в течение, при</i>	<i>all', con, durante, mentre</i>

Русским предлогам с семантикой разновременности соответствуют итальянские предлоги *prima* и *dopo* (см. табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

Темпоральные предлоги с семантикой разновременности в русском и итальянском языках / Temporal prepositions with the semantics of non- simultaneity in Russian and Italian languages

Темпоральные предлоги с семантикой разновременности в русском языке	Темпоральные предлоги с семантикой разновременности в итальянском языке
<i>перед, до, после</i>	<i>prima, dopo</i>

При употреблении с темпоральными предлогами акциональные девербативы на *-ние/-ение* реализуют таксисные значения одновременности, предшествования и следования, например:

(1) А главное, любого здесь могут вызвать на этап и через пару часов **после его появления в камере** (Г. Демидов)¹. – *Senza contare che da un momento all'altro poteva essere trasferito, anche appena un paio d'ore **dopo l'arrivo.***

(2) Аналогичным образом сошли на нет разговоры о бойкотировании Чемпионата мира по футболу в России в 2018 году (в стиле Олимпиады 1980 года в Москве **после её вторжения в Афганистан**) (С. Модео). – *Così come sono rientrate le ombre di boicottaggio su Russia 2018 (in stile Mosca 1980 **dopo l'invasione dell'Afghanistan**)².*

(3) **После вхождения Эстонии в состав СССР** её территория сократилась: к 1957 году республика потеряла Ивангород и Печоры (Д. Дмитриев). – *Con l'annessione dell'Estonia all'Unione Sovietica, i confini «ugro-finnici» furono ulteriormente ridotti ulteriormente quando le città di Ivangorod e Pečory divennero territori russi (1957)³.*

(4) **С появлением наборной печати** в последние десятилетия XV в. и в первые десятилетия XVI в. в основных итальянских центрах книгопечатания, начиная с Флоренции до появления Савонаролы, а затем в Венеции в годы кризиса гегемонии этого лагунного города постоянно имели хождение старые и новые пророческие тексты на латыни и на народном языке;

футболу в стране-континенте, создавшей свой лучший футбол в самые мрачные годы (ИноСМИ, 2018) // НКРЯ.

¹ Георгий Демидов. Оборванный дуэт (1973) | Georgi Demidov. Il Duetto interrotto (Francesca Fici, 2018) // НКРЯ.

² Sandro Modeo. Russia 2018: via ai Mondiali nel Paese-continente, che creò il suo calcio più bello negli anni più cupi / Corriere della Sera (13.06.2018) | Сандро Модео. Россия 2018: начало Чемпионата мира по

³ Денис Дмитриев. ФСБ опубликовала новые основы пограничной политики. С какими странами у России есть конфликты из-за границ? (Помимо Украины и Японии) (23.01.2018) | Denis Dimitriev. Il FSB ha pubblicato i nuovi principi della politica di confine della Russia. Con quali paesi la Russia è in conflitto per i confini? (Simone Ferroni, 2018) // НКРЯ.

среди них были «Откровения» («Revelationes») Мефодия Патарского (Р. Рускони). – **Con l'introduzione della stampa a caratteri mobili negli ultimi decenni del secolo XV e nei primi decenni del secolo XVI, nei principali centri della stampa in Italia, da principio a Firenze, prima degli anni savonaroliani, e successivamente a Venezia negli anni della crisi dell'egemonia della città lagunare, furono ripetutamente messi in circolazione testi profetici vecchi e nuovi, in latino e in volgare: tra cui le Revelationes attribuite a Metodio da Patara**¹.

В примерах (1–4) девербативы акциональной семантики на *-ние/-ение* – *вхождение, появление, вторжение* – употребляются с темпоральным предлогом *после*. Вышеназванным предложным девербативам в итальянском языке соответствуют имена на *-o, -sione, -ta* с темпоральными предлогами *dopo* и *con* (см. имена *visita, annessione, arrive, invasion, introduzione*).

Как в русских, так и в итальянских высказываниях (примеры 1–4) предложные девербативы демонстрируют способность актуализовать таксисные значения следования. В русском языке значения таксиса строгого следования маркированы темпоральным предлогом *после*. Сопоставляемые действия девербатива и глаголов характеризуются чёткой отграниченностью их временных контуров. В качестве переводных эквивалентов русских предложных девербативов в итальянском языке обнаружены конструкции с двумя предлогами *dopo* и *con*.

В следующих высказываниях с русским девербативом *появление* с темпоральными предлогами *при, до, после* и итальянским девербативом *apparizione* с предлогами *all', prima, dopo* реализованы таксисные значения одновременноности (см. пример 5), предшествования (см. пример 6) и следования (см. пример 7):

(5) **При внезапном появлении хозяина театра всё онемело** (К. Коллоди). – **All'apparizione inaspettata del burattinaio, ammutolirono tutti; nessuno fiatò più**².

(6) **Вот на что был похож мир до появления интернета** (RC). – **Ecco com'era il mondo prima dell'arrivo di internet**.

(7) **Готический стиль появился после появления высшей математики** (RC). – **Lo stile gotico apparve dopo l'avvento della matematica superiore**.

Таксисные функции русских девербативов на *-mie/-ie* и их итальянских соответствий

Русским девербативам на *-mie/-ie* в итальянском языке соответствуют отглагольные имена на *-o, -sione, -zione*, употребляемые с темпоральными предлогами (см. табл. 6).

Девербативы на *-mie/-ie* (*прибытие, отплытие, взятие* и др.), употребляемые с темпоральными предлогами (как и их итальянские соответствия на *-o* и *-zione/-sione*), участвуют в актуализации таксисных категориальных значений. Например:

(8) **Сразу же *по прибытии*, после обеда, когда почти все отправились спать, он вышел из дома на прогулку** (Д. Буцц-

Таблица 6 / Table 6

Итальянские соответствия русских девербативов на *-тие/-ие* / Italian equivalents of Russian deverbatives ending in *-tie/-ie*

Русские девербативы	Итальянские девербативы
на <i>-mie/-ie</i>	на <i>-o, -sione/-zione</i>

¹ Roberto Rusconi. Il ruolo delle profezie nella storia tra Medioevo e Rinascimento (2013) | Роберто Рускони. Роль пророчества в истории: от средневековья к возрождению (А. О. Дёмин) // НКРЯ.

² Carlo Collodi. Pinocchio (1883) | Карло Коллоди. Приключения Пиноккио (Э. Казакевич, 1959) // НКРЯ.

то). – *Appena giunto, dopo colazione, quasi tutti gli altri essendo andati a dormire, egli uscì da solo a fare una passeggiata*¹.

(9) *Тотчас по прибытии в Москву* Юрий Андреевич наведлся в Сивцев, старый дом, в который, как он узнал, его близкие, проездом через Москву, уже больше не заезжали (Б. Пастернак)². – *Subito dopo il suo arrivo a Mosca, Jurij Andrèevich s'era fatto vedere al vicolo Sivcev, nella vecchia casa, dove, come seppe, i suoi, di passaggio a Mosca, non si erano neppure recati*.

В высказываниях (8–9) русскому девербативу *прибытие* с темпоральным предлогом *по* соответствуют два девербатива с предлогом *dopo*, маркирующим значение следования сопоставляемых действий – *dopo colazione* и *dopo arrive*. В обоих языках актуализованы таксисные категориальные значения следования.

Таксисные функции русских девербативов на -ка и безаффиксных девербативов и их итальянских соответствий

Русским девербативам на *-ка* в итальянском языке могут соответствовать различные аффиксальные имена (на *-o, -sione/-zione, -aggio, -enza*), например: *поездка* – *viaggio, partenza* – *отъезд, arrive* – *приезд* (см. табл. 7).

В следующих примерах русским предложным девербативам *во время поездки* соответствуют итальянские предложные девербативы *durante un viaggio*:

(10) *Я встретил её во время поездки* (RC). – *L'ho incontrata durante un viaggio*.

(11) *Однажды в пятницу после поездки он позвонил мне* (RC). – *Dopo il viaggio, un venerdì ricevetti una chiamata da lui*.

(12) *Одна доза даётся непосредственно перед поездкой* (RC). – *Una dose viene somministrata immediatamente prima del viaggio*.

В приведённых выше высказываниях русского и итальянского языков актуализованы таксисные категориальные значения одновременности, следования и предшествования. Маркерами таксиса одновременности выступают русский темпоральный предлог *во время* и итальянский предлог *durante*. Маркерами таксиса следования являются предлоги *после* и *dopo*, а маркерами таксиса предшествования – предлоги *перед* и *prima*.

Русским безаффиксным девербативам в итальянском языке могут соответствовать аффиксальные девербативы на *-o, -sione/-zione, -aggio, -enza*.

Безаффиксные девербативы русского языка (*приезд, отъезд, прилёт, вылет* и др.) в составе высказываний с темпоральными предложениями *во время, с, после, до, перед* проявляют способность к актуализации таксисных функций одновременности и разновременности. Например:

(13) *С приездом начальника началась беготня, суeta, все смущались, все сбивали друг друга с ног, иные обдергивались, опасаясь, что они не довольно хороши как есть, чтоб показаться начальнику* (И. Гончаров)³. – *All'arrivo del capo cominciava una grande confusione, tutti correivano qua e là intralciandosi a vicenda*,

Таблица 7 / Table 7

Итальянские соответствия русских девербативов на -ка / Italian equivalents of Russian deverbatives ending in -ka

Русские девербативы	Итальянские девербативы
на -ка	на -o, -sione/-zione, -aggio, -enza

¹ Dino Buzzati. Il borghese stregato (1942) | Дино Буццати. Очарованный буржуа (Р. Хлодовский) // НКРЯ.

² Борис Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955) | Boris Pasternak. Il dottor Zivago (Pietro Zveteremich) // НКРЯ.

³ Иван Гончаров. Обломов (1849–1858) | Ivan Goncarov. Oblomov (Argia Michettoni) // НКРЯ.

alcuni si rassettavano l'abito nel timore di non essere abbastanza presentabili.

В высказывании (13) с темпоральным предлогом с употреблён девербатив *приезд*. Предлог *с* указывает на совместное начало сопоставляемых, нечётко отграниченных друг от друга действий (девербатива и глаголов), в силу чего актуализуется таксисное значение нестрогого следования. В качестве переводного эквивалента в итальянском языке мы обнаруживаем предложный девербатив *all'arrivo* с предлогом *all'*, который, в свою очередь, также указывает на совпадение индивидуальных времён соотносимых между собой действий.

В высказываниях (14–15) реализованы таксисные значения строгого следования, маркируемые русским и итальянским темпоральными предлогами *после* и *dopo*. Последние указывают на чёткую временную делимитацию соотносимых между собой действий:

(14) *На десятый день после приезда в город Кити заболела* (Л. Н. Толстой)¹. – *Dieci giorni dopo il suo arrivo nella cittadina, Kitty si ammalò.*

(15) *Нинка кое-что знала про тьму, у неё были три суицидальные попытки: одна в ранней юности, вторая после отъезда Алика из России и третья уже здесь, после рождения мёртвого ребёнка...* (Л. Улицкая)². – *Nina ne sapeva qualcosa di tenebre, aveva alle spalle tre tentativi di suicidio: uno durante la prima giovinezza, il secondo dopo la partenza di Alik dalla Russia e il terzo già qui, dopo aver dato alla luce un bambino morto.*

В качестве переводных эквивалентов русских предложных девербатов *после приезда в город, после отъезда Алика из России* выступают предложные деверба-

тивы *dopo il suo arrivo nella cittadina, dopo la partenza di Alik dalla Russia.*

Высказываниям с русскими безаффиксными девербативами *отъезд, приезд* соответствуют высказывания с итальянскими отглагольными именами *partenza, arrivo*. В обоих языках девербативы с темпоральными предлогами *перед, до* и *prima* участвуют в актуализации таксисных категориальных значений предшествования. Ср.:

(16) *Я видел эти деньги. Их ввели перед самым нашим отъездом из Москвы* (Б. Пастернак)³. – *Li avevano messi in circolazione a Mosca poco prima della nostra partenza.*

(17) *Каждая квартира тщательно убирается перед приездом квартиросъёмщика* (RC). – *L'appartamento sarà pulito prima dell'arrivo di ogni inquilino.*

(18) *За две недели до отъезда Ханс сообщил эту новость матери и друзьям и попросил их не связываться с ним в течение следующих двенадцати лет* (RC). – *Un paio di settimane prima della partenza, informò la madre e gli amici delle sue intenzioni, chiedendo loro di non contattarlo per dodici anni.*

Результаты количественного анализа русских и итальянских предложных девербатов в функции таксисных актуализаторов

В ходе проведённого количественного анализа было выявлено, что наиболее частотными эквивалентами русских предложных девербатов на *-ние/-ение* в итальянском языке являются предложные девербативы на *-sione/-zione* (68,9%). Менее частотные эквиваленты – итальянские девербативы на *-o* (31,1%) (см. рис. 1).

В качестве наиболее частотных эквивалентов русских предложных девербатов на *-тие/-ие* в итальянском языке выступают предложные девербативы на

¹ Л. Н. Толстой. Анна Каренина (ч. 5-8) (1873–1877) | Lev Tolstoj. Anna Karenina (p. 5-8) (Maria Bianca Luporini) // НКРЯ.

² Людмила Улицкая. Весёлые похороны (1997) | Ljudmila Ullickaja. Funeral party (Emanuela Guercetti) // НКРЯ.

³ Борис Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955) | Boris Pasternak. Il dottor Zivago (Pietro Zvetseremich) // НКРЯ.

-sione/-zione (65,9%). Наименее частотны итальянские девербативы на -o (34,1%) и (см. рис. 2).

Наиболее частотными эквивалентами русских предложных девербативов на

-ка и безаффиксных имён в итальянском языке являются предложные девербативы на -sione/-zione (55,1%). Менее частотны имена на -o (27,4%) и -enza (17,5%) (см. рис. 3).

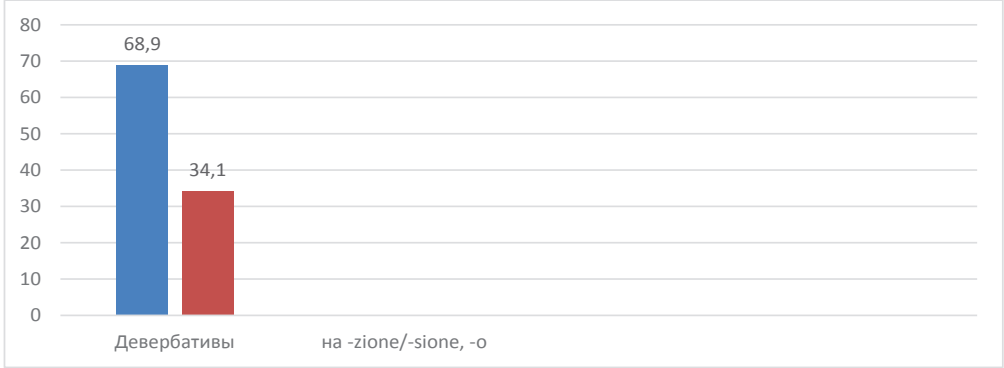

Рис. 1 / Fig. 1. Итальянские соответствия русским девербативам на -ние/-ение / Italian equivalents to Russian deverbatives ending in -ние/-ение

Рис. 2 / Fig. 2. Итальянские соответствия русским девербативам на -тие/-ие / Italian equivalents to Russian deverbatives ending in -тие/-ие

Рис. 3 / Fig. 3. Итальянские соответствия русским девербативам на -ка и безаффиксным именам / Italian Correspondences to Russian -ka Deverbatives and Non-Affixed Names

Заключение

Акциональные девербативы русского языка, относящиеся к деривационным моделям на *-ние/-ение, -тие/-ие, -ка*, а также безаффиксные имена входят в состав предложных конструкций с темпоральными предлогами *при, с, во время, после, до, по, перед*.

Русским девербативам на *-ние/-ение, -тие/-ие, -ка* соответствуют итальянские девербативы на *-aggio/-eggio, -enza, -o,*

-zione/-sione, -ta. В качестве эквивалентов темпоральных предлогов русского языка *при, во время, с, после, до / перед* выступают предлоги *a (al, all'), durante, prima, dopo, con*.

При употреблении с темпоральными предлогами русские и итальянские девербативы акциональной семантики участвуют в реализации таксисных категориальных значений одновременности, предшествования и следования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова И. В. Функциональный потенциал таксисных актуализаторов (на материале русских предложных девербативов) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 6–13. DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-6-13.
2. Архипова И. В. Таксисные актуализаторы в английском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 30–37. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-30-37.
3. Архипова И. В. Таксисные функции девербативных существительных русского языка (на материале высказываний с предложными конструкциями) // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 33–39. DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-33-39.
4. Гаврилова Е. Н. Проявление процессуальной лексической тождественности девербативов в семантико-грамматическом аспекте // Современное общество: проблемы, идеи, инновации. 2015. № 4. С. 116–119.
5. Долженко Н. Г. Имя действия в системе событийной лексики: пересекаемость глагольной и именной лексики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2005. № 11 (51). С. 105–110.
6. Лемов А. В. О функциональной синонимии суффиксов *-ниј-, -к(а)* в именах действия русского языка // Современный учёный. 2020. № 3. С. 183–186.
7. Мусатов В. Н. Словообразовательная полисемия отглагольных суффиксальных существительных в современном русском языке: монография; 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2019. 448 с.
8. Меликетян А. В. Причины распространения девербативов в современном русском языке // Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике: материалы Международной научно-практической конференции. Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2015. С. 101–105.
9. Сандуца А. А. Русские отглагольные существительные XVIII века (словообразовательный и функциональный аспекты) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2. № 3. С. 93–106. DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-3-93-106.
10. Трофимова О. В., Сандуца А. А. Русские отглагольные существительные XVIII века в словаре, тексте и корпусе (экспериментально-стилистический аспект) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1. № 1. С. 57–68.
11. Халидов А. А. Семантическое соотношение имён действия и их производящих основ в русском языке // Lingua-Universum. 2019. № 2. С. 3–8.

REFERENCES

1. Arkhipova, I. V. (2022). Functional Potential of Taxis Actualizers (Based on the Material of Russian Prepositional Deverbatives). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 5, 6–13. DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-6-13 (in Russ.).
2. Arkhipova, I. V. (2022). Taxis actualizer in English. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2, 30–37. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-30-37 (in Russ.).

3. Arkhipova, I. V. (2023). Taxis Functions of Deverbative Nouns of Russian Language (Based on Statements with Prepositional Constructions). In: *Russian Studies in Philology*, 5, 33–39. DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-33-39 (in Russ.).
4. Gavrilova, E. N. (2015). Manifestation of procedural lexical identity of deverbatives in the semantic-grammatical aspect. In: *Modern society: problems, ideas, innovations*, 4, 116–119 (in Russ.).
5. Dolzhenko, N. G. (2005). The name of an action in the system of event vocabulary: the intersection of verbal and nominal vocabulary. In: *Bulletin of South Ural State University. Series "Linguistics"*, 11 (51), 105–110 (in Russ.).
6. Lemov, A. V. (2020). On the functional synonymy of suffixes -ний -, -к(а) in the names of actions of the Russian language. In: *Modern Scientist*, 3, 183–186 (in Russ.).
7. Musatov, V. N. (2019). *Word-formation polysemy of verbal suffixal nouns in modern Russian*. Moscow: Flinta publ. (in Russ.).
8. Meliksetyan, A. V. (2015). The reasons for wide application of deverbatives in modern Russian. In: *Russian language at the crossroads of eras: traditions and innovations in Russian studies*. Yerevan: Russian-Armenian (Slavonic) University publ., pp. 101–105 (in Russ.).
9. Sandutza, A. A. (2016). "Russian Verbal Nouns of the XVIII Century: Derivational and Functional Aspects". In: *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 2 (3), 93–106. DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-3-93-106 (in Russ.).
10. Trofimova, O. V. & Sandutza, A. A. (2015). Russian verbal nouns of the XVIII century in the dictionary, text and corpus: experimental and stylistic aspects. In: *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 1 (1), 57–68 (in Russ.).
11. Khalidov, A. I. (2019). Semantic correlation names actions and their manufacturing bases in Russian language. In: *Lingua-Universum*, 2, 3–8 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Архипова Ирина Викторовна (г. Новосибирск) – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германских языков Новосибирского государственного педагогического университета;

<https://orcid.org/0000-0002-0685-335X>; e-mail: irarch@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Arkhipova (Novosibirsk) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of Roman and German Languages, Novosibirsk State Pedagogical University;

<https://orcid.org/0000-0002-0685-335X>; e-mail: irarch@yandex.ru

Научная статья

УДК 81`373:811.112.2

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-1-122-134

КОНЦЕПТ НЕИМАТ (РОДИНА) В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ АФОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Есмурзаева Ж. Б.^{1*}, Новикова Е. В.²

¹ Омский государственный технический университет, г. Омск, Российская Федерация

² Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина, г. Омск, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: yesmurzaeva@mail.ru

Поступила в редакцию 19.07.2024

Принята к публикации 14.08.2024

Аннотация

Цель – выявление и описание особенностей репрезентации концепта НЕИМАТ (РОДИНА) в современном немецкоязычном афористическом дискурсе.

Процедура и методы. В работе используется когнитивно-дискурсивный подход. Проведены лексико-семантический и контекстуальный анализ, когнитивная интерпретация 106 афоризмов современных немецкоязычных авторов.

Результаты. В немецкоязычном афористическом дискурсе актуализированы только две смысловые доминанты из трёх, зафиксированных в лексикографических источниках. Репрезентированы локальный и темпоральный признаки концепта НЕИМАТ. Превалирует понятие «внутренней, духовной» Родины. Восприятие Родины зависит от возраста человека. Образная составляющая концепта представлена метафорическим переносом «Родина для человека – почва для растения».

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявление признаков базовых концептов в афористическом дискурсе позволит внести вклад в лингвокультурологические и когнитивные исследования национальных картин мира.

Ключевые слова: афоризм, афористический дискурс, концепт НЕИМАТ (РОДИНА), концептуальный признак, лексикографические источники, лингвокультура

Для цитирования:

Есмурзаева Ж. Б., Новикова Е. В. Концепт НЕИМАТ (РОДИНА) в современном немецкоязычном афористическом дискурсе // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 1. С. 122–134. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-122-134>.

Original research article

CONCEPT HEIMAT (HOMELAND) IN THE CONTEMPORARY GERMAN APHORISTIC DISCOURSE

Zh. Esmurzaeva^{1*}, E. Novikova²

¹Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

²Omsk State Agrarian University named after P. A. Stoplypin, Omsk, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: yesmurzaeva@mail.ru

Received by the editorial office 19.07.2024

Accepted for publication 14.08.2024

Abstract

Aim. To identify and describe the representation peculiarities of the concept HEIMAT in the modern German aphoristic discourse.

Methodology. A combination of cognitive and discourse approaches as well as a linguocultural analysis of language units was used in the data analysis. A total of 106 samples were taken from the modern German authors (the second half of XX – the beginning of XXI centuries).

Results. According to the analysis, only two semantic dominants out of three recorded in lexicographical sources are actualized in the German aphoristic discourse. Local and temporal features of the HEIMAT concept are represented. The concept of the “inner, spiritual” homeland prevails. The perception of the homeland depends on a person’s age. The figurative component of the concept is represented by the metaphorical transfer “homeland for a person is a soil for growth.”

Research implications. These findings may help us to understand different linguocultures and allow determining the peculiarities of the national pictures of the world.

Keywords: aphorism, aphoristic discourse, concept HEIMAT (HOMELAND), conceptual feature, lexicographic sources, linguoculture.

For citation:

Esmurzaeva, Zh. B. & Novikova, E. V. (2025). Concept HEIMAT (HOMELAND) in the contemporary German aphoristic discourse. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, 122–134. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-122-134>.

Введение

В современных условиях понятие ‘родина’ становится особенно актуальным, поскольку вызывает у многих людей беспокойство за сохранение своей идентичности, принадлежности к определённом месту и общности. Динамика восприятия отражает изменения в общественном сознании, где глобализация, миграционные потоки и новые формы мобильности создают вызовы и возможности для индивидов и общества в целом. «Новое кочевничество» возможно станет ключевым для понимания современных трансформаций, влияющих на отношение людей к своей родине [1, p. 102].

При исследовании концепта HEIMAT (РОДИНА) в немецкой лингвокультуре необходимо учитывать исторические и политические факторы: продолжительная территориальная раздробленность, стремление подчёркивания индивидуальности, преодоление негативных коннотаций, связанных с идеологией нацизма, объединение двух Германий (ГДР и ФРГ). В разные исторические периоды смысловая наполняемость концепта варьировалась от родного дома и тоски по нему до «немецкой родины» как государства. Появление сложных существительных в немецком языке, содержащих компонент Heimat (Heimatismuseen,

Heimatromane и др.), отражают разнообразные аспекты повседневной жизни и культурного наследия. Некоторые из них сложны для точного перевода на русский язык из-за своей специфики и местного контекста [2, с. 219].

Несмотря на аксиологическую значимость концепта РОДИНА, изучение его репрезентаций в немецком афористическом дискурсе не проводилось. В связи с этим работа по выявлению концептуальных признаков, актуализируемых в немецких афоризмах, видится перспективной и позволит внести вклад в лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные исследования национальных картин мира.

Целью данной работы выступают выявление и описание особенностей репрезентации концепта НЕИМАТ (РОДИНА) в современном немецкоязычном афористическом дискурсе.

Исходя из цели мы определили задачи исследования, а именно:

1. Анализ семантики и этимологии слов – имён концепта НЕИМАТ (РОДИНА).
2. Определение структурных особенностей афоризмов, посвящённых Родине.
3. Выявление особенностей (объективации признаков концепта РОДИНА) функционирования лексем-номинантов концепта в немецких афоризмах.

Обзор литературы

Изучение концептов в российских лингвистических исследованиях в русле когнитивистики, лингвокультурологии и дискурсивного анализа проводились Е. С. Кубряковой, Н. Д. Арутюновой, А. Вежицкой, В. Н. Телией, И. А. Стерниним и З. Д. Поповой, В. А. Масловой, Ю. С. Степановым, Д. С. Лихачёвым, С. Г. Воркачевым, В. И. Карасиком и др. Выявление понятийного, образного и аксиологического компонентов концептов через методы вышеуказанных направлений позволяет определить семантику слов, репрезентирующих концепт, его национально-культурную специфику и

его функционирование в тексте как в завершённом или продолжающемся «про-дукте» коммуникативного действия, его письменном или речевом результате, «который интерпретируется реципиентами» [3, с. 455].

Исследование афоризмов как целостных текстов малого формата, обладающих особым семиотическим и коммуникативным статусом, расширяет наше понимание их роли в формировании языковой картины мира отдельного этноса и афористического дискурса. Выделяемые исследователями особенности – общезначимость, экспрессивность и информативная плотность – делают их уникальными в коммуникативном плане [4, с. 131]. Реализация концептов в афористическом дискурсе с разных точек зрения позволяет раскрыть их многогранный характер и важность в контексте языка и коммуникации.

Поскольку в понятии '*родина*' актуализирована общественно-историческая практика людей и подытожен опыт, накопленный за многовековую историю существования нации, оно является сложным и многогранным и, соответственно, теснейшим образом связано как с этническим самосознанием, так и с государственной идеологией. Несмотря на универсальность указанного концепта и его генеративность он имеет национально-специфические черты [5; 6; 7]. Культурная значимость описываемого концепта на материале разных языков продолжает «мысль о том, что концепт имеет "слоистое" строение, и разные слои являются результатом культурной жизни разных эпох» [8, с. 218]. «Будучи воплощённым в слове или реализованным в предложении/высказывании, концепт имеет распространённые ассоциативные связи, несёт в себе ценностные характеристики и является важным культурным узлом, отражает определённую часть языковой картины мира» [9, с. 160]. При этом образная составляющая концептов может различаться у представителей одной и той

же лингвокультуры и формировать индивидуально-авторскую картину мира. Так, исследование концепта РОДИНА как части поэтической картины мира русских писателей и поэтов позволяет выделить в его структуре понятийные, метафорические и архетипические уровни, а также определить концептуальные поля с определёнными когнитивными характеристиками [10; 11; 12]. Сопоставительные исследования на материале паремиологического фонда разных языков выявляют широкое ассоциативно-семантическое поле концепта, который может быть репрезентирован имплицитно [4–9].

Обзор литературы и результаты проведённых нами ранее исследований позволяют рассматривать концепт НЕИМАТ (РОДИНА) как лингвокультурное явление, обладающее выраженной этноспецификой [12]. Зафиксированные в лексикографических источниках значения формируют ядро концепта, включающее понятия и ключевые смыслы, характерные для определённой лингвокультуры. Образная составляющая состоит из «наглядно-чувственного представления (“мыслительной картинки”, перцептивного образа), а также комбинации концептуальных метафор, выводимых носителем языка из сочетаемости имени, объективирующего концепт в языке» [13, с. 56]. При лингвокультурологическом исследовании образный и эмоционально-оценочные компоненты тесно переплетаются, поскольку оценочные суждения зачастую обусловлены эмоциональным состоянием авторами высказывания. Оценочный компонент указывает на значимость концепта как для отдельного человека, так и для сообщества, в котором этот индивидуум существует.

По мнению лингвистов, одной из функций языка является афористическая, достоинством которой является способность обратить наше внимание на значение слова, так как язык – это эталон, формирующий мышление [14, р. 2269]. Афоризм воспринимается как

особый текст, обладающий своей уникальной лингвостилистической и жанровой спецификой. Традиционно афоризмы рассматриваются как суждения, отличающиеся краткостью, философским содержанием и законченностью в выражении мысли. Они часто сохраняют индивидуальный стиль и оттенок автора, а также имеют образную форму. В своей работе С. К. Башиева и М. Ч. Шогенова говорят о том, что «афоризмы информативны, экспрессивны, ситуативны и влияют на сознание людей своей идейностью и перспективностью, дают основание для их использования в общении как средство оценки и способ самовыражения» [15, р. 96]. Поскольку афоризм содержит в себе значительное количество информации о традициях, ценностях, особенностях восприятия мира и менталитете различных языковых сообществ, анализ афоризмов с использованием когнитивно-прагматического и лингвокультурологического подходов позволит более глубоко понять культурный контекст и особенности языка [4, с. 131].

К наиболее характерным функциям афоризма относят: моделирующую (афоризм как модель жизненной ситуации), регулятивную (ориентирована на регулирование как собственного поведения, так и поведения собеседника), экспрессивную, ценностную и поучительную [16, с. 83]. Лингвистически релевантными признаками афоризма, по мнению Е. Е. Иванова, являются: «сверхсловность, однофразовость, обобщённость (значения), номинативность, дискурсивная автономность, текстовая форма, воспроизводимость, устойчивость, идиоматичность, выразительность (словесной формы)» [17]. Общеизвестность, экспрессивность, информативная плотность (сжатость), выявленные в процессе стилистического анализа и метода лингвистической интерпретации текста, позволяют описать коррелятивные связи логико-семантического и языкового аспектов в афоризме как особом типе текста. В рамках когнитив-

но-прагматического подхода возможно выявить особенности афоризмов, отражающих специфику мышления и коммуникативных стратегий этноса и организующих афористический дискурс, а также «языковую картину мира, обусловленную ментальностью этноса и языковой личностью» [4, с. 131].

По мнению С. Г. Воркачева, несмотря на многолетние и многочисленные исследования дискурса, на сегодня отсутствует единое универсальное определение термина и, как следствие, наблюдается невозможность «однопризнаковой классификации его разновидностей. Определение вида дискурса проводится на основе пересекающихся признаков, при этом выбор обусловлен предметом и методами исследования» [18, с. 17]. Афористический дискурс в данной работе будет рассматриваться как особый вид бытийного дискурса (охватывает все сферы жизнедеятельности человека), характеризующийся жанровой спецификой и тематической соотносённостью (концепт РОДИНА) [5; 8; 9; 16]. Афористический дискурс может быть индивидуально-авторским языковым воплощением, поскольку часто имеет автора, с одной стороны [10; 11; 19]. С другой – национально-культурные особенности восприятия мира зафиксированы в национальных словарях или имплицитно в языковом сознании [5; 8; 9].

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили 106 афоризмов немецкоязычных авторов, выбранные из 371 афоризма по теме “Heimat” (Родина) “Vaterland” (Отечество) “Heimweh” (тоска по Родине). Для исследования были отобраны афористические высказывания, которые принадлежат только немецкоязычным авторам второй половины XX – начала XXI вв. Источником иллюстративного материала является сайт aphorismen.de¹.

Исследование проводилось в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы. В работе использовались лексико-семантический анализ, контекстуальный анализ, когнитивная интерпретация, описательный метод.

Результаты и дискуссия

На начальном этапе исследования мы провели анализ семантики и этимологии слов – имён концепта, поскольку традиционной формой аккумуляции информации о семантическом объёме языковых единиц является их лексикографическое описание в лингвистических словарях. В немецком языковом сознании концепт РОДИНА представлен в виде двух ключевых лексем *Vaterland* и *Heimat* [5, с. 140].

Этимологический анализ *Heimat* – ahd. heimoti; mhd. heimôte, heimote, heimôt, heimuôt позволяет утверждать, что основа данной лексемы – *heim* (дом) индогерманского происхождения (срав. англ. *home*)². Связь между лексемами *Heim* и *Haus* очень тесная, корень *heim* имеет общегерманское происхождение, и его основное значение *Haus, Wohnstätte oder Ort, wo einer zu Hause ist* – «дом, место проживания, место, где чувствуешь себя как дома» (здесь и далее перевод авторов – Ж. Е., Е. Н.).

В словаре Я. и В. Гриммов, изданном в XIX в., представлены следующие значения слова *Heimat*:

1) das land oder auch nur der landstrich, in dem man geboren ist oder bleibenden aufenthalt hat (страна или часть страны, в которой человек родился или находится продолжительное время);

2) der geburtsort oder ständige wohnort (место рождения или постоянное место жительства);

3) selbst das elterliche haus und besitzthum heisst so, in Baiern (в Баварии применимо к родительскому дому, к владениям);

¹ Aphorismen. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aphorismen.de> (дата обращения 15.07.2024).

² Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 24. Auflage. Berlin – New York: Walter Gruyter Verl., 2002. S. 402.

4) *Heimat* in freierer anwendung (Родина в свободном употреблении: в поэзии, в устойчивых выражениях и т. д.)¹.

Таким образом, в этимологии лексемы *Heimat* отражена индогерманская основа **heim* (в значении 'дом'), и её «культурная память» определяет ориентацию на «место, где чувствуешь себя как дома» для немецкого языкового сознания.

Что касается лексемы *Heimat*, в современных словарях немецкого языка она имеет два основных значения:

Значение 1. Дом или место, где чувствуешь себя как дома.

Значение 2. Место происхождения чего-либо².

Т. е. для немца Родина – это страна или часть страны, где он родился и вырос или где он благодаря постоянному пребыванию чувствует себя как дома. В словарной статье дана помета «часто эмоционально окрашенное», что указывает на архиважность данного понятия для немецкой лингвокультуры. Родина также – это страна происхождения, возникновения не только человека, но и животного, растения, изделия, техники.

Лексема *Vaterland* в современном немецком языке функционирует намного реже, чем *Heimat*. О разной языковой релевантности этих слов свидетельствуют данные электронного словаря Лейпцигского университета (33701 пример с лексемой *Heimat* и только 723 с лексемой *Vaterland*)³. В словаре DWDS указано 19790 примеров употребления *Vaterland*,

122598 *Heimat*⁴. Лексикографическое описание лексемы *Vaterland*, представленное в словаре Я. и В. Гриммов, фиксирует значение 'земля, собственность отца, которую получаешь в наследство' – *Vaterland ist vielleicht in erster bedeutung der vom vater besessene acker, der als väterliches erbe mir zu fällt*. Значение же 'земля, где жил отец и к которой я отношусь' появилось позднее. В отличие от современных словарей здесь представлено ещё одно значение лексемы *Vaterland* как синонима *Heimat* – родина животных, растений⁵.

Словарь Duden даёт следующее определение слову *Vaterland*: *Land, aus dem man stammt, zu dessen Volk, Nation man gehört, dem man sich zugehörig fühlt; Land als Heimat eines Volkes*⁶. Т. е. для немца отечество – страна отцов, это страна, где он родился, к народу и нации которой он принадлежит. Дается с пометой «возвышенное, часто эмоционально окрашенное». В словаре DWDS дано следующее определение "*Land, in dem man geboren, aufgewachsen ist, Heimatland*"⁷ – Страна, в которой родился, вырос, родная страна.

Интересным представляется определение лексемы *Vaterland* из словаря 1978 г.: *Vaterland – das innerhalb territorialer Abgrenzung gegebene, durch den Klassencharakter des Staates geprägte politische, kulturelle und soziale Milieu des Lebens eines Volkes*⁸. К понятиям *народ* и *нация* прибавляется территориальное ограничение, политический, культурный и социаль-

¹ Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm [Электронный ресурс]. URL: <http://dwb.uni-trier.de/de> (дата обращения 15.07.2024).

² См.: *Heimat* // Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Herausgegeben von Ruth Klappenbach und Wolfgang Steinitz. Berlin: Akademie – Verl., 1978. B. 5. S. 4012; *Heimat* // Duden. Deutsches Universal Wörterbuch A–Z. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 1989. S. 680; *Heimat* [Электронный ресурс] // DWDS: [сайт]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 15.07.2024).

³ Wortschatz-Portal der Universität Leipzig. [Электронный ресурс]. URL: <http://wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 15.07.2024).

⁴ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 15.07.2024).

⁵ См.: *Vaterland* [Электронный ресурс] // Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. URL: <http://dwb.uni-trier.de/de> (дата обращения: 15.07.2024).

⁶ См.: *Vaterland* // Duden. Deutsches Universal Wörterbuch A–Z. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 1989. S. 1628.

⁷ См.: *Vaterland* [Электронный ресурс] // DWDS: [сайт]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 15.07.2024).

⁸ См.: *Vaterland* // Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Herausgegeben von Ruth Klappenbach und Wolfgang Steinitz. Berlin: Akademie – Verl., 1978. B. 5. S. 4012.

ный уровень жизни народа, обеспеченный классовым характером государства. Идеология государства находит своё отражение в определении данного понятия.

Таким образом, анализ лексикографических источников, позволяет сформулировать следующие смыслы понятия Родины, репрезентированные лексемами *Heimat* и *Vaterland*:

1. Дом или место, где чувствуешь себя как дома.

2. Место происхождения чего-либо.

3. Страна отцов, принадлежность к народу, к единой нации.

На следующем этапе работы мы выявили особенности понятийной, образной и эмоционально-оценочной составляющих концепта НЕИМАТ (РОДИНА) в немецкоязычном афористическом дискурсе.

В процессе анализа языкового материала нами отмечены определённые структурные особенности афоризмов, в состав которых входят лексемы-номинанты концепта НЕИМАТ (РОДИНА). Так, большинство афоризмов представляют собой попытки авторов дать дефиницию этому сложному и многомерному понятию, например: *Heimat ist etw./jmand.* (Родина это что-либо, кто-либо) или *Etw./Jmnd. ist Heimat, Heimat kann ... sein* (Родина может быть) *Heimat nennt man* (Родиной называют), *Heimat bedeutet* (Родина значит).

Афоризмы представляют собой повествовательные предложения, в состав которых входят разные типы придаточных: *Die ganze Welt ist Heimat, wenn du in deinem Herzen wohnst*¹ (Весь мир – это Родина, если ты живёшь своим сердцем). В нашей выборке представлены лишь единичные примеры афоризмов в форме вопросительных предложений и один пример побудительного: *Was wäre die große Welt ohne kleine Stück Erde, was uns Heimat ist?* (Что значил бы этот мир без маленького кусочка земли, который является нашей

родиной?) *Gehe in die Welt, um zu erfahren, was Heimat ist* (Иди в мир, чтобы узнать, что такое родина). Такое оформление афоризмов свидетельствует о том, что основной авторской интенцией, когда речь идёт о Родине, является намерение донести до адресата свою оригинальную, соответствующую современным реалиям трактовку этого значимого для человека понятия.

Отметим также большое количество афористических высказываний, которые содержат описание человека или ситуации, имеющей отношение к Родине, например: *Es gibt keine schlimmere Untat, als die Heimat zu beschädigen, die jemand im Herzen trägt* (Нет худшего проступка чем нанести вред Родине, которую каждый носит в сердце).

Понятийная составляющая концепта НЕИМАТ (РОДИНА) актуализирует зафиксированное в лексикографических источниках значение «дом или место, где чувствуешь себя как дома». Репрезентантами являются следующие лексемы: *das Land* (страна), *der Ort* (место), *die ganze Welt* (целый мир), *Gefängnis* (заточение), *Zuflucht* (приют, пристанище), *dort* (там), *dorthin* (туда), *klein* (маленький), *eng* (тесный), *grenzenlos* (безграничный). В афоризмах данной группы понятийный компонент имеет ярко выраженные эмоционально-оценочные коннотации. Прослеживается тесная связь между понятиями 'чувство', 'душа', 'разум' и 'Родина'. Родина, по мнению афористов, находится у человека в голове, в сердце, например: *Heimat ist da, wo man sein Herz verloren hat* (Родина там, где потерял своё сердце); *Zuhause ist, wo das Herz eine Heimat findet* (Дом там, где сердце нашло Родину); *Wer seine Heimat in seinem Kopf nicht findet, findet sie nirgendwo* (Кто не нашёл Родину в своей голове, не найдёт её нигде).

Понятие "духовной" Родины, которая больше связана с внутренними переживаниями, чем с фактическим местом проживания человека, является преваляющим в немецком афористиче-

¹ Здесь и далее источник иллюстративного материала: Aphorismen [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aphorismen.de> (дата обращения: 15.07.2024).

ском дискурсе, например: *Selbst gewählte Einsamkeit ist die seelische Heimat außer halb der Gesellschaft*. (Выбранное самостоятельно одиночество – это духовная Родина вне общества); *Wenn Menschen in ihrer Seele eine Heimat finden, sind sie überall zu Hause* (Когда люди находят Родину в своей душе, они везде чувствуют себя как дома).

Локальный признак концепта репрезентирован афоризмами, в которых Родина понимается как место, откуда можно уехать и куда можно вернуться. При этом отмечается, что значимость Родины человек осознаёт только на чужбине, например: *Heimat erkennt und schätzt der Mensch meist erst im Ausland*. (Человек познаёт и ценит родину чаще всего только за границей); *Nirgends leuchtet die Heimat so hell wie im Exil* (Нигде родина не сияет так ярко как в изгнании); *Heimat entsteht in der Fremde* (Родина возникает на чужбине).

Значимым фактором восприятия Родины как определённого места являются люди: *Heimat ist der Ort, der in unseren Freunden liegt* (Родина – это место, которое находится в наших друзьях). Родина – это и сам человек, например: *Meine Heimat bin ich selbst, der Rest wird sich daran zu gewöhnen haben* (Моя родина – это я сам, остальным нужно к этому привыкнуть). Однако Родина может быть и одиночеством: *Einsamkeit ist ehrliche Heimat, aber auch so eng* (Одиночество – это настоящая родина, но и здесь слишком тесно).

Родиной также может быть место, где человек выполняет свою работу: *Wo meine Aufgabe ist, ist meine Heimat* (Где моё задание, там моя Родина). Данный афоризм интересно перекликается с известным русским фразеологизмом *где родился, там и пригодился*, точнее – противоречит ему.

Авторы афоризмов обращаются к сложности, противоречивости, нереальности данного понятия, пытаются определить, где же находится Родина: *Licht und*

Dunkelheit: zwischen den Gegensätzen findet sich Heimat (Свет и темнота: между противоречиями находится родина); *Diese Welt ist nicht unsere Heimat; sie ist nur eine Zwischenstation. Unsere wahre Heimat liegt bei Gott* (Этот мир не наша родина; он всего лишь промежуточная станция. Наша настоящая родина у бога).

В анализируемом материале отмечено всего два примера, в которых Родина понимается как географическое место с определённой природой: *Was wäre die große Welt ohne kleine Stück Erde, was uns Heimat ist?* (Что значил бы этот мир без маленького кусочка земли, который является нашей родиной?); *Seine Heimat hat man dort gefunden, wo man die Jahreszeit am Duft erkennt und dabei eine Gänsehaut bekommt* (Родиной находишь там, где время года определяешь по запаху и при этом по коже бегут мурашки).

Поскольку жизнь современного человека немыслима без цифровых устройств, то интересным представляется афоризм, транслирующий идею взаимосвязи родины и сотового телефона: *Das Handy wird zu einem Stück Heimat, das man mit auf Reisen nimmt und so verhindert, dass wir uns weiter von Zuhause entfernen, als wir noch ertragen können* (Сотовый становится частью Родины, который берут с собой в путешествие и, таким образом, препятствуют тому, чтобы удаляться от дома дальше, чем мы можем выдержать).

Родина как место, где человек чувствует себя как дома дополняется в афоризмах дополнительными темпоральными признаками. Они актуализируются посредством лексем *nie, nicht mehr, immer, Vergangenheit, Jugend, Kindheit, Alter* (никогда, никогда больше, всегда, прошлое, юность, детство, возраст). Подчёркивается, что восприятие Родины связано с возрастом человека: *Wer die Heimat nicht in der Jugend gefunden hat, findet im Alter nur Unterschlupf* (Кто не нашёл родину в юности, в старости найдёт только пристанище); *In der Kindheit ist die Heimat grenzenlos, in der Jugend wird sie zu eng,*

im Alter zum Gefängnis (В детстве родина безгранична, в юности она становится тесной, в старости превращается в заточение).

Следующая смысловая составляющая исследуемого концепта в афористическом дискурсе, а именно «страна отцов, страна к народу и нации которой относишься», представлена в нашей выборке меньшим количеством примеров: *Herkunft sucht Heimat* (Происхождение ищет Родину); *Heimat ist das Land, wo Muttermilch und Honig fließen* (Родина – это страна, где течёт материнское молоко и мёд).

В нескольких афоризмах транслируется взаимосвязь понятий 'Родина' и 'родной язык', например: *Die Eltern der Völkerfamilie sind die Muttersprache und das Vaterland* (Родителями семьи народов являются родной язык и отечество); *Schlimm ist es, aus der Heimat, noch schlimmer ist es aus der Heimatsprache vertrieben zu werden* (Ужасно потерять Родину (быть изгнанным с Родины), но ещё хуже потерять родной язык). Отметим следующий афоризм данной группы с ярко выраженной этнокультурной спецификой: *Heimweh des Ungarndeutschen. – Statt "Budapest" las er immer "Bundespost"* (Тоска по Родине немца, проживающего в Венгрии. – Вместо "Будапешт" он всегда читал "Бундеспост").

Интересным является афоризм, затрагивающий тему патриотизма: *Patriot sein heißt, Heimat trotz den Patrioten zu lieben* (Быть патриотом значит любить Родину несмотря на патриотов). Здесь мы видим неоднозначную авторскую оценку понятия 'патриот'. Традиционно патриот – это человек, любящий своё отечество. Однако в современном мире те, кто называет себя патриотами, не всегда действуют во благо своей Родины.

Современная тенденция к переездам в другую страну для работы, учёбы или постоянного проживания также находит отражение в афористическом дискурсе. Подчёркивается, что место жительства – это не всегда Родина: *Entwurzelt:*

Sie haben einen Wohnsitz, aber keine Heimat (Вырван с корнем: у вас есть место жительства, но нет Родины). В данном афоризме человек, покинувший Родину, образно представлен как выкорчеванное дерево.

Что касается частотности функционирования лексем *Heimat* и *Vaterland*, последняя используется редко, в нашей выборке представлено всего 4 афоризма с лексемой *Vaterland*. Так, следующий афоризм наглядно демонстрирует различие лексем *Vaterland* и *Heimat* в немецкой лингвокультуре: *In Friedenszeiten nennt man das Vaterland schlicht Heimat* (В мирное время отечество просто называют Родиной).

Отметим ещё один афоризм с лексемой *Vaterland*: *Ist Ihnen schon einmal aufgefallen, dass nur wir Deutschen ein haben – alle anderen haben ein Mutterland* (А вы заметили, что только у нас у немцев отечество, у всех остальных *Mutterland*). Скорее всего автор афоризма имеет ввиду лексему *motherland*, однако не учитывает, что в других языках, например в русском, в испанском, итальянском, французском и др., существует лексема *отечество*.

Таким образом, анализ понятийной составляющей концепта *HEIMAT* / *РОДИНА* показал, что в современном немецкоязычном афористическом дискурсе репрезентированы только две смысловые доминанты из трёх, зафиксированных в лексикографических источниках.

Эмоционально-оценочная составляющая исследуемого концепта представлена в афоризмах абстрактными существительными с семантикой чувственного восприятия, например: *Liebe, lieben, Hoffnung, Sicherheit, im Herzen tragen, Erinnerungen* (любовь, любить, надежда, безопасность, нести в сердце, воспоминания). В следующих афоризмах снова проявляется темпоральный признак: *Heimat ist die Resonanz unserer Erinnerungen* (Родина – это отзвук наших воспоминаний); *Eine gute Erinnerung ist eine innere Heimat* (Хорошее воспоминание – это внутрен-

няя Родина). Данный афоризм ещё раз показывает, что Родина – это внутреннее состояние человека. А следующее высказывание трактует любовь к Родине как воспоминание о том, чего больше нет, а возможно никогда и не было: *Die Liebe zur Heimat ist die Erinnerung an etwas, das es so nicht mehr gibt oder nie gegeben hat* (Любовь к Родине – это память о том, чего уже нет или никогда не существовало).

Авторы двух афоризмов связывают понятие Родины и любовь: *Liebe ist die Heimat des Herzens* (Любовь – это Родина сердца); *Aufrichtige Liebe ist wahre Heimat* (Искренняя любовь – это настоящая Родина).

Рассматривая образный потенциал афоризмов, следует отметить использование авторами:

- сравнения – *Die Heimat als der Kaffeesatz, aus dem wir unser Leben lesen* (Родина как кофейная гуща, по которой мы читаем свою жизнь);

- олицетворения – *Sie wandern ins Ausland, wenn die Heimat ins Aus wandert* (Вы уезжаете за границу, когда Родина эмигрирует). Родина предстаёт внутренней сущностью человека, которая может его покинуть, дословно «уехать, эмигрировать».

Метафорический потенциал афоризмов проявляется прежде всего в репрезентации родины для человека как «почвы для растения» посредством таких лексем, как: *blühen, die Saat in die Erde legen, Verwurzelung, etwurzelt sein* (цвести, посеять в землю семена, укоренение, быть вырванным с корнем). Примером могут служить следующие высказывания: *Ein Mensch gehört dorthin, wo seine Hoffnung die Saat in die Erde legt, die sein Herz Heimat nennt* (Человек принадлежит месту, где его надежда посеяла семена в землю, которую его сердце называет Родиной); *Heimat ist Verwurzelung, um blühen zu können und Früchten zu tragen* (Родина – это укоренение для цветения и плодоношения). Отметим, что в этимологии слов-репрезентантов в немецком отсутствует данное значение, в отличие от русской лексемы *родина*, где корень *‘rod’* образо-

ван от древнего корня **urodh-/‘ordh* «расти», «подниматься»¹.

Несколько афоризмов в нашей выборке посвящены чувству тоски по Родине, которое вызывает у человека чувство боли, например: *Heimweh ist der Schmerz der Seßhaften* (Тоска по Родине – это боль оседлых); *Heimweh: Auch die Sehnsucht ist eine Sucht* (Тоска по Родине: Тоска – это тоже болезнь). Примечательно, что в немецком языке и сама лексема *Heimweh* имеет в своём составе компонент *Wehe* (боль, горе, скорбь).

Заключение

‘Родина’ – понятие, которое обладает глубоким и многогранным смыслом, отражающим культурные, социальные и эмоциональные аспекты. Оно играет важную роль в формировании самосознания и идентичности людей, олицетворяя связь с родным местом и культурой.

Проведённое исследование ещё раз доказывает, что процессы глобализации, характерные для современного мира, находят своё отражение в особенностях восприятия базовых общечеловеческих ценностей, к которым относится концепт РОДИНА. Он существует в сознании людей, относящихся к разным лингвокультурам, как ассоциативная сеть, которая активизируется при упоминании этого понятия, вызывая разнообразные чувства и эмоции.

Афоризмы как средство передачи мысли и философских истин обладают определённым влиянием на аудиторию и способны воздействовать на её сознание и восприятие. Именно поэтому так важно понимать, какие смыслы концепта РОДИНА транслируются в афористическом дискурсе. В немецкоязычных афоризмах репрезентированы две основные смысловые доминанты: «дом или место, где чувствуешь себя как дома» и «страна предков, принадлежность к нации». При

¹ См.: РОД // Интернет-словарь «Глаголь». URL: https://pervobraz.ru/slova/article_post/rod (дата обращения: 15.07.2024).

этом в афористическом дискурсе отмечены следующие дополнительные смыслы первой понятийной составляющей концепта НЕИМАТ (РОДИНА):

1. Родина – это противоречивое понятие.

2. Родина – это внутреннее переживание человека.

3. Восприятие Родины обусловлено темпорально.

4. Родина – это не всегда место жительства.

Патриотический компонент понятийной составляющей представлен в небольшом количестве примеров и связан прежде всего со значимостью родного языка.

Эмоционально-оценочная составляющая эксплицитно выражена посредством соответствующей лексики. Образная составляющая концепта, актуализированная различными стилистическими приёмами, заключается в репрезентации Родины для человека как «почвы для растения».

Тот факт, что в современной афористике чаще актуализируются смыслы, связанные с внутренними переживаниями данного понятия, обусловлен процессом глобализации современного мира, который даёт человеку свободу выбора места жительства, но при этом ставит вопрос самоидентификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. D'Andrea A. Neo-Nomadism: A Theory of Post-Identitarian Mobility in the Global Age // *Mobilities*. 2006. Vol. 1. Iss. 1. P. 95–119. DOI: 10.1080/17450100500489148.
2. Фадеева Г. М. Немецкое понятие Heimat как переводческая проблема // *Язык. Культура. Коммуникация*. 2017. №1-1 (20). С. 219–227.
3. Прокошенкова Л. П., Гецкина И. Б. Дискурсивный анализ и его роль в современной лингвистике // *Вестник Чувашского университета*. 2006. № 4. С. 451–456.
4. Горячева Е. Д. Афоризм как целостный текст: механизмы структурно-семантической организации // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. № 3. С. 129–138. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-3-129-138.
5. Василькова М. В. Концепт «родина» в немецкой лингвокультуре на материале лексикографических источников // *Наука – образованию, производству, экономике: материалы XIX (66) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов (Витебск, 13–14 марта 2014 г.): в 2 т. Т. 1*. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2014. С. 140–142.
6. Гоюшова Л. М. Сопоставительный анализ паремий, вербализующих концепт «родина» в русском, английском и азербайджанском языках // *Российский лингвистический бюллетень*. 2022. № 1 (29). С. 71–74. DOI: 10.18454/RULB.2022.29.1.18
7. Кучерявых В. С. Ядерный уровень концепта "родина" в испанском языке // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2014. № 24 (710). С. 113–124.
8. Церцвадзе М. Г. Концепт «родина» в разносистемных языках // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2014. № 7 (336). С. 217–220.
9. Приорова Е. М., Савченко Е. П., Фильчакова Е. М. Концепт «родина» в английской и русской лингвокультурах // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 4-1 (82). С. 159–163. DOI: 10.30853/filnauki.2018-4-1.37.
10. Пономарёва Т. А. Концепт «Родина» в лирике Дм. Кедрина // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2015. № 4 (65). С. 115–119.
11. Черноусова И. П. Концепт РОДИНА в поэтической картине мира П. Н. Шубина // *Научный диалог*. 2018. № 12. С. 179–194. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-179-194.
12. Yesmurzayeva Zh., Novikova E. The comparative analysis of the concept "MOTHERLAND" in Russian and German // *Modern European Researches*. 2015. No. 6. P. 80–85.
13. Кононова И. В. Структура лингвокультурного концепта: методы выявления и механизмы семантизации // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2012. Т. 7. № 1 С. 49–60.

14. Cosmin-Constantin Băiaș. The Aphorism: Function and Discursive Strategy // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 191. P. 2267–2271. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.04.229.
15. Bashieva S. K., Shogenova M. Ch. Statuses-Aphorisms in the Communicative Behavior of a Modern Linguistic Personality // *Cuadernos De Rusística Española*. 2023. Vol. 19. P. 95–109. DOI: 10.30827/cre.v19.28902.
16. Ломтева Т. Н., Патрушева Е. В. К вопросу о функционально-прагматических аспектах афоризмов // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2010. № 2. С. 80–86.
17. Иванов Е. Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2020. Т. 11 (4). С. 659–706. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706.
18. Воркачев С. Г., Воркачева Е. А. Дискурс и его типология в российской лингвистике // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2019. Т. 3. С. 14–21. DOI: 10.29025/2079-6021-2019-3-14-21.
19. Тарасенко Т. П., Величко М. А. Когнитивно-прагматические особенности афористического дискурса (на материале афоризмов В. И. Даля и С. Джонсона) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 3-3 (69). С. 171–175.

REFERENCES

1. D'Andrea, A. (2006). Neo-Nomadism: A Theory of Post-Identitarian Mobility in the Global Age. In: *Mobilities*, 1 (1), 95–119. DOI: 10.1080/17450100500489148.
2. Fadeeva, G. M. (2017). The German concept HEIMAT: problems of translation. In: *Language. Culture. Communication*, 1-1 (20), 219–227 (in Russ.).
3. Prokoshenkova, L. P. & Getskina, I. B. (2006). Discourse analysis and its role in modern linguistics. In: *Bulletin of the Chuvash University*, 4, 451–456 (in Russ.).
4. Goryacheva, E. D. (2020). Aphorism as a holistic text: mechanisms of structural and semantic organization. In: *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 3, 129–138. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-3-129-138 (in Russ.).
5. Vasilkova, M. V. (2014). The concept of “homeland” in German linguoculture based on lexicographic sources. In: *Science – for education, production, economy: materials of the XIX (66) Regional scientific and practical conference of teachers, researchers and postgraduate students (Vitebsk, March 13–14, 2014): in 2 vols*. Vol. 1. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov publ., pp. 140–142 (in Russ.).
6. Goyushova, L. M. (2022). A comparative analysis of the paroemias verbalizing the concept of “rodina” (homeland) in Russian, English, and Azerbaijani languages. In: *Russian Linguistic Bulletin*, 1 (29), 71–74. DOI: 10.18454/RULB.2022.29.1.18 (in Russ.).
7. Kucheryavykh, V. S. (2014). Nuclear level of the concept “Patria” in the Spanish language. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 24 (710), 113–124 (in Russ.).
8. Tsertsvadze, M. G. (2014). The concept of “homeland” in a different system languages. In: *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 7 (336), 217–220 (in Russ.).
9. Priorova, E. M., Savchenko, E. P. & Fil'chakova, E. M. (2018). The concept “Motherland” in English and Russian linguistic cultures. In: *Philology. Theory & Practice*, 4-1 (82), 159–163. DOI: 10.30853/filnauki.2018-4-1.37.
10. Ponomareva, T. A. (2015). The concept of “Homeland” in the lyrics of Dm. Kedrin. In: *Cherepovets State University Bulletin*, 4 (65), 115–119 (in Russ.).
11. Chernousova, I. P. (2018). Concept of homeland in P. N. Shubin's poetic picture of the world. In: *Scientific Dialogue*, 12, 179–194. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-179-194 (in Russ.).
12. Yesmurzayeva, Zh. & Novikova, E. (2015). The comparative analysis of the concept “MOTHERLAND” in Russian and German. In: *Modern European Researches*, 6, 80–85.
13. Kononova, I. V. (2012). The structure of a cultural concept: methods of analysis and mechanisms of semantization. In: *Pushkin Leningrad State University Journal*, 7 (1), 49–60 (in Russ.).
14. Cosmin-Constantin Băiaș (2015). The Aphorism: Function and Discursive Strategy. In: *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 191, 2267–2271. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.04.229.

15. Bashieva, S. K. & Shogenova, M. Ch. (2023). Statuses-Aphorisms in the Communicative Behavior of a Modern Linguistic Personality. In: *Cuadernos De Rusística Española*, 19, 95–109. DOI: 10.30827/cre.v19.28902.
16. Lomteva, T. N. & Patrusheva, E. V. (2010). On the issue of functional and pragmatic aspects of aphorisms. In: *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 2, 80–86 (in Russ.).
17. Ivanov, E. E. (2020). Aphorism as an Object of Linguistics: the Main Properties. In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (4), 659–706. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706 (in Russ.).
18. Vorkachev, S. G. & Vorkacheva, E. A. (2019). Discourse and its typology in Russian linguistics. In: *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 3, 14–21. DOI: 10.29025/2079-6021-2019-3-14-21 (in Russ.).
19. Tarasenko, T. P. & Velichko, M. A. (2017). Cognitive-pragmatic peculiarities of aphoristic discourse (by the material of V. I. Dal's and S. Johnson's aphorisms). In: *Philology. Theory & Practice*, 3-3 (69), 171–175 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Есмурзаева Жанбота Бауржановна (г. Омск) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Омского государственного технического университета;
<https://orcid.org/0000-0002-0471-1921> e-mail: yesmurzaeva@mail.ru

Новикова Елена Владимировна (г. Омск) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина;
<https://orcid.org/0000-0001-6760-7462> e-mail: evl.novikova@omgau.org

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zhanbota B. Esmurzaeva (Omsk) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Omsk State Technical University;
<https://orcid.org/0000-0002-0471-1921> e-mail: yesmurzaeva@mail.ru

Elena V. Novikova (Omsk) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin;
<https://orcid.org/0000-0001-6760-7462> e-mail: evl.novikova@omgau.org

Научная статья

УДК 811.13

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-1-135-146

Артикль в романских языках: контрастивный и лингвокогнитивный подходы

Седых А. П.^{1,2*}, Чижова А. О.³, Быканова М. С.⁴

¹ Московский международный университет, г. Москва, Российская Федерация

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация

³ Институт международных экономических связей, г. Москва, Российская Федерация

⁴ Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород,
Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: sedykh@bsuedu.ru

Поступила в редакцию 19.09.2024

Принята к публикации 04.10.2024

Аннотация

Цель. Анализ и описание современного состояния категории артикля в романских языках.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом стал контрастивный метод с элементами лингвокогнитивного подхода. Проведён анализ артиклевого узуса в испанском, португальском, румынском и французском языках. Выявлена типология использования артикля в четырёх форматах функционирования: определённый, неопределённый, партитивный, нулевой.

Результаты. Доказано, что к общероманским особенностям артиклевого узуса в рассмотренных языках относится использование определённого артикля. К частным особенностям использования артиклей в романских языках относится специфическое дискурсное функционирование партитивного артикля во французском языке и лингвокогнитивные особенности отпущения артикля (нулевой артикль) в португальском, испанском и румынском языках. Показано, что артикль может выполнять несколько функций в высказывании, например роль определённого или неопределённого детерминанта имени, а также играть роль актуализатора, преобразуя виртуальное существительное в реализованное существительное, или может вводить именную группу с гиперонимом, который относится к множеству обозначаемых существительных. Делается акцент на различии между его использованием в «центральной» языке, таком как французский, и в так называемых «периферийных» языках, таких как испанский и португальский, с одной стороны, и румынский, с другой. При сравнении употребления артикля в романских языках обнаружено, что нулевой артикль чаще встречается в так называемых «периферийных» языках, чем во французском стандартном языке. Данный факт объясняется тем, что артикль-зеро является своеобразным эквивалентом французского партитивного артикля, так как с формальной точки зрения первый может коррелировать с неопределённым артиклем *un/une* в отрицательном предложении и, в определённой степени, с неопределённым артиклем множественного числа *des*. Предлагаются перспективы дальнейших лингвокогнитивных и контрастивных исследований функциональных эквивалентов категории артикля в дистантных языках.

Теоретическая и практическая значимость заключается в раскрытии лингвокогнитивного потенциала артиклевого узуса в романских языках, а также конструктивных функций существительного в синергетической связи с употреблением артикля. Наиболее значимые теоретические результаты сравнения касаются субъекта, прямого объекта, атрибута субъекта и дополнения с предлогом. Результаты исследования могут быть применены в вузовских курсах по теоретической и практической грамматике романских языков.

Ключевые слова: артикль, интенционал, экстенционал, романские языки, испанский язык, португальский язык, румынский язык, французский язык

Для цитирования:

Седых А. П., Чижова А. О., Быканова М. С. Артикль в романских языках: контрастивный и лингвокогнитивный подходы // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 1. С. 135–146. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-135-146>.

Original research article

ARTICLES IN ROMANCE LANGUAGES: CONTRASTIVE AND LINGUISTIC-COGNITIVE APPROACH

A. Sedykh^{1,2*}, A. Chizhova³, M. Bykanova⁴

¹ *Moscow International University, Moscow, Russian Federation*

² *Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation*

³ *Institute of International Economic Relations, Moscow, Russian Federation*

⁴ *Belgorod State University of Arts and Culture, Belgorod, Russian Federation*

**Corresponding author, e-mail: sedykh@bsuedu.ru*

Received by the editorial office 19.09.2024

Accepted for publication 04.10.2024

Abstract

Aim. To analyze and describe the current state of the article category in Romance languages.

Methodology. The key research method was the contrastive method with elements of the linguistic-cognitive approach. An analysis of article usage in Spanish, Portuguese, Romanian and French was carried out. A typology of article use in four functioning formats has been identified: definite, indefinite, partitive, zero.

Results. It has been proven that the general Romance features of article usage in the languages under consideration include the use of the definite article. Particular features of the use of articles in Romance languages include the specific discourse functioning of the partitive article in French, and the linguistic-cognitive features of the absolution of the article (zero article) in Portuguese, Spanish and Romanian. It is shown that the article can perform several functions in a statement, for example, the role of a definite or indefinite determiner of a name, and also play the role of an actualizer, transforming a virtual noun into a realized noun, or it can introduce a noun phrase with a hyperonym that refers to the set of designated nouns. Emphasis is placed on the difference between its use in a "core" language such as French and in so-called "peripheral" languages such as Spanish and Portuguese on the one hand, and Romanian on the other. Comparing the use of the article in Romance languages, it is found that the zero article is more common in the so-called "peripheral" languages than in standard French. This fact is explained by the fact that the article zero is a kind of equivalent of the French partitive article, since from a formal point of view the first can correlate with the indefinite

article un/une in a negative sentence and, to a certain extent, with the indefinite article of the plural des. Prospects for further linguistic-cognitive and contrastive studies of functional equivalents of the article category in distant languages are proposed.

Research implications. The theoretical and practical significance lies in revealing the linguistic-cognitive potential of article usage in Romance languages, as well as the constructive functions of the noun in a synergistic connection with the use of the article. The most significant theoretical results of the comparison concern the subject, direct object, subject attribute, and prepositional complement. The results of the study can be applied in university courses on theoretical and practical grammar of Romance languages.

Keywords: article, intensional, extensional, Romance languages, Spanish, Portuguese, Romanian, French

For citation:

Sedykh, A. P., Chizhova, A. O. & Bykanova, M. S. (2025). Articles in Romance languages: contrastive and linguistic-cognitive approach. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, 135–146. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-135-146>.

Введение

Каждому языку соответствует определённая организация данных опыта. Изучение другого языка – это не навешивание новых ярлыков на известные объекты, а способ привыкания иначе анализировать то, что является предметом языкового общения. Адресату легче и экономичнее интегрировать сообщение в своё мировоззрение, если он знает, что в его распоряжении, согласно Х. Вайнриху, есть «пред-информация, пост-информация или ни одна из них»¹. В этом заключается роль именной детерминации (субстантивной определённости), обозначающей способ введения существительного в речь. Очевидно, что важность выражения *определённости* не одинакова во всех языках. Хотя многие из них формально обладают артиклевыми структурами или используют специальные формы их замещения, часть языков функционирует без этой категории. Даже среди тех языков, в которых артикль реально есть, например в романских языках, существуют различия в его использовании.

По мнению многих лингвистов, артикли образуют ограниченный набор

языковых знаков, основная функция которых – конкретизировать и идентифицировать существительное, к которому они относятся² [1–5]. Имя, прежде чем оно будет использовано в речи и актуализировано, представляет собой лишь понятие и не имеет референта. Так, Гюстав Гийом различает имя *потенциальное* (*nom en puissance*) и имя *реализующееся* (*nom en effet*). Согласно концепции французского лингвиста, прежде чем употребить существительное в речи, говорящему необходимо сделать выбор-захват (*une saisie*): либо существительное продолжает не иметь референта и оно всегда является понятием, которое оно обозначает (нулевой артикль), либо референт только что «введён» в дискурс и считается «неопределённым» (неопределённый артикль), либо референт считается достаточно известным (уже введённым в дискурс или общеизвестным), и в этом случае существительное сопровождается определённым артиклем [6].

¹ См.: Weinrich H. L'article dans le texte: le profil informatif // Weinrich H. Grammaire textuelle du français. Paris: Didier, 1989. P. 205.

² См.: Богоявленская Ю. В. Практическая грамматика французского языка: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. 171 с.; Сапрыкина О. А. Лексикология португальского языка. М.: Ленанд, URSS, 2020. 200 с.; Седых А. П., Марабини А. Фразеология и перевод: французский, итальянский и русский языки: учебно-методическое пособие. Белгород: Эпицентр, 2021. 252 с.

Некоторые филологи считают, что каждое имя имеет своё расширение (*экстенционал*), так как, с одной стороны, обозначает все объекты, способные быть названными этим именем, с другой – имя обладает своим *интенционалом* (свойствами, которые соответствуют только этому номинанту). «Детерминаторы», в частности артикли, уточняют степень «протяжённости» существительного в дискурсе, а именно его экстенсивность¹.

Здесь более подробно сосредоточимся на переходе от имени *в потенциале* к имени *в действии* и на том, что можно было бы назвать *определённым* или *неопределённым* характером *маркирования*, что гипотетически может оказаться ни тем, ни другим. Чтобы увидеть сходства и различия в выражении этих признаков среди романских языков, были выбраны следующие: французский как «центральный» язык, где употребление артикля ярко выражено и семиотически маркировано, и три «периферийных» языка, а именно португальский и испанский, с одной стороны, и румынский, с другой, каждый со своей спецификой употребления артикля. Термины «центральный» и «периферийный» не являются оценочными, а отражают лишь степень (высокую / низкую) интенсивности и значимости артиклевого узуса.

Происхождение и формы артикля

Латынь в её классической форме не знала артикля. Лишь позже, и особенно в народной латыни, эту роль начинают играть демонстративы. В системе указательных форм в латыни различались формы, выражавшие дейктический контраст местоимениями (HIC, ISTE, ILLE) и немаркированную форму указательного местоимения (IS). После исчезновения IS и HIC система состояла из форм без маркировки ILLE, IPSE (IPSE сначала была

формой ударения: Caesar ipse – сам Цезарь) и форм с маркировкой ISTE, IPSE, ILLE. Немаркированные формы ILLE и IPSE преобразовались между III и VIII вв. в определённые артикли. В поздних латинских текстах I тысячелетия формы от IPSE получили большее распространение, хотя впоследствии они исчезли, но сохранились только в сардинском языке (логудорский *su, sa, sos, sas*, кампиданский *su, sa, is*) и в некоторых каталанских диалектах (например, на острове Майорка, в топонимах Сабарта, Залана вместо Барта, Лана)².

Артикль появился в романских языках как выражение анафоры, и лишь позднее его употребление распространилось для обозначения уникальных явлений при помощи абстрактных существительных, выражающих неотчуждаемое обладание или передающих родовое употребление имён³.

Во французском языке артикль почти обязательный детерминант, поскольку он указывает на то, что слово является существительным и выражает род и число. С другой стороны, в креольских языках определённый артикль появляется лишь спорадически и лишь как составная часть существительного; для выражения специфики или статуса существительного используются другие средства, например наречия места.

Сравнивая романские языки, можно заметить, что довольно редко встречается маркированность множественного числа со значением неопределённости, за исключением французского языка. Например, в румынском языке достаточно существительного во множественном числе без определённого артикля, чтобы это существительное стало вектором неопределённости. Даже в самых близких

¹ См.: Leeman J. Racializing language: A history of linguistic ideologies in the US Census // Journal of Language and Politics. 2004. Vo. 3. Iss. 3. P. 507–534. DOI: 10.1075/jlp.3.3.08lee.

² См.: Els diccionaris de l'Enciclopèdia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diccionari.cat> (дата обращения: 13.12.2023). Далее – Els diccionaris de l'Enciclopèdia.

³ Pruvost J. Le Dico des dictionnaires. Paris: JC Lattès, 2014. P. 126.

к французскому языкам, таких как окситанский или каталанский, неопределённый артикль во множественном числе употребляется реже, чем во французском.

В корсиканском языке неопределённый артикль не имеет множественного числа, как и в ретороманском языке или в сардинском языке. В итальянских грамматиках говорится, что неопределённый артикль не имеет множественного числа; с другой стороны, то, что называется множественным числом частичного артикля, скорее соответствует множественному числу неопределённого артикля во французском языке (*ci sono dei soldati* = это какие-то солдаты). В любом случае неопределённый артикль, как и частичный артикль в единственном числе, не является обязательным (*tu hai (dei) libri interessanti* = у тебя есть (несколько) интересных книг) и не употребляется в отрицательном предложении: *non ho amici* = у меня нет друзей [7].

Как и неопределённый артикль множественного числа, партитив во всех романских языках особенно чётко маркирован во французском языке. Это единственный романский язык, в котором частичный артикль используется систематически, при спорадическом употреблении в итальянском и, в некоторой степени, в сардинском, каталанском и окситанском языках. На окситанском языке можно сказать *donatz-li d'argent* (дай ему денег) или, в северных диалектах, более близких к французскому, *vòli del pan* (вот хлеб)¹.

В сардинском и каталанском языках, где сохранилось наречие *inde*, с существительным партитивной семантики обнаруживается нулевой артикль или предлог *de*: *Bimus abba / (De abba) nde bimus* = Нас двое / Мы поговорим о настоящтеле (сардинский) – или, даже во множественном числе (*Tenia gossos / In tenia (de gossos)* = У меня были собаки) на каталанском языке

[8, p. 275]. В итальянском языке формы определённого артикля (*il/lo, i/gli, la, le*) в сочетании с предлогом *di* образуют так называемый частичный (партитивный) артикль (*del, dello, dell', della, dei, degli, delle*)².

Артикли в романских языках имеют больше общих черт при выражении определённого характера, чем неопределённого (в том числе партитива). Во французском языке используется традиционная партитивная конструкция *J'ai des livres* = У меня есть книги, тогда как в итальянском, хотя и можно сказать *ho dei libri* = у меня есть книги, достаточно поставить существительное во множественном числе: *vende libri* = продаёт книги. По мысли П. Тессе, испанские и португальские формы *unos, unas/uns, umas* на самом деле не являются артиклями, а обозначают неопределённое количество: *unos libros, uns livros* = какие-то книги. Идентичная ситуация и в румынском языке, где для этой цели можно использовать неопределённое количественное слово *niște* (некоторый) – *niște cărți* (некоторые книги) или только *cărți* (книги) [8].

Лингвист Жан Прюво подчёркивает, что в старофранцузском, испанском и некоторых других языках объектные дополнения (как и предложные дополнения) часто не имеют артикля, даже если они идентифицируемы, т. е. поддаются относительно чёткой предметизации³. Это объясняется феноменом системного языкового обобщения, где позиционирование обозначаемого предмета в высказывании (дискурсе) тематически детерминировано; если в языке есть категория «определённость», она должна быть выражена в данной конкретной позиции, но не обязательно в других синтаксических конфигурациях [9; 10]. Рассмотрим случаи употребления артиклей в испанском, португальском, румынском и французском языках.

² Els diccionaris de l'Enciclopèdia.

³ Pruvost J. Le Dico des dictionnaires. Paris: JC Lattès, 2014. 550 p.

¹ См.: Wheeler M. Is language the ultimate article? // Language Sciences. 2004. Vol. 26. Iss. 6. P. 701.

Артикль в испанском языке

В испанском языке существуют следующие формы определённого артикля: *el, la, los, las*. В отличие от французского и итальянского языков они не элидируются перед гласной. Неопределённые артикли *un, una*, и, как и в португальском и галисийском языках, эти формы имеют множественное число – *unos, unas*. Ряд испанистов считают артиклями только формы *el, la, los, las*. Единицы *Un, una, unos, unas* изучаются в разделах о неопределённых числах вообще и о числительных [2].

Особенностью испанского языка являются формы женского рода *un, el* перед существительными, начинающимися с тонической гласной **a** (*el agua, un águila* = вода, орёл). Их омонимия с формами мужского рода является лишь совпадением, учитывая их регулярное образование от *ILLA* и *UNA* в этой специфической фонетической среде. При образовании испанских артиклей сохранение первого слога обусловлено необходимостью различать три формы: мужского рода *el*, женского рода *la*, среднего *lo* [2, с. 187]. Эдуар Бурсье объясняет, что артикли в испанском языке происходят от таких форм, как *el(le) filio ama elo rapre*, а позже, с исчезновением склонения, формы разделились на *el* в мужском роде единственного числа и *ela* в женском роде единственного числа [11, p. 452].

Фернандес Мартин пишет о фразах без неопределённого артикля, которые он называет «голой неопределённостью». В этом смысле существуют нюансы смысла между лексемами *Son payasos* (Они клоуны) и *Son unos payasos* (Они ведут себя как клоуны). Как правило, неопределённый артикль обычно опускается в двух случаях, когда упор делается на описательное содержание существительного, а именно если существительное является признаком подлежащего, обозначающего профессию, социальный статус (*Juan es soltero* = Хуан одинок), а также в

сочетаниях, где существительное вообще обозначает что-то, что имеется только в одном экземпляре, с такими глаголами, как «иметь», «нести», «искать»: *Ana tiene coche* = У Анны есть машина [4].

Существуют также смысловые нюансы, выражающиеся в выборе между определённым, неопределённым или нулевым артиклем в единственном и множественном числе: *Me hace falta el bolígrafo* (Мне нужна ручка = объект известен); (0) *bolígrafo* (речь идёт об этом классе объектов); *un bolígrafo* (речь идёт о любом элементе этого класса предметов). Итак, в единственном числе, в отличие от французского языка, можно выразить три реализации существительного. То же самое и во множественном числе: *Me hacen falta los bolígrafos* (Мне нужны ручки = предметы известны); (0) *bolígrafos* (объекты не имеют количественной оценки); *unos bolígrafos* (единицы не определены) [2].

Многие авторы, говоря о нулевом артикле с существительным во множественном числе, подчёркивают, что он сопровождает существительное, не уточнённое по определению или количеству [2; 4; 7]. Во множественном числе нулевой артикль может употребляться вместе с существительными, обозначающими части целого, выражать неисключающее значение: *Mujeres y niños se salvaron del naufragio* = Женщины и дети спасены после кораблекрушения. В этих конструкциях ничего не говорится о возможном присутствии других людей. Что касается формы *unos/unas*, часть испанистов рассматривают её как актуализацию двух или более неопределённых единиц без указания количества (*Llegaron unos libros, pero no los miré* = Пришли какие-то книги, но я их не смотрел).

Артикль в португальском языке

В португальском языке латинские формы *ILLUM, ILLAM* привели к появлению определённого артикля (как и безударных форм объектных местоимений

о, а); формы UNUM, UNA продуцировали неопределённый артикль *um, uma*, а также формы множественного числа: *os, as, uns, umas* [8, p. 389]. Формы *o, os, a* встречаются уже в древнейших текстах [11, p. 452]. Это объясняется тем, что согласная *l* в формах типа *lo, la* исчезла из-за тесной связи артикля с сопутствующими языковыми единицами: *ama lo papre* становится *ama o padre* (любит отца).

В бразильском португальском языке, особенно в неформальных стилях, нулевой артикль может обозначать общий референт даже в тех случаях, когда это невозможно в португальском языке (единственное число объектов, подлежащее в единственном и множественном числе): *gosto de mulher brasileira; mulher brasileira canta bem, mulheres brasileiras cantam bem* (мне нравятся бразильские женщины; бразильские женщины хорошо поют, бразильянки хорошо поют), в отличие от европейского португальского языка, где требуется определённый артикль (*as mulheres brasileiras canta bem, a mulher brasileira canta bem* = бразильские женщины хорошо поют, бразильянки хорошо поют) [12, p. 395].

Отметим, что в европейском португальском языке нулевой артикль появляется только с дополнением во множественном числе и подлежащим после него, с неопределённым значением (*vi homens na praia; alugam-se quartos* = я видел мужчин на пляже; комнаты в аренду) или используется в общем виде (*gosto de mulheres brasileiras* = мне нравятся бразильские женщины). Есть сходство с румынским, а также с итальянским в том факте, что предименные притяжательные падежи сочетаются с определённым артиклем (*o meu carro* = моя машина).

В неформальном стиле речи, по крайней мере в Бразилии, возможно даже сочетание с неопределённым артиклем (?*um meu livro* = это моя книга). Притяжательный падеж может функционировать без определённого артикля, если речь идёт, например, о семейных связях

(*meu filho* = мой сын), особенно в вопросительном высказывании.

В существительном без артикля подчёркивается качество, а не сам предмет, и в этом оно близко к прилагательному, которое также определяет состояние или качество. Например: *Nessa tarde o Fidalgo da Torre, airoso no seu fato novo de monta, polainas de couro polido, luvas de camurça branca, parou a égua ao portão da Feitosa* (В тот же день Фидальго да Торре, щеголеватый в своём новом костюме для верховой езды, в полированных кожаных гетрах и белых замшевых перчатках, остановил кобылу у ворот Фейтозы) [7].

С одной стороны в перечислениях повторение артикля подчёркивает ценность каждого элемента словосочетания, придавая ему собственную яркость; с другой стороны, при употреблении одного артикля различия каждого элемента стираются и преобладает целостность.

Как видим, определённый и неопределённый артикли, чередующийся с нулевым артиклем, позволяют детализировать толкование существительного, подчеркнуть его *качество, индивидуальность* или *конкретность*.

Артикль в румынском языке

Румынский язык имеет ряд особенностей в плане артиклевого узуса. Помимо определённого и неопределённого артиклей, он обладает генитивным или притяжательным артиклем (*o fată a profesorului* = дочь профессора), а также адъективным или указательным артиклем (*Carol cel Mare* = Это Карл Великий).

Румынский язык также отличается синтаксической позицией (постпозицией) определённого артикля: он не только ставится после существительного (в мужском роде единственного числа: *profesor / profesorul, frate / fratele*), но и в женском роде единственного числа в большинстве случаев заменяет последнюю гласную (*profesoară / profesoara, fotografie / fotografiea*; но *cafea / cafeua*). Во множественном числе артикль

имеет форму *-i* в мужском роде (*profesori / profesorii*) или *-le* в женском роде (*profesoare / profesoarele*). В румынском языке сохранён средний род, но в нём нет конкретных форм артикля – в единственном числе используются формы мужского рода, во множественном числе – женского. Неопределённый артикль, в свою очередь, ставится перед существительным (*un profesor, o profesoară*); во множественном числе его форма – *niște* для всех трёх родов, хотя некоторые грамматисты утверждают, что *niște* не является артиклем и что неопределённый артикль не имеет множественного числа. В румынском языке нет партитивного артикля (Он пьёт молоко = *Bea lapte*. Это кофе = *E cafea*)¹.

Напомним о некоторых особенностях румынского языка по сравнению с другими романскими языками, а именно: 1) о склонении (*un profesor / unui profesor, profesorul / profesorului*); 2) о том, что прилагательное, стоящее перед существительным, принимает артикль (*Marea Britanie*); 3) об употреблении артикля с некоторыми существительными-интерпелляциями (*bunicle!*), но не с другими лексемами подобного рода (*nepoate!*), именами собственными, большинство из которых женского рода и оканчиваются на *-a*, что считается артиклевой формой (*Maria* – без артикля: *această Marie*), при этом имена собственные мужского рода считаются немаркированными (*Ion*).

Но главной особенностью румынского языка является правило, согласно которому существительное автоматически теряет определённый артикль после предлога (за исключением предлога *cu*). С другой стороны, если мы добавим к существительному прилагательное или дополнение, артикль снова появится (*Un elev a fost pedepsit de profesor* = Ученик был наказан учителем; *Un elev a fost pedepsit de profesorul de matematică* = Ученик был наказан учителем математики). Румынский

язык разделяет с португальским и испанским тот факт, что во множественном числе даже существительные без артикля могут выступать в качестве подлежащего (*Pe stradă trec Soldați* = По улице проходят солдаты), что невозможно в единственном числе (*Pe stradă trece soldat*). Существительное с прямым дополнением во множественном числе очень часто бывает без артикля (*Cumpără cărți* = Он покупает книги), но в единственном числе: *Cumpără o carte* = *cartea* [13].

Что касается определяющего дополнения, следует упомянуть ещё одну особенность румынского языка. Действительно, поскольку в румынском языке сохранилось именное склонение, функцию определяющего дополнения может выполнять предложное дополнение или родительный падеж. Причём родительный падеж, как и дательный, обязательно сопровождается артиклем, так как склоняется именно он, а не само существительное (*profesorul – profesorului / un profesor – unui profesor*). Если добавить правило упразднения артикля после предлога, то получится, что только родительный падеж как определительное дополнение может сохранить маркированную форму существительного. Наиболее интересным представляется румынский нулевой артикль как эквивалент партитивного или неопределённого артикля во французском языке, что приближает румынский язык к испанскому и португальскому языкам, и нулевой артикль после предлога, что является спецификой артиклевого узуса румынского языка.

Артикль во французском языке

Известно, что определённый артикль во французском языке происходит от латинских форм единственного и множественного числа. Неопределённый артикль *un, une* происходит от числительного *ŪNUS*; его множественное число *uns, unes* имело двойное значение (*unes joes – des joues* = щеки) или собирательное (*unes noveles – des nouvelles* = новости).

¹ Els diccionaris de l'Enciclopèdia.

Использование предлога *de* и определённого артикля как в единственном, так и во множественном числе обозначало акт извлечения части из определённого целого. Но, если совокупность референтов носила неопределённый характер, артикль в Средние века, как правило, не употреблялся (*manger pain* = есть хлеб) [14].

Лишь в XIII в. форма *des* заменила *uns*, *unes* во множественном числе от *un*, *une*. Интересно отметить, что грамматисты не пришли к единому мнению относительно категорий неопределённого или партитивного артикля. Только формы *le*, *la*, *l'*, *les* единогласно называются определённым артиклем. Но формы *un*, *une* для некоторых являются только числительными, форма *des* – это либо неопределённый артикль множественного числа, либо партитивный артикль, либо простая комбинация предлога и определённого артикля. Для тех учёных, которые не принимают категорию партитивного артикля, *du*, *de la*, *de l'* являются формами неопределённого артикля или, подобно *des*, сочетанием предлога и определённого артикля¹.

Подобно некоторым грамматикам, мы маркируем категорию нулевого артикля, так как нас особенно интересует противопоставление между наличием и отсутствием артикля. Определённый артикль и его употребление не являются чисто «французской» спецификой по сравнению с другими романскими языками. По мнению французских лингвистов, определённый артикль относится к более раннему отрезку истории французского языка, когда этот тип артикля: предвосхищал отрезок ситуации, отсылал к ней или к элементу, считающемуся известным. По нашему мнению, в ситуативном контексте следует различать *видимую* ситуацию, *смежную* или *общую* ситуацию. В дискурсном контексте речь может идти о буквальной или ситуативной репризе, а

также о подтекстовой семантике высказывания [8; 15].

Как известно во всех романских языках определённый артикль, как правило, употребляется с абстрактными существительными и выражает родовые отношения. Лингвист Дж. Лиман, который называет такое употребление «интенциональным», объясняет это тем, что детерминант не актуализирует существительное (не маркирует соответствующий референт), но позволяет существительному появиться в высказывании и грамматически обозначать только всеобъемлющее понятие или глобальный концепт (*L'eau est indispensable à la vie* = Вода необходима для жизни)².

Во французском языке неопределённый артикль единственного числа не представляет идиолингвистических и дискурсных особенностей по сравнению с другими романскими языками. По мысли Жана Прюво, при «точечном употреблении» неопределённый артикль выделяет конкретный элемент, который идентифицируется только по принадлежности к классу, обозначаемому существительным, и который не был предметом никакой предварительной референтной идентификации: *Une femme jouait du violon dans la salle* (Женщина играла на скрипке в зале)³.

Родовое употребление неопределённого артикля в единственном числе объясняется тем, что элемент, введённый через *un/une*, рассматривается как репрезентативный пример всего своего класса: *Autrefois un garçon ne chantait pas faux* (Раньше ребёнок не пел фальшиво). При этом настоящая дифференциация осуществляется при употреблении неопределённого артикля во множественном числе, а также – партитивного артикля.

¹ См.: Grevisse M., Goosse A. *Le Bon Usage: Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui*; 14e ed. Paris: Duculot, 2008. P. 331.

² Leeman J. Racializing language: A history of linguistic ideologies in the US Census Census // *Journal of Language and Politics*. 2004. Vo. 3. Iss. 3. P. 533. DOI: 10.1075/jlp.3.3.08lee.

³ Pruvost J. *Le Dico des dictionnaires*. Paris: JC Lattès, 2014. P. 317.

Во французском языке использование неопределённого артикля часто является обязательным. Его отсутствие также следует определённым правилам.

Употребление предлога *de* приводит к опущению как артикля *des*, так и партитивного артикля. На самом деле артикль *des* также является разновидностью партитивного артикля, и, как показывает этимология, он часто обозначает часть целого, сформированного исчисляемыми существительными. Данные слияния предлога *de* и определённого артикля, образующие новые артикли, хотя и присутствуют в известной степени, например, в итальянском языке, являются центральной особенностью французского языка по сравнению с другими рассматриваемыми романскими языками. Напомним, что неопределённый артикль во множественном числе и партитивный артикль всё же имеют нечто общее: их эквивалентом в изучаемых языках является *нулевой артикль*. Подчеркнём ещё раз, что языки организуют значения по-разному и что значение, придаваемое определённым реалиям, варьируется от одного языка к другому.

Заключение

Итак, контрастивный подход, подкреплённый лингвокогнитивным аспектом интерпретации языкового материала, является наиболее перспективным и продуктивным с точки зрения выявления как универсальной, так и национально-культурной специфики дискурсного узуса. В результате анализа эмпирического материала выявлены как сходные, так и отличительные черты использования артикля в четырёх романских языках: португальском, испанском, французском и румынском. Сходства подтверждают первоначальные гипотезы наших ранних работ, но выявленные различия являются более перспективными для дальнейших изысканий. Рассмотренные языки обладают развитой артиклевой системой

и в общих чертах идентичны в использовании, в частности, определённого артикля. Линия лингвокогнитивного раздела проходит на уровне неопределённого и частичного артиклей.

Наибольшей маркированностью семантико-смысловой структуры отличается артикль во французском языке, особенно использование неопределённого артикля множественного числа и партитивного артикля. С лингвосемиотической точки зрения это обусловлено партикулярностью мышления коллективной языковой личности носителя французского языка. Французский язык является единственным романским языком, который системно и в постоянном режиме использует партитивный артикль. Так, для итальянского языка характерно спорадическое использование частичного артикля. Сюда же можно отнести сардинский, каталанский и окситанский языки, в которых отмечаются редкие случаи употребления партитивного артикля, в основном в устной речи.

Испанский, португальский и румынский языки, как правило, не используют неопределённый артикль множественного числа. Во всех романских языках для маркирования качественных индивидуальных характеристик обозначаемого объекта, как правило, используются чередования определённого и неопределённого артиклей, а также нулевого артикля.

Результаты исследования показали, что феномен «нулевого артикля» не является простым отсутствием артикля, а играет важную роль для передачи экстенсимальных и интенсимальных смыслов в дискурсном узусе всех романских языков.

К перспективам дальнейших исследований можно отнести контрастивное и лингвокогнитивное рассмотрение системы артиклей в дистантных (романо-германских и славянских) или контактирующих языках и диалектах (пикардийский диалект и французский язык).

ЛИТЕРАТУРА

1. Овсейчик Ю. В. Полифункциональность лексемы *or* в старо- и среднефранцузском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 78–89. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-78-89.
2. Рылов Ю. А. Активные процессы в испанской антропонимической системе // Испанский язык в информационном сообществе: актуальные процессы и перспективы: материалы международной научно-практической конференции. М.: МГИМО(У), 2006. С. 185–188.
3. Сёмина И. А. Некоторые актуальные тенденции развития словарного состава французского языка // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. 2023. № 3. С. 117–129. DOI: 10.31249/ling/2023.03.09.
4. Fernandez Martin P. Los generos de la lengua espanola (2014) [Электронный ресурс] // Mito. Revista cultural : [сайт]. URL: <http://revistamito.com/los-generos-de-la-lengua-espanola> (дата обращения: 25.12.2023).
5. Седых А. П., Эмануэль В., Куган Е. И. Языковая и культурная идентичность: эпистемологический обзор (Linguistic and cultural identity: epistemological review) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 3. С. 20–37. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-3-0-2.
6. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992. 224 с.
7. Моисеева С. А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках: монография. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. 248 с.
8. Teyssier P. Comprendre les langues romanes – du français à l'espagnol, au portugais, à l'italien & au roumain: méthode d'intercompréhension. Paris: Éditions Chandeigne, 2012. 400 p.
9. Хухуни Г. Т., Валуицева И. И. Сохранение этнической и лингвистической идентичности: единство и противоречие // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 85–93. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-85-93.
10. Roegiest E. Vers les sources des langues romanes: un itinéraire linguistique à travers la Romania. Leuven: ACCO, 2009. 267 p.
11. Bourciez E. Éléments de linguistique romane. Paris: Klincksieck, réed. 1992. 814 p.
12. Parkinson S. Language (Including Brazilian Portuguese and Galician) // The Year's Work in Modern Language Studies. Vol. 53. Leiden, Netherlands: Brill, 1991. P. 388–405.
13. Bikić-Carić G. L'article en français et en roumain et ses équivalents en croate // 7e Congrès de Linguística General (Universitat de Barcelona, del 18 al 21 d'abril de 2006). Barcelona: Universitat de Barcelona, Departament de Lingüística General, 2006 [CD-ROM].
14. Седых А. П. Язык, культура, коммуникация: французский мир: монография. Белгород: Эпицентр, 2022. 152 с.
15. Banniard M. Du latin aux langues romanes. Paris: Armand Colin, 2008. 128 p.

REFERENCES

1. Auseichyk, Yu. V. (2022). Polyfunctionality of the lexeme *or* in the old and middle French languages. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1, 78–89. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-78-89 (in Russ.).
2. Rylov, Yu. A. (2006). Active processes in the Spanish anthroponymic system. In: *Spanish language in the information community: current processes and prospects: materials of the international scientific and practical conference*. Moscow: MGIMO University publ., pp. 185–188 (in Russ.).
3. Semina, I. A. (2023). Some current trends in the development of the French language vocabulary. In: *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics*, 3, 117–129. DOI: 10.31249/ling/2023.03.09 (in Russ.).
4. Fernandez Martin, P. (2014). Los generos de la lengua espanola. In: *Mito. Revista cultural*. URL: <http://revistamito.com/los-generos-de-la-lengua-espanola> (дата обращения: 25.12.2023).
5. Sedykh, A. P., Emanuele, V. & Kugan, E. I. (2022). Linguistic and cultural identity: epistemological review. In: *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 8 (3), 20–37. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-3-0-2 (in Russ.).
6. Guillaume, G. (1992). *Principes de linguistique theorique*. Moscow: Progress publ. (in Russ.).

7. Moiseeva, S. A. (2005). *Semantic field of verbs of perception in Western Romance languages*. Belgorod: Belgorod State University Publ. (in Russ.).
8. Teyssier, P. (2012). *Comprendre les langues romanes – du français à l'espagnol, au portugais, à l'italien & au roumain: méthode d'intercompréhension*. Paris: Éditions Chandeigne.
9. Khukhuni, G. T. & Valuitseva, I. I. (2023). The preservation of the ethnic and linguistic identity: unity and contradiction. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 3, 85–93. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-85-93 (in Russ.).
10. Roegiest, E. (2009). *Vers les sources des langues romanes: un itinéraire linguistique à travers la Romania*. Leuven: ACCO.
11. Bourciez, E. (1992). *Éléments de linguistique romane*. Paris: Klincksieck, réed.
12. Parkinson, S (1991). Language (Including Brazilian Portuguese and Galician). In: *The Year's Work in Modern Language Studies*. Vol. 53. Leiden, Netherlands: Brill, pp. 388–405.
13. Bikić-Carić, G. (2006). L'article en français et en roumain et ses équivalents en croate. In: *7e Congrès de Lingüística General (Universitat de Barcelona, del 18 al 21 d'abril de 2006)*. Barcelona: Universitat de Barcelona, Departament de Lingüística General [CD-ROM].
14. Sedykh, A. P. (2022). *Language, Culture, Communication: The French World*. Belgorod: Epicenter publ. (in Russ.)
15. Banniard, M. (2008). *Du latin aux langues romanes*. Paris: Armand Colin publ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Седых Аркадий Петрович (г. Сочи) – доктор филологических наук, профессор кафедры общегуманитарных наук и массовых коммуникаций Московского международного университета; профессор кафедры немецкого и французского языков Белгородского государственного национального исследовательского университета;

<https://orcid.org/0000-0001-6604-3722>; e-mail: sedykh@bsuedu.ru;

Чижова Анастасия Олеговна (г. Москва) – старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Института международных экономических связей;

<https://orcid.org/0009-0009-1969-1984>; e-mail: nnastik@yandex.ru;

Быканова Мария Сергеевна (г. Белгород) – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Белгородского государственного института искусств и культуры;

<https://orcid.org/0000-0001-8895-3962>; e-mail: crazyplano@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Arkady P. Sedykh (Sochi) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of General Humanities and Mass Communications, Moscow International University; Prof., Department of German and French Languages, Belgorod State National Research University;

<https://orcid.org/0000-0001-6604-3722>; e-mail: sedykh@bsuedu.ru;

Anastasia O. Chizhova (Moscow) – Senior Lecturer, Department of Humanities and Natural Sciences, Institute of International Economic Relations;

<https://orcid.org/0000-0001-6604-3722>; e-mail: nnastik@yandex.ru;

Maria S. Bykanova (Belgorod) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Belgorod State Institute of Arts and Culture;

<https://orcid.org/0000-0001-8895-3962>; e-mail: crazyplano@yandex.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НЕОЛОГИЯ И НЕОГРАФИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Скуратов И. В.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: iv.skuratov@guppros.ru

Для цитирования:

Скуратов И. В. Неология и неография современных европейских языков // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 1. С. 147–149.

NEOLOGY AND NEOGRAPHY OF MODERN EUROPEAN LANGUAGES

I. Skuratov

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: iv.skuratov@guppros.ru

For citation:

Skuratov, I. V. (2025). Neology and neography of modern European languages. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, 147–149.

26–27 июня 2024 г. в Государственном университете просвещения состоялась IX Международная научная конференция «**Неология и неография современных европейских языков**», посвящённая 70-летию известного российского учёного, специалиста в области неологии французского языка, Почётного работника высшего профессионального образования РФ, кавалера Ордена академических пальм Французской Республики, доктора филологических наук, профессора кафедры германской и романской филологии Государственного университета просвещения **Скуратова Игоря Владимировича**.

В своей речи на пленарном заседании заместитель декана по научной работе факультета романо-германских языков, кандидат филологических наук, доцент

кафедры германской и романской филологии **Н. В. Полякова** отметила заслуги учёного в развитии неологии и неографии французского языка, а также личный вклад в плодотворное сотрудничество с франкоязычными странами, укрепление дружеских отношений с вузами-партнёрами, возможность передавать свой профессиональный и педагогический опыт подрастающему поколению.

На конференции были затронуты актуальные проблемы формирования и развития неологии и неографии в европейских языках.

В последние годы внимание к проблеме новых слов стало более интенсивным. Докладчиками были рассмотрены вопросы «неогенности» в диахронии и синхронии, с точки зрения современных

подходов в области фонологии, лексикологии, словообразования, морфологии и синтаксиса, перевода, лексикографии и терминологии, а также роль интеграционных процессов, связанных с использованием современных технологий в преподавании европейских языков и социолингвистики.

В работе конференции приняли участие известные отечественные учёные-романисты, а также зарубежные гости из Франции, Швейцарии, Бразилии, Берега Слоновой Кости и Китая. На пленарном заседании были представлены доклады зарубежных коллег.

Профессор из Франции **Армель-Жак Андриё** посвятила своё выступление тесной связи науки об афазии, расстройстве речи, с дидактическими возможностями междисциплинарного подхода к изучению лексических особенностей образования новых слов, принимая во внимание ошибки в речи, которые становятся языковой нормой.

Выступление научного сотрудника Лингвистического Центра имени Люсьена Теньера, гражданина Швейцарии, **Ивона Борде** было посвящено преподаванию французской литературы на современном этапе развития общества, трудностям восприятия классических произведений прошлого и возможностям чтения наизусть оригинальных отрывков прозы и поэзии.

Профессор из Бразилии **Рита де Кассиа Пайва** поделилась опытом работы с проектом широкого университетского преподавания европейских языков учащимся, оказавшимся в сложной социальной обстановке, где требуется осмысленный выбор языков, французского, немецкого и др.

Гость из Республики Кот-д'Ивуар **Серикпа Аттэби** осветил вопросы неологии, связанные с переосмыслением уже существующих слов в языке, которые приобретают новый смысл в зависимости от конкретной эпохи.

Представитель Китая **Синь Чэн-чжэнь** рассказала об истории изучения потенциальных слов-зоонимов во французских фразеологизмах.

Доктор исторических наук **И. К. Барина** высказала свою точку зрения относительно стилового взаимопроникновения синонимов, что является отличительной чертой обогащения словарного состава современного французского языка.

Доклад доктора педагогических наук, профессора **Е. Я. Григорьевой** затронул проблему французских праздников как социокультурного феномена, напрямую зависящего от настроений, преобладающих в обществе, территориальной специфики, социального заказа, господствующих религий, коммерческих настроений.

В сообщении профессора **Н. Г. Епифанцевой** был рассмотрен вопрос образования французских неологизмов-заимствований как результата взаимодействия контактирующих языков на примере языковой ситуации в Нигере.

Профессор **И. Г. Жирова** посвятила свой доклад специфике формирования лексикона языковой личности.

Доктор филологических наук, профессор **Л. А. Нефедова** сделала акцент на изучении антропоцентрической неологии немецкого языка.

Профессор **Г. В. Овчинникова** в своём выступлении подчеркнула значимость трудов Н. А. Катагощиной и Н. М. Васильевой, связанных с описанием появления новых языковых единиц на всех языковых уровнях и в разных жанровых разновидностях.

Профессор **Е. Д. Павлычева** остановилась на вопросах истории и основных предпосылках возникновения понятия политической корректности.

Доктор филологических наук **Л. В. Разумова** сосредоточила внимание слушателей на мерах, которые федеральное правительство Квебека принимает для решения острых языковых вопросов:

языкового неравенства и улучшения качества французского языка, распространённого в Квебеке.

В докладе профессора **Л. П. Рыжовой** рассмотрены актуальные вопросы когнитивно-прагматической теории релевантности, при которой обмен информацией обеспечивают две модели – кодовая и интерференционная.

Доктор филологических наук **Ю. М. Сергеева** поделилась размышлениями о феномене эмпатии, которая трактуется как социальная компетенция личности.

Выступление доктора филологических наук, профессора **И. В. Скуратова** затронуло дискуссионные вопросы русской и французской лексикографии, связанные с тем, что первая половина XXI в. ознаменовалась появлением большого

количества словарей разного типа, совершенствованием технологий описания словарных единиц. На примере словарей модных слов русского и французского языков показано стремление к разнообразию информации о слове, характерной для современной лексикографии.

Доклад доктора филологических наук **Е. Л. Туницкой** затронул проблему академического дискурса на уровне функционально-семантических типов речи.

Состоявшаяся конференция в очередной раз подтвердила мысль о том, что новые слова не просто изобретаются кем-то, а вводятся в язык во имя его приумножения и процветания. Всё новое, что вносится в язык, является выражением открытой системности языка, которая делает и возможным, и необходимым постоянное его пополнение.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скуратов Игорь Владимирович (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор кафедры германской и романской филологии Государственного университета просвещения; [https:// orcid.org/ 0000-0003-0578-4855](https://orcid.org/0000-0003-0578-4855); e-mail: iv.skuratov@guppros.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor V. Skuratov (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of German Romance Philology, Federal State University of Education; [https:// orcid.org/ 0000-0003-0578-4855](https://orcid.org/0000-0003-0578-4855); e-mail: iv.skuratov@guppros.ru

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

2025. № 1

Над номером работали:

Ответственный редактор И. А. Потапова

Литературный редактор М. С. Тарасова

Переводчик А. Ю. Назарова

Корректор И. К. Гладунов

Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.linguamgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9,5, уч.-изд. л. 11.

Подписано в печать: 28.02.2025 г. Дата выхода в свет: 05.03.2025 г. Заказ № 2025/02-10.

Отпечатано в Государственном университете просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2